

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)
Ministry of Science and Higher Education
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(FSBEI of Higher Education Pitirim Sorokin SyktSU)

Человек. Культура. Образование **Human. Culture. Education**

Научно-образовательный и методический журнал
Research and Instruction Journal

*Входит в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК
Минобрнауки РФ (Перечень ВАК)*

*On the list of leading peer-reviewed publications of the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
(Higher Attestation Commission List)*

№ 3 (41) 2021

Сыктывкар
Издательство СГУ им. Питирима Сорокина
Syktyvkar
SyktSU Press
2021

Научно-образовательный и методический рецензируемый журнал
Учредитель и издатель — федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55)

12+

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС 77-68795 от 17.02.2017 г.
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Журнал зарегистрирован в РИНЦ
(регистрационный номер
261-06 от 02.07.2012 г.)
Выходит с 2011 г.*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Ардашкин Игорь Борисович, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Россия, Томск);

Барахсанова Елизавета Афанасьевна, доктор педагогических наук, профессор Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова (Россия, Якутск);

Бразговская Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; Русская христианская гуманитарная академия (Россия, Санкт-Петербург);

Дагбаева Нина Жамсуевна, доктор педагогических наук, профессор, директор педагогического института Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова (Россия, Улан-Удэ);

Дружинина Мария Вячеславовна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск, Россия);

Винокурова Ульяна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Арктический государственный институт культуры и искусств» (Россия, Якутск);

Гончаров Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Россия, Санкт-Петербург);

Жеребцов Игорь Любомирович, доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Россия, Сыктывкар);

Забулионте Аудра-Кристина Иосифовна, доктор философских наук, профессор факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного

университета, профессор института музыки, театра и хореографии Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург);

Жюев Николай Федосеевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питиримы Сорокина, сотрудник Масси Колледж, Торонто (Россия, Сыктывкар; Канада, Торонто);

Йонкус Далюс, доктор философских наук, профессор Университета Витовта Великого, департамента философии и социальной критики (Литва, Каунас);

Коробейникова Лариса Александровна, доктор философских наук, профессор института искусств и культуры Томского государственного университета (Россия, Томск);

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры; старший методист Государственного литературно-мемориального музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме;

Лю Лэи, профессор, Шаньдунский университет (Китай);

Мангоне Эмилиана, доктор социологии, профессор социологии, культуры и коммуникации университета Салерно, директор международного исследовательского центра «Средиземноморское знание» (Италия, Салерно);

Мосолова Любовь Михайловна, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург);

Николс Лоуренс Т., доктор социологии, профессор социологии университета Западной Виргинии, департамента социологии и антропологии (США);

Скотт Тое, доктор философии, профессор Северного университета г. Бодо, член Союза художников Норвегии (Норвегия);

Сурво Арно, доктор философии, профессор, научный сотрудник кафедры фольклористики гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки);

Сурво Вера Викторовна, доктор философии, профессор, исследователь кафедры этнографии гуманитарного факультета университета Хельсинки (Финляндия, Хельсинки);

Тульчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (Россия, Санкт-Петербург);

Туманян Тигран Гургенович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург);

Шабаев Юрий Петрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Россия, Сыктывкар);

Шадрина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор Мурманского арктического государственного университета (Россия, Мурманск);

Шапинская Екатерина Николаевна, доктор философских наук, профессор, заместитель руководителя Экспертно-аналитического центра развития образовательных систем в сфере культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева (Россия, Москва);

Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики Забайкальского государственного университета (Россия, Чита).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гурленова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Гудырева Любовь Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга; руководитель издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Мазур Виктория Васильевна, кандидат географических наук, начальник отдела планирования и организации научно-исследовательской деятельности Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Белкина Елена Павловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Гуляева Сабина Тахировна, старший преподаватель кафедры информационных систем института точных наук и информационных технологий Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Руденко Людмила Николаевна, ведущий редактор издательского центра Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина.

Адрес редакции: 167001, Республика Коми,
г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55а.
E-mail: lrudenko@bk.ru

Подписной индекс журнала в объединенном каталоге "Пресса России" — 94103.

Свободная цена

© ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», 2021.

Peer-reviewed research and instruction journal
Founder and publisher — Federal State Budget Educational Institution of Higher
Professional Education “Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(167001, Komi Republic, Syktyvkar, Oktyabrsk pros., 55)

12+

PI Media Registration Certificate
No. FS 77-68795 dated 02.17.2017
issued by The Federal Service For
Supervision
Of Communications, Information
Technology, and Mass Media
Journal is registered in the Russian Science
Citation Index
(Registration No. 261-06 of July 7, 2012)
Published since 2011.

EDITORIAL BOARD

Igor B. Ardashkin, Doctor of Philosophy, Professor. Tomsk Polytechnic University (Russia, Tomsk);

Elizaveta A. Barakhshanova, Doctor of Education, Professor. M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Russia, Yakutsk);

Elena E. Brazgovskaia, Doctor of Philology, Professor, Perm State Humanitarian Pedagogical University; Russian Christian Humanitarian Academy (Russia, St. Petersburg);

Nina Z. Dagbaeva, Doctor of Education, Professor, Director of The Pedagogical Institute, Banzarov Buryat State University (Russia, Ulan-Ude);

Maria V. Druzhinina, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Translation and Applied Linguistics Department of Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia);

Uliana A. Vinokurova, Doctor of Sociology, Professor. Arctic State Institute of Culture and Arts (Russia, Yakutsk);

Sergei A. Goncharov, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Russia, Saint Petersburg);

Igor L. Zhrebtsov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History. Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Audra-Kristina I. Zabulionite, Doctor of Philosophy, Professor of the Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg University; Professor of the Institute of Music, Theater and Choreography, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Nikolai F. Ziuzev, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Cultural Science and Anthropology of Education, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University; employee of Massey College in the University of Toronto (Russia, Syktyvkar; Canada, Toronto);

Dalius Jonkus, DSc in Philosophy, Professor. Department of Philosophy and Social Critique, Vytautas Magnus University (Lithuania, Kaunas);

Larisa A. Korobeinikova, Doctor of Philosophy, Professor. Institute of Arts and Culture, Tomsk State University (Russia, Tomsk);

Ivan V. Leonov, Doctor of Culturology, Associate Professor of the Department of theory and history of culture of St.-Petersburg State Institute of Culture; senior methodologist of the State Literary and Memorial Museum of Anna Akhmatova in the Fountain House;

Liu Leyi, professor, Shandong University (China);

Emiliana Mangone, Doctor of Sociology, Associate Professor, University of Salerno. Director of International Centre for Studies and Research 'Mediterranean Knowledge' (Italy, Salerno);

Liubov M. Mosolova, Ph. D. in Art history, Professor Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Lawrence T. Nichols, Ph. D. in Sociology, Professor of Sociology. Department of Sociology and Anthropology, West Virginia University (USA);

Thoe Scott, Ph. D, Professor. Nord University; Member of Association of Norwegian Artists (Norway);

Arno Survo, Ph. D, Associate Professor. Department of Folklore Studies, Faculty of Arts, University of Helsinki (Finland, Helsinki);

Vera V. Survo, Ph. D, Professor, Researcher. Department of Ethnology, Faculty of Arts, University of Helsinki (Finland, Helsinki);

Grigory L. Tulchinsky, Ph. D, Professor. Department of Public Administration, Saint Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, Higher School of Economics (Russia, Saint Petersburg);

Tigran G. Tumanian, Ph. D, Professor, Head of the Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg);

Iurii P. Shabaev, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Ethnography, Institute of Language, Literature and History. Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Irina M. Shadrina, Doctor of Education, Professor. Murmansk Arctic State University (Russia, Murmansk);

Ekaterina N. Shapinskaia, Ph. D, Professor, Deputy Director. Expert Analytical Center for Developing Educational Systems in the field of Culture, Likhatchev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage (Russia, Moscow);

Klavdiia G. Erdyneeva, Ph. D, Professor, Head of the Pedagogy Department. Transbaikal State University (Russia, Chita).

CHIEF EDITOR

Liudmila V. Gurlenova, Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Cultural Science and Anthropology of Education,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar)

TECHNICAL SUPPORT

Lubov V. Gudyreva, Candidate of Philology, Associate Professor
of the Management and Marketing Department;
Head of the Publishing House of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Viktoriya V. Mazur, Candidate of Geographical Sciences
Head of the Research Organization Planning Office
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Elena P. Belkina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate, Professor
of the Foreign Languages Department of the Institute of Foreign Languages
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Sabina T. Gulyaeva, Senior lecturer of the Information Systems Department
of the Institute of Exact Sciences and Information Technologies
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Liudmila N. Rudenko, leading editor of the Publishing House
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.

167001, Komi Republic,
Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55a
E-mail: *lrudenko@bk.ru*

Subscription reference of the journal in the union catalogue "Press of Russia" is 94103.

Flexible pricing

© FSBEI of Higher Education
«Pitirim Sorokin Syktyvkar State University», 2021.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Биньковская Л. Н. Идея университета и фабрика по производству человеческого капитала.....	11
---	----

Мартысюк П. Г. Корреляция принципов рационального и иррационального в контексте инверсионной динамики искусства.....	28
---	----

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Гуляева Н. И. Вербальная репрезентация эмоций в коммуникативном поведении коми.....	44
--	----

Гурленова Л. В., Габб Е. А. Художественные техники русского поэтического концептуализма.....	61
---	----

Мелихов М. В. Образ казака в произведениях Смутного времени и повестях Азовского цикла: вымысел и реальность.....	87
--	----

Иванищева О. Н., Мэнцзе Лян. Мир животных сквозь призму народной мудрости: сопоставительный анализ русских, китайских, тувинских и саамских пословиц и поговорок о коне/лошади/олене.....	106
--	-----

Шабаетов Ю. П., Поляков Ю. В., Шарапов В. Э. Символические пространства современного российского северного города в контексте городской антропологии.....	124
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

Бразговская Е. Е. Культура как неограниченный семиозис (рецензия на коллективную монографию: Семиозис и культура:	
--	--

современные культурные практики [Электронный ресурс]: текстовое научное электронное издание на компакт-диске / под ред. Л. В. Гурленовой, Г. Л. Тульчинского; Федер. гос. бюдж. образоват. учреждение высш. образования «Сыктыв. гос. ун-т им. Питирима Сорокина»).167

Федуленкова Т. Н., Бакина А. Д. Культурный потенциал аллюзии (рецензия на монографию А. М. Гарифуллиной: Культурологическая маркированность аллюзий в рамках художественного дискурса Д. Фаулза, М.: ИНФРА-М, 2019, 120 с.)173

CONTENTS

PHILOSOPHY OF CULTURE

Maltsev K. G., Maltseva A. V., Binkolvskaya L. N. Idea of a University and a Factory For Human Capital Production.....	11
Martysiuk P. G. Correlation of the Principles of the Rational and the Irrational in the Context of the Inversion Dynamics of Art.....	28

CULTUROLOGY

Gulyaeva N. I. Verbal Representation of Emotions in Komi Communicative Behavior.....	44
Gurlenova L. V., Gabb E. A. Artistic Techniques of Russian Poetic Conceptualism.....	61
Melikhov M. V. The Image of a Cossack in Literary Works of the Time of Troubles and Stories of the Azov Cycle: Fictions or Facts of Life.....	87
Ivanishcheva O. N., Mengjie Liang. The World of Animals through the Prism of Folk Wisdom: a Comparative Analysis of Russian, Chinese, Tuvan and Sami Proverbs and Sayings about a Horse/Deer.....	106
Shabaev Yu. P., Poliakov Yu. V., Sharapov V. E. Symbolic Spaces of a Modern Russian Northern City in the Context of Urban Anthropology.....	124

REVIEWS

Brazgovskaia E. E. Culture as Unlimited Semiosis (review of the joint monograph: Semiosis and Culture: Modern Cultural Practices [Digital Resource]: text research digital publication accommodated on a CD-ROM / ed. by L. V. Gurlenova, G. L. Tulchinsky; Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Pitirim Sorokin Syktyvkar State University").....	167
Fedulenkova T. N., Bakina A. D. Cultural potential of allusion (review of the monograph by A. M. Garifullina: Culturological marking of allusions within the artistic discourse of D. Fowles, Moscow: INFRA-M, 2019, 120 p.).....	173

ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2

DOI: 10.34130/2233-1277-2021-3-11

К. Г. Мальцев, А. В. Мальцева, Л. Н. Биньковская

Белгородский технологический университет
им. В. Г. Шухова, г. Белгород, Российская Федерация

Идея университета и фабрика по производству человеческого капитала

Целью статьи является сопоставление представлений идеи «университета разума» и современной действительности «университета-корпорации» как фабрики по производству «практически полезного» знания и человеческого капитала. Философское истолкование предполагает «помещение» представления в горизонт осмысленности, таковым является философское понятие современности М. Хайдеггера: определение посредством идеи техники. Устанавливается: классический университет разума как место роста науки и образования человечности утратил действительность в связи с исчезновением его «онтических оснований»; наука осуществилась в «своей собственной» форме технического знания, предполагающего подготовку специалистов, владеющих набором компетенций, востребованных

© Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Биньковская Л. Н., 2021

рынком, то есть человеческого капитала; университет разума «умер в 1890 году» (М. Хайдеггер). Доказывается: между «университетом разума» и «университетом-корпорацией» (Ф. Рингер) нет преемственности; речь идет не об эволюции (или модернизации), но о замене одного другим; история университета в новое время представляется как серия «обрывов». Перманентное реформирование, которому подвергается университет (в последние тридцать лет — в России, на Западе — с 30-х годов XX века), истолковывается в связи с осуществлением «метафизической сущности» нововропейского субъекта, целью которого является «окончательно встроиться в машину», то есть действительно стать человеческим капиталом; в этом усматривается основание необходимости «университета-корпорации» как фабрики, эффективность производства в которой оценивается посредством расчета «прибылей» и «издержек». Остатки (В. Парето) классического университета разума не имеют оснований в действительности и не могут препятствовать / замедлить описанные процессы. В результате исследования получен вывод: событие «смерти университета» и становления на его месте «фабрики» неотменимо — в горизонте современности.

Ключевые слова: университет разума, наука, образование, культура, техника, человеческий капитал, подготовка специалистов, «университет-корпорация».

K. G. Maltsev, A. V. Maltseva, L. N. Binkolvskaya

Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod,
the Russian Federation

Idea of a University and a Factory For Human Capital Production

The purpose of the article is to compare the representations of the idea of the «university of reason» and the modern reality of the «university-corporation» as a factory for the production of «practically useful» knowledge and human capital. Philosophical interpretation presupposes the «placement» of representation in the horizon of meaningfulness — such is the philosophical concept of modernity by M. Heidegger: the definition through the idea of technology. It is determined that a classical university of reason as a place for the growth of science and education of

humanity has lost its reality in connection with disappearance of its «ontic foundations». Science has been realized in its «own» form of technical knowledge, which involves training of specialists possessing a set of competencies demanded by the market, that is, human capital: the university of reason «died in 1890» (M. Heidegger). It is proved, that there is no continuity between the «university of reason» and the «university-corporation» (F. Ringer): we are not talking about evolution (or modernization), but about replacing one with another: the history of the university in modern times is presented as a series of «cliffs». The permanent reform that the university has undergone over the past thirty years (in Russia, in the West, since the 1930s) is interpreted in connection with implementation of the «metaphysical essence» of the new European subject, whose goal is to «finally integrate into the machine», then is there really to become human capital. This is seen, as the basis for the need for a «university-corporation» as a factory, the production efficiency of which is assessed by calculating «profits» and «costs». The remnants (V. Pareto) of the classical university of reason have no foundation in reality and cannot hinder / slow down the described processes. As a result, of the study, the conclusion was reached: the event of the «death of the university» and the emergence of a «factory» in its place is irrevocable — in the horizon of our time.

Keywords: *university of reason, science, education, culture, technology, human capital, training of specialists, «university-corporation».*

Введение; постановка проблемы, метод и задачи. *Представление университета за последние двести лет претерпело несколько существенных изменений; при этом речь не идет «об эволюции» или «развитии идеи» — напротив, мы можем наблюдать серию «обрывов», связанных между собой исключительно «внешним образом», то есть определенных извне: между «университетом разума», или классическим университетом, и «университетом корпорацией», действительность которого является целью перманентного реформирования, добровольными или подневольными участниками / объектами которого мы сейчас являемся, — нет преемственности; забота по созданию ее видимости есть необходимый аспект реформирования, который является в самом точном смысле тем, что М. Хайдеггер называл «историографическим перерасчетом». Тот же М. Хайдеггер констатировал: университет «умер в 1890*

году» [1, с. 467]; нет больше «идеи университета разума» (кроме как «воспоминания» и объекта «перерасчета» и манипуляции), ставшей *недействительной*, — принципиально изменилась и *миссия* (то, что должно обеспечивать единство *задач*, стоящих перед университетом и *приписываемых* ему *извне*) того, что называется университетом, но теперь только в значении «технического термина» (К. Ясперс [2]), которым привыкли пользоваться и который облегчает манипуляции / реформирование; изменилась сама *действительность*, в которую встроено то, что раньше называлось «университетом»: она окончательно стала *современностью* (М. Хайдеггер). Задача статьи, таким образом, может быть определена так: привести *аргументы*, подтверждающие сказанное выше, и, главное, *истолковать смысл*, то есть выстроить *горизонт*, в котором аргументы будут *иметь значение*, — научное исследование должно быть *опосредовано* философским истолкованием. Опыт решения определенной таким образом задачи предполагает: во-первых, краткое обозначение того, что *есть современность* и что она *означает* — для «университета»; во-вторых, *демонстрацию* недействительности идеи и замены миссии университета; в-третьих, *определение формы* того, что продолжает *называться* университетом, то есть *выявить* новую его «идею» и «миссию», или того, что их *заменило*; наконец, в-четвертых, *дать имя* тому, что становится *действительным* на наших глазах.

Горизонт истолкования. Главное, что нужно знать в связи с предметом нашего исследования о современности: во-первых, что ее центром является самоутверждающийся и самодостовверный *субъект*, таким образом, что действительность в своей истинности как достоверности опосредована представлением *субъекта*; во-вторых, современность определена *идеями техники* как «нахождение в наличии для распоряжения», — мы используем здесь высказывания М. Хайдеггера [3], но следует иметь в виду, что в господствующей

щей либеральной экономической парадигме — именно так и представляется действительность (разумеется, в *симптоматическом «забвении»* Хайдеггера): Калхун [4] указывает на «общее западное представление» об индивиде как «неразложимом локусе действительности», а то, что современность определяется *наукой*, — почти «общее место» современного общественнознания.

Вопрос в том, соглашаться ли с утверждением Хайдеггера, что наука определяется поставом (а не наоборот, как полагает большинство), — но именно этот вопрос находится в числе основных при выяснении изменения в современности «онтических оснований» университета — идея «университета разума» определяется через то, что он есть «место науки» и «подготовки к знанию». Здесь достаточно «косвенного свидетельства» справедливости хайдеггеровского видения: от современной науки требуется *практическая польза*, так что то, что «науки все больше сливаются с повседневностью и тем самым становятся одновременно неважными и полезными, как булочные и канализация» [5, с. 121], можно считать заданной «от имени современности» *целью*, чем наука *должна быть*.

Наука как «практически полезное знание». Хайдеггер пишет о том, что есть *современная наука*, причем утверждает, что это — не искажение ее «идеи», но именно ее «окончательное осуществление»: в современной науке *новоевропейская наука завершилась в своей сути*. В *новоевропейской науке*, пришедшей к своей сути, «“знание” извращенно подается как простой инструмент, которым можно оперировать и который должен быть под рукой» [1, с. 242]. «Практическая ориентированность» знания, требование, чтобы оно было «непосредственно применимо» и, более того, «сразу окупалось», представляется как «близость к жизни»: «Сообразно этому требуют соответствующего освоения этого инструмента и его “близости к жизни”». “Жизнь” понимается как Понятная суэта ближайшей повседневности и ощутимой пользы и ее насущных потребно-

стей» [1, с. 242]. «Подготовка к знанию» теперь означает совершенно другое, в соответствии с изменением самого понимания «знания» и «науки»: вовлечение студентов в «научно-исследовательскую работу», практически ориентированную, то есть *инновационную*, означает вот что: «сочетание беспочвенной суеты» «с известной сноровкой и рекламой в подлинное политическое сбывание, то все приобретает вид, будто эта детская шумная возня вместе с тем сбыванием действительно относится к сфере знания. И почему бы в этой суете, которая не знает меры, любому студенту, если он достаточно громко кричит, не выделиться как герою, особенно если он к тому же каждую неделю пишет о героизме» [1, с. 243]. Инновация сама по себе есть *махинация* («техника как продвигающаяся в своей собственной бездне махинация, мнимо поддерживаемая и подтверждаемая "природой", — махинация человека, блуждающего в оставленности бытием» [1, с. 385—386], как характерная черта современности); встроенная в науку как ее «механизм», махинация также *производит* тех, кто *поставлен* производить «практическое знание»: «миссия университета», *образование, больше недействительна*.

Образованность и производство человеческого капитала.

Подготовка к знанию называлось *образованием*, в том значении, которое давали ему *романтики*: как «образование человека». Относительно понимания этой задачи классического университета существовало расхождение. Как «место роста знания» университет представлял собой автономную *корпорацию профессоров* (определение университета В. фон Гумбольдтом [6]), важнейшей задачей которых было подготовить себе *преемников*, то есть в студентах видели *учеников*. Основополагающим для понимания романтической идеи образования является суждение Гердера: «возрастание к гуманности» [7, с. 51]; образование «теснейшим образом связано с понятием культуры и обозначает в конечном счете специфический челове-

ский способ преобразования человеческих задатков и возможностей» [7, с. 51]. Гумбольдт выделяет «особенное» образования в отношении к культуре: «Когда мы на нашем языке говорим “образование”, то имеем в виду при этом нечто одновременно высокое и скорее внутреннее, а именно вид разума, который гармонически изливается на восприятие и характер, беря начало в опыте и чувстве совокупно духовного и чувственного стремления» (цит. по: [7, с. 52]). Такое понимание образования существенно связано с особым пониманием науки, характерным для творцов идеи классического университета разума, и определенное, например, Гегелем; Хайдеггер пишет о «гегелевой науке» следующее: «Наукой как таковой не понимается научное исследование вообще и в целом — в том смысле, который имеется в виду, когда мы говорим: варварство угрожает дальнейшему существованию науки. Наука, о системе которой здесь идет речь, есть целое высшего знания в собственном смысле слова. Это знание есть философия. Здесь “наука” берется в том же смысле, в котором она берется в фихтевом понятии «наукоучения». В этом учении речь идет не о науках (оно — не “логика” и не “теория знания”), а о науке как таковой, то есть о самораскрытии философии как абсолютного знания» [8, с. 16]. *Местом* науки и образования, как мы сказали, был *университет разума* [9].

Известен «спор» конца XVIII века: Фридрих Прусский первым увидел в университете место подготовки *специалистов* для государственной (прежде всего) службы. Несколько обстоятельств с самого начала оказывали почти непреодолимое воздействие на университет: во-первых, потребность в постоянно увеличивающемся финансировании, которое не могло обеспечить меценатство, то есть в государственном финансировании; во-вторых, стандартизация образования как политика становящегося государства-нации; в-третьих, университетское образование становится *массовым*. Эти процессы достаточно описаны социологами (например, Э. Гелнер [10], П. Бурдьё [см., например, 11; 12]): они вели к *государственному*

университету, то есть *фабрике по производству специалистов*, теперь не только для государства, но и для «нужд национальной экономики» в первую очередь.

Университет как фабрика по производству «технического знания» и «человеческого капитала». Делались попытки сохранить и реставрировать «идею университета», надлежащим образом приспособив ее к условиям современности; «парадигмальное значение» имеют две из них, К. Ясперса [2] и Х. Ортеги-и-Гассета [13]. Ясперс исходит из утверждения об «инструментальном», то есть принципиально «нейтральном» характере техники; таким образом, *понятие науки*, не затронутое *поставом*, по-прежнему предполагает, что университет *должен оставаться* в числе прочего местом роста знания и в этой степени быть также автономным от всецелого «определения извне» в отношении своих *задач*. Тем не менее Ясперс ясно видит, что давление извне (обстоятельств, которые мы определили как связанные с современностью) настолько сильно, что университет нуждается в *защите государством* своей автономии: план несколько утопический, поскольку предполагает большие затраты без *непосредственной отдачи*, на что современное государство идет с большой неохотой. Тем более что предполагаемая автономией *элитарность* университета находится в непримиримом противоречии с «основными тенденциями современности» к *демократизации и массовости*.

Элитарное университетское образование в «классическом смысле» если и остается востребованным, то лишь ограниченным кругом «потребителей» из господствующего класса, которые сами могут за него заплатить, — две «выгоды» сразу: для «бюджета» государства и для «элиты» (как способ ее *выделения* и определенная *гарантия господства*). Ортега-и-Гассет, обращаясь к характеристике «миссии университета», то есть, как мы сказали, к *понятию образования*, настаивает, что «подготовка к исследовательской работе» не только не является основной задачей университета, но

даже мешает выполнению миссии университета, которую прямо называет *подготовкой специалистов*. От прежнего университета, полагает Ортега-и-Гассет, следует не только оставить, но максимально акцентировать его значения как «центра культуры»: в представлении о специалисте он как определяющую характеристику вводит «культурность» — специалист для него есть прежде всего «культурный человек».

Таким образом, первый «обрыв», или, по Хайдеггеру, «смерть университета», может быть обозначен вполне определенно: «университет разума» следует заменить «университетом культуры» [14] — но идея «университета культуры» очень быстро сходит на нет: во-первых, специалист есть в первую очередь *технический специалист* и именно в этом качестве «востребован» как государством, так и рынком; во-вторых, нельзя не прислушаться к Хайдеггеру, который в то же самое время, когда Ортега-и-Гассет конструировал свою «философию культуры» и связанный с ней концепт «университета культуры», утверждает, что культура есть *феномен нового времени* («великие творческие эпохи не имели культуры» [1, с. 341]) и результат «историографического перерасчета прошлого», то есть именно технического «предоставления в наличие и готовность к использованию»: культура существует как культурная политика и является техникой «организации переживаний» (например: [5, с. 10; 14]).

На месте университета разума, то есть классического университета, устанавливается не связанный с ним, хоть и опосредованно, «университет культуры», но — «высшая техническая школа». Хайдеггер не скрывал своего скепсиса относительно классического университета, полагая, что ему приписывают то достоинство, которым он никогда не обладал; так же, как новоевропейская наука в «техническом знании» обрела «сама себя» (свою подлинную «форму» и «суть»), так и классический университет разума был лишь «промежутком» — переходом к «профессиональной школе». Он писал: «Сейчас опасаются, что университет будет переведен в

ранг профессиональной школы (Fachschule), то есть в совокупность таких профшкол. Но в принципе люди опасаются увидеть то, что уже — а именно, по своей сути, — есть. В этом переходе видят унижение университета, то есть люди присваивают себе право приписывать ему то достоинство, которым он едва ли когда-нибудь обладал. Но это довольно поздно возникшее воодушевление по поводу высокого назначения университета есть только последнее ответвление устремлений, которые прежнее “духовное” и “образованное” культурное производство хотело бы сохранить» [5, с. 365]. Университет как феномен современности просто «внял» тому, что его существенно определяет: «Система профессиональных школ обуславливается и оправдывается не отключением обучения, но как раз “ориентацией” обучения на полезность» [5, с. 366]. Происшедшее с университетом разума необходимо: «Единство исследования и обучения определяется не исходя из одного или другого, — а исходя из типа отношения к сущему как таковому и из типа истолкования его» [5, с. 367], то есть, по Хайдеггеру, «одновременно исходя из отношения к сущности истины и ее обоснования» [5, с. 367]. К сущности современности относится, что «осмысление не может отважиться проникнуть в эти сферы, раз осмысление вообще становится все более чуждым данной эпохе» [5, с. 367], — следовательно, «все попытки “спасения” и “обновления” университета вязнут в сплошной риторике и болтовне» [5, с. 367].

Итак, «высшая техническая школа», она же — «профессиональная школа», есть необходимость, следующая из сущности современности; все попытки, направленные на «реставрацию» университета, есть следствие усилий «ученого сословия» обеспечить свою «неприкосновенность» и «значение», то есть вполне *социологически объяснимы* (особенно в связи с тем, что из себя представляет это «ученое сословие»: Ф. Рингер [16], например, предложил убедительное описание этой «касты»), но по сути («идея университета разума», «миссия университета культуры» и т. п.) недействительны, обречены и являются как раз *инструментом махинации*: «Хотели

бы еще сохранить для университета как бы в публичной и “общественной” сфере видимость “культуроопределяющей” и даже “духовной” власти, хотели бы еще — при всей связи с народом — совместно принадлежать к “высшей” школе и с помощью такой принадлежности к «высшему» обеспечить этой в остальном еще слишком явной деятельности ради банальной пользы еще и определенное “освящение”» [1, с. 507]. Идея «единства науки» (никоим образом не *междисциплинарности*, обеспечить которую должна, по мнению многих современных *специалистов* в «области философии», философия [см.: 17], последнее, что, пожалуй, еще «осталось» от обоснования университета, также, по Хайдеггеру, никак не связано с существованием того, что еще называется университетом: «То, что для отдельных профессиональных областей люди могут рассматривать единое понятие “науки”, так что оно должно сохраняться, является как раз условием для “ропуска” университетов и превращения их в профессиональные высшие учебные заведения (Fachschule). Общность подобного понятия никоим образом не препятствует этому “ропуску” и не создает прежде всего изначального единства, которое ведь еще могло бы действовать против профессионализации. С простым “единством” — как существующей абстракцией того, что издавна объединяет новоевропейские науки, — нельзя обосновать нового единства (unitas) университета, — но можно только спасти прежнее в его окончательной форме многообразия (diversitas) профессиональных вузов» [5, с. 501].

Итак, формальное «собрание факультетов», то есть «профессиональных школ», без определяющего их внутреннего единства, занимающееся подготовкой специалистов, «востребованных на рынке труда», — этому «нечто» следует дать *имя*, для чего необходимо выявить его «идею» и определить «миссию».

Цифровизация как путь к осуществлению «мечты субъекта» — «окончательно встроиться в машину». Здесь необходимо вернуться к самому началу нашего изложения: современность

есть область самоутверждения и самоудостворения новоевропейского субъекта; «субъектный характер человека — как новоевропейского — является глубиннейшей исторической силой» [5, с. 54], — очевидно, что современный «университет» имеет к этому отношение и определяется им: отсюда и следует «извлечь» его «идею». Современность есть «эпоха, которая тем больше укрепляет свою сущность, чем больше задумывается лишь о том, что она делает. Но «она делает» только то, что должна делать полнота субъективности — самосохранение в отсутствии-осмысления — возможно, вплоть до саморазрушения» [5, с. 36—37]. Только теперь человек может «изнутри» привести себя в движение, — причем таким образом, что вопрос, куда это катится (rollt), утрачивает для катящегося всякий смысл; сам субъект (Subjektum) есть свое собственное и единственное пространство и свое время» [5, с. 53]. Это «внутри себя вращение» есть сущность нового времени: инновация, как мы сказали, есть *машинация*, постоянное «изменение / реформирование» *означает*, что «ход истории Нового времени, несмотря на растущие скорости, все больше замедляется, застой становится все неотвязнее, а долговечность этой мешанины всех возможностей субъективизма — все вернее. Лишь когда мы раскроемся и узрим в этом господстве Subjektum, как он в качестве сердцевины сущего приносит себя» [5, с. 54].

Действительность дана субъекту в его представлении, и человек полностью настроен больше не полагаться на «случай», но все «без остатка» включать в планирующий расчет разума» [5, с. 178], что делает технику «средством неосмысляемого расчета» [5, с. 179]. «Уверенность в себе» и в «своих силах», *индивидуализм* не как методологический принцип только, но как, по словам Калхуна, свойственная современному Западу уверенность в индивиде как «неразложимом локусе бытия», означает «эпоху полной безвопросности» [5, с. 182—182]: «Человек знает, что он человек, когда серьезно относится ко всему этому владению, наживается на нем и больше ничего не терпит и оправдывает всякое воздействие успехом и везде

утверждает себя как этот Subjektum. Эта безусловная одержимость субъективным должна уметь выдавать себя за “самое объективное” — ведь «объективность» подразумевает не что иное, как не знающую исключений обязательность субъективного, которая защищает и утверждает себя через безусловное требование безвопросности человечности» [18, с. 431—432]. Наконец, главное следствие, имеющее уже непосредственное отношение к *цели образования*: «Новоевропейский человек нацеливает сохранение своей сущности на то, чтобы однажды стать частью машины и на службе по обеспечению целесообразности и расчета ее работы обрести свою дающуюся без труда безопасность, свои побуждения и свою похоть. Это внедрение в машинную сущность — нечто существенно иное, чем простое использование “технических” возможностей; здесь происходит крайнее уподобление сущности человека расчетливости (Rechenhaftigkeit) сущего» [18, с. 416—417].

Университет, вернее то, что так сейчас называется, образование как таковое, обрабатывает индивида таким образом, чтобы осуществилась его «мечта субъекта»: субъект должен производить практически полезное знание, делать это «машинным способом» («то, что не зафиксировано в правилах и не стоит в плане, не обладает действительностью» [18, с. 275], но и сам должен стать «частью машины»: то есть фабрика по производству знания есть одновременно фабрика по производству человеческого капитала [19]: специалиста, овладевшего «компетенциями», которые и обеспечивают его «встроенность» в производство. Кстати будет сказать, что и само слово «цифровизация» в этой связи впервые употребил тоже М. Хайдеггер [20]: она *гарантирует* техническое производство человеческого капитала для «хозяйственных нужд». Все это вместе называется «инновационным университетом», представляющим собой «корпорацию» в совершенно ином значении, чем «корпорация профессоров», — в значении *предприятия*, ориентированного на производство «продукта» и «прибыль».

Заключение. Перманентное реформирование, за которым мы наблюдаем уже больше тридцати лет, помимо *непосредственной задачи разрушения* (речь идет о философской концептуализации, то есть о *реальности понятия*, — в *действительности* это представлено *серией изменений*, направленных на достижение практических целей *приспособления* к «современным потребностям и условиям», то есть именно как *реформирование*), обрело в последнее время представление о своей «миссии»: осознало себя под именем *цифровизация*, которая к тому же есть еще и *политическая программа* — результат «осуществления миссии» описан нами в статье. Замечательным является именно то, что М. Хайдеггер может быть представлен не как *критик*, но, если *опустить* «начала» и «концы», опознаваемые только в горизонте его «бытийно-исторического мышления», — а именно это мы и сделали, — но как почти «пророк» и «глашатай» происходящего, выявивший его *необходимость* и *основательность*, почти *неотвратимость*: это «почти» есть «неуловимый след» именно «бытийно-исторической» постановки вопроса. Но такой вопрос, как утверждает Хайдеггер, не будет и не может быть задан: в *современности* для философии *нет места*.

То, что еще осталось от «университета», есть именно «остатки» (в значении, которое придавал им В. Парето [21]); некоторые продолжают пытаться «удержать их», полагая тем самым хотя бы *замедлить* постоянное ускорение, то есть инновационность, реформирование, — но, как однажды заметил Хайдеггер (и именно в связи с судьбой университета, которая заботила его в 30-е годы XX века), не лучше ли «дать всему провалиться», то есть приветствовать приход и торжество «инновационного университета — корпорации»: подобное *осуществление* даст необходимую *наглядность* тому, что это *значит*.

Библиографический список

1. Хайдеггер М. Размышления II—VI (Черные тетради 1931—1938). М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 584 с.

2. Ясперс К. Идея университета. Минск: БГУ, 2006. 159 с.
3. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 221—238.
4. Калхун К. Национализм. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 288 с.
5. Хайдеггер М. Размышления VII—XI (Черные тетради 1938—1939). М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 528 с.
6. Гумбольдт Вильгельм фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 450 с.
7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
8. Хайдеггер М. Гегелева «Феноменология духа». СПб.: Владимир Даль, 2020. 285 с.
9. Биньковская Л. Н., Мальцев К. Г. Странная «смерть университета»: опыт философской интерпретации // Общество: философия, история, культура. 2021. № 4. С. 21—26.
10. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
11. Бурдые П. *Nomo academicus*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 461 с.
12. Бурдые П. О государстве : курс лекций в Коллеж де Франс (1989—1992). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. 720 с.
13. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. Минск: БГУ, 2005. 104 с.
14. Биньковская Л. Н., Мальцев К. Г. Концепция «университета культуры»: содержание и критика «онтических оснований» // Kant. 2021. № 2 (39). С. 260—266.
15. Биньковская Л. Н., Мальцев К. Г. Современная культура как культурная политика: М. Хайдеггер о культуре как «феномене современности» // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3. С. 454—470.
16. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов. Академическое сообщество в Германии, 1890—1933. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 645 с.
17. Жданова И. В., Мальцев К. Г. «Самооправдание философии»: «междисциплинарность» как способ «встроиться» в «дисциплинарную структуру» современной науки // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2020. № 5. С. 126—133.
18. Хайдеггер М. Размышления XII—XV (Черные тетради 1939—1941). М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 344 с.

19. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. «Человеческий капитал» как концепт биополитики: опыт философского истолкования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10. № 5. С. 242—252.

20. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Цифровизация и «цифровой фетишизм»: предвидения в бытийно-историческом мышлении М. Хайдеггера // Человек. Культура. Образование. 2020. № 4 (38). С. 46—58.

21. Парето В. Компендиум по общей социологии. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 511 с.

References

1. Heidegger M. *Razmyshleniya II—VI (Chernyye tetradi 1931—1938)* [Ponderings II—VI (Black Notebooks 1931—1938)]. Moscow, Gaidar Institute Publishing House, 2016. 584 p. (in Russ.).

2. Yaspers K. *Ideya universiteta* [The idea of the university]. Minsk, BGU, 2006. 159 p. (In Russ.)

3. Heidegger M. Question about technology. Martin Hajdegger *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and being: Articles and speeches]. Moscow, Respublika Publ., 1993, pp. 221—238. (In Russ.).

4. Kahun K. *Nacionalizm* [Nationalism]. Moscow, Izdatel'skiy dom «Territoriya budushchego», 2006. 288 p. (In Russ.)

5. Heidegger M. *Razmyshleniya VII—XI (Chernyye tetradi 1938–1939)* [Ponderings VII—XI (Black Notebooks 1938–1939)]. Moscow, Gaidar Institute Publishing House, 2018. 528 p. (In Russ.).

6. Gumbol'dt V. fon. *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and philosophy of culture]. Moscow, Progress, 1985. 450 p. (In Russ.)

7. Gadamer H.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenевtiki* [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics], Moscow, Progress, 1988. 704 p. (In Russ.)

8. Heidegger M. *Gegeleva «Fenomenologiya duha»* [Hegel's "Phenomenology of Spirit".], St. Petersburg, Vladimir Dal', 2020 285 p. (In Russ.)

9. Bin'kovskaya L. N., Mal'cev K. G. Strange «death of the university»: the experience of philosophical interpretation. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], 2021, no 4, pp. 21—26. (In Russ.)

10. Gellner E. *Nacii i nacionalizm* [Nations and nationalism], Moscow, Progress, 1991. 320 p. (In Russ.)

11. Burd'e P. *Homo academicus*, Moscow, Gaidar Institute Publishing House, 2017. 461 p. (In Russ.)

12. Burd'e P. *O gosudarstve: kurs lekcij v Kollezhe de Frans* (1989—1992) [On the State: a Course of Lectures at the College de France (1989—1992)], Moscow, Publishing house "Delo" RANEPa, 2016. 720 p. (In Russ.)

13. Ortega-i-Gasset X. *Missiya universiteta* [Mission of the university], Minsk: BGU, 2005. 104 p. (In Russ.)

14. Bin'kovskaya L. N., Mal'cev K. G. The concept of a «university of culture»: content and criticism of «ontic foundations». *Kant* [Kant], 2021, no. 2 (39), pp. 260—266. (In Russ.)

15. Bin'kovskaya L. N., Mal'cev K. G. Contemporary culture as a cultural policy: M. Heidegger on culture as a «phenomenon of modernity». *Evrazijskij yuridicheskij zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2021, no. 3, pp. 454—470. (In Russ.)

16. Ringer F. *Zakat nemeckih mandarinov. Akademicheskoe soobshchestvo v Germanii, 1890—1933* [Sunset of German tangerines. Academic community in Germany, 1890—1933]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 645 p. (In Russ.)

17. Zhdanova I. V., Mal'cev K. G. «Self-justification of philosophy»: «interdisciplinarity» as a way to «integrate» into the «disciplinary structure» of modern science. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovation. Investments], 2020, no. 5, pp. 126—133. (In Russ.)

18. Heidegger M. *Razmyshleniya XII–XV (Chernyye tetradi 1939—1941)* [Ponderings XII—XV (Black Notebooks 1939—1941)]. Moscow, Gaidar Institute Publishing House, 2020. 344 p. (in Russ.).

19. Mal'cev K. G., Mal'ceva A. V. «Human capital» as a concept of biopolitics: the experience of philosophical interpretation. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment* [News of the South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management], 2020, vol. 10, no 5, pp. 242—252. (In Russ.)

20. Mal'cev K. G., Mal'ceva A. V. Digitalization and “digital fetishism”: foresight in the historical thinking of M. Heidegger. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2020, no. 4 (38), pp. 46—58.

21. Pareto V. *Kompendium po obshchej sociologii* [Compendium of General Sociology], Moscow, Publishing House of the State University Higher School of Economics, 2008. 511 p. (In Russ.)

П. Г. Мартысюк

Российский государственный социальный университет, филиал в г. Минске,
г. Минск, Республика Беларусь

**Корреляция принципов рационального и иррационального
в контексте инверсионной динамики искусства**

На различных этапах эволюции искусства прослеживается противостояние принципов рационального и иррационального, раскрывающихся в его чувственно-иррациональных и эмоционально-художественных формах. При этом под рациональным в его онтологическом измерении принято понимать целостное, гармоничное, целесообразное, формообразующее начало, придающее искусству устойчивость и завершенность. В то же время иррациональное связано со стихийным, динамическим, хтоническим и хаотическим, с тем, что в большей мере относится к природе, чем к искусству. Когда «иррациональное» входит в искусство, оно взаимодействует с «рациональным», в результате чего искусство оказывается подвержено различного рода динамическим процессам. В классицизме как проявлении рационального присутствует вечное стремление к устойчивым, универсальным основам бытия, порождённое идеей совершенного формообразующего начала. Зачастую невозможность его достижения порождает эклектические, а также незавершённые формообразующие вариации искусства. В романтизме и барокко сокрыто иррациональное, стихийное, хаотическое начало. Смена стилей в истории искусства представляет своеобразную инверсию рационального и иррационального начал. Антиномия «рациональное — иррациональное» созвучна и современной культурной ситуации.

Ключевые слова: искусство, принципы рационального и иррационального, культура, миф, космос, хаос, циклическая динамика.

P. G. Martysiuk

Russian State Social University branch in Minsk, Minsk, Republic of Belarus

Correlation of the Principles of the Rational and the Irrational in the Context of the Inversion Dynamics of Art

At various stages of the evolution of art, there is a confrontation between the principles of the rational and the irrational, which are revealed in its sensually-irrational and emotional-artistic forms. At the same time, under the rational in its ontological dimension, it is customary to understand a holistic, harmonious, expedient, form-forming principle that gives stability and completeness to art. At the same time, the irrational is associated with the spontaneous, dynamic, chthonic and chaotic, with what is more related to nature than to art. When the "irrational" enters art, it interacts with the "rational", as a result of which art is subject to various kinds of dynamic processes. In classicism, as a manifestation of the rational, there is an eternal striving for stable, universal foundations of being, generated by the idea of a perfect formative beginning. Often, the impossibility of achieving it gives rise to eclectic, as well as unfinished form-building variations of art. An irrational, spontaneous, chaotic beginning is hidden in romanticism and baroque. The change of styles in the history of art is a kind of inversion of the rational and irrational principles. The antinomy "rational - irrational" is consonant with the modern cultural situation.

Keywords: *art, principles of rational and irrational, culture, myth, space, chaos, cyclical dynamics*

Введение. Целью представленной статьи является выявление рационального и иррационального как основополагающих принципов инверсионной динамики искусства. В процессе реализации цели исследования автор использует возможности познавательной установки, сориентированной на чувственно-образное постижение реальности. Чувственно-образное постижение объективной реальности сближает искусство с мифом и во многом придает отдельным направлениям искусства мифосемантическую направленность. Одним из ведущих принципов, определяющих природу и своеобразие циклической природы искусства, выступает принцип взаимодействия иррационального и рационального. Его исследование нашло отражение в трудах Н. Я. Барковского, М. М. Бахтина, А. Белого,

В. Г. Власова, В. М. Жирмунского, Ю. М. Лотмана, Э. Пановского, П. Сорокина и др. Мифосемантика инверсионной динамики, разработанная отечественными и зарубежными учёными в области художественной культуры (В. И. Иванов, О. А. Кривцун, А. Ханзен-Лёве, Н. А. Хренов), представляет иррациональное и рациональное в качестве своего рода культурного комплекса, сохраняющего константность в границах сменяющих друг друга культурно-исторических эпох.

Методы исследования. С целью исследования научной проблемы автором был использован ряд теоретических методов: теоретического моделирования, позволяющий выстроить инверсионную модель искусства путем обращения к бинару как семантическому принципу взаимосвязи рационального и иррационального начал; диалектический, устанавливающий уровни взаимодействия и взаимосвязи противоположных оснований искусства, в своей перспективе образующих его новые модификации; семиотический, содержащий описание инверсионной модели искусства в знаковых формах выражения; компаративного анализа, дающий возможность соотнесения параллельных художественных сюжетов в синхронном и диахронном срезах искусства.

Результаты исследования и их обсуждение. Пространственно-временной диапазон корреляции принципов рационального и иррационального в искусстве может иметь два основных варианта выражения. Первый вариант обусловлен мифологическим сознанием и представлен всеобъемлющей сакральной космичностью, распространяющейся на продолжительные периоды древней истории и древнего искусства. Второй вариант содержит черты десакрализованной мифологичности, проявившейся в создании художественных стилей и отдельных произведений, в своих мотивах

обращённых к прошлому, возрождающих это прошлое в новом контексте формально-стилевых приёмов.

Второй вариант взаимодействия принципов рационального и иррационального распространяется и на семиотические аспекты искусства. «Семиотические аспекты культуры (например, история искусства), — замечает Ю. Лотман, — развиваются, скорее, по законам, напоминающим законы памяти, при которых прошедшее не уничтожается и не уходит в небытие, а, подвергаясь отбору и сложному кодированию, переходит на хранение, с тем чтобы при определенных условиях вновь заявить о себе» [5, с. 161]. Опираясь на рассуждения Ю. Лотмана, можно сделать вывод, что отдельные элементы искусства сохраняют определённую инвариантность, так как способны реконструировать культурные комплексы, в которые ранее включались.

В диахронии культуры мы обнаруживаем ритмичную смену элементов, стилей и направлений в искусстве. «Нет оснований утверждать, — указывает П. Сорокин, — будто существует некая вечная линейная тенденция развития искусства: в течение времени оно не двигалось постоянно ни в сторону большего и лучшего идеационализма, ни в противоположном направлении. Оно движется попеременно то в одну, то в другую сторону. Когда одна из форм заканчивает свой имманентный курс и истекает отпущенный ей срок, она разрушается и, после соответствующих промежуточных стадий, уступает место другой форме» [7, с. 282].

По большей части циклические установки искусства детерминированы единством двух полюсов его бытия, представленных в самых различных, иногда очень причудливых сочетаниях противоположностей. В качестве таковых, по нашему мнению, выступает антиномия рационального и иррационального, получившая закрепление в различных семантических выражениях. Под рациональным в его онтологическом измерении традиционно принято

понимать целостное, гармоничное, целесообразное, формообразующее начало, придающее культуре устойчивость и завершённость. Иррациональное, в свою очередь, связано со стихийным, динамическим, хтоническим и хаотическим — с тем, что в большей мере можно отнести к природе, чем к культуре. Когда иррациональное входит в культуру, оно взаимодействует с присущим ей рациональным, в результате чего культура оказывается подвержена динамическим процессам линейного, нелинейного и циклического характера.

Истоки иррационального сокрыты в глубине, бездонности, некоей беспорядочной хаотической материальной стихии, содержащей сокрытые потенции жизненных процессов. Иррациональное, опредмеченное в хаосе, по своему первоначальному замыслу противостоит культуре как чему-то упорядоченному, организованному и рефлексивно осмысленному. В процессе эволюции представлений о хаосе последний наделяется различными семантическими оттенками. Одной из наиболее оригинальных, на наш взгляд, является интерпретация хаоса, предложенная Ф. Ницше. Хаос у Ф. Ницше представлен в качестве положительного, поскольку он есть не что иное, как мир, увиденный без антропоморфного преломления, так сказать, расчеловеченный мир. Поэтому мировое целое становится принципиально невопрошаемым и невыразимым.

Черты рационального, согласно учению П. Сорокина, содержит идеациональная форма искусства, в то время как иррациональное определяет содержание чувственной формы искусства. Идеальное искусство, в свою очередь, представляет собой смешанную форму искусства, содержащую характеристики как рационального, так и иррационального. В отличие от П. Сорокина, придерживающегося триадической схемы циклической динамики искусства, в контексте которой идеалистическое искусство представляет своеобразный синтез, устраняющий различие между

идеациональным и чувственным искусством, мы обращаемся к дуальному принципу эволюции искусства. «Повторяемость элементов бинара в рамках мифологического сознания имеет целью обнаружение и выделение культуры как дискретного образования в противовес непрерывному и неконтролируемому хаотическому началу природы» [6, с. 22].

Одной из вариаций реализации бинарной оппозиции выступает инверсия, детерминированная антиномией рационального и иррационального. Инверсионное движение как одна из разновидностей циклического развития в этом случае осуществляется через крайности бытия. Как результат схождения противоположных тенденций в искусстве выступает эклектическая форма. Подобное даёт основание полагать, что в основе эклектических (кентаврических) художественных образов лежит динамика хаотического и космического начал, образующих в перманентном повторении и взаимодействии замысловатую комбинацию фигур и конфигураций.

Образ гротескного тела, нашедший своё выражение в эклектических формах изобразительного искусства и фольклора, в массовых празднествах и карнавалах Средневековья и Возрождения, связан с недифференцированным отношением к земле. Человек, несмотря на свою духовную природу, изображался невычлененным из природы, сохраняющим физическую связь с животными, растениями. Различные кентаврические существа настойчиво повторяются на протяжении древности и Средневековья, достигая своего апогея в фантастических творениях Босха и Брейгеля. Гротескное тело имело непосредственную связь с землей, периодически рождалось и вновь поглощалось ею, а посему было универсально, космично и бессмертно.

Обращаясь к ранним истокам художественного творчества, Гегель указывал, что в этот период «творческое стремление к созиданию возвышается над неорганическими формами и переходит к об-

разам животных... Оно смешивает бессознательные формы с сознательными, строит из них загадочные сочетания и доходит до человеческого образа, до колосса Мемнона, который ещё не одушевлён духом языка, а только звенит при встрече с первым лучом света. Душа статуи, имеющей человеческую форму, не выходит ещё из внутреннего мира, не становится ещё языком, бытием, которое в себе самом есть внутреннее бытие... Поэтому мастер соединяет оба образа, смешивая естественную и сознательную формы, и эти двусмысленные загадочные для самих себя существа, сознательное в борьбе с бессознательным, просто внутреннее с многосторонним внешним, темнота мысли вместе с ясностью выражения высказываются на языке этой с трудом понятной мудрости» [4, с. 43].

Созидавая значительные и загадочные образы, эту помесь животного и человека, мастер пробивается на свет. Решение загадки состоит в победе духа над низшими формами природы и изображении его в адекватной ему человеческой форме. Мифологический образ кентавра является примером духа (верхняя человеческая часть тела), пробивающегося через толщу материи (нижняя животная часть тела). Борьба духа и его выход из сферы природности особенно ярко выражены в наивных и очень наглядных образах искусства. Достаточно вспомнить хотя бы изображение сфинкса. В греческих произведениях искусства всё ясно, всё сказано до конца, в египетских — существует загадка, здесь внешний облик указывает на то, что ещё не высказано.

Природа кентаврической формы обусловлена неиссякаемым стремлением ума к включению старого в новое, а также потребностью соединить в едином целом рациональное и иррациональное, культурное и природное начала. Нередко их внешняя формообразующая несогласованность приводит к возникновению причудливой формы, по-своему скрепляющей связь прошлого и настоящего культуры.

Инверсионная динамика, в которой иррациональное начало доминирует над рациональным, может быть продемонстрирована на примере ряда произведений эпохи Ренессанса, написанных на античную и библейскую тематику.

Показательной в этом отношении является работа Питера Брейгеля «Вавилонская башня», в которой художник с гениальной прозорливостью показал, что главную угрозу вечному становлению представляет зависание (застревание) на каком-либо из сменяющихся этапов. В картине показано пагубное стремление к универсализации человеческого бытия, выражающееся в попытке овладения сакральной сферой, символически представленной пандусами, спиралевидно идущими к вершине башни. В конечном счете это движение прерывается в окончательной недостроенности башни, так как не выдерживает полноты завершённой формы, возможной исключительно в божественной сфере. Прерванное стадияльное движение ввысь приводит к неизбежному спиралевидному возвращению вспять, оставляющему за собой неполноценные культуротворческие формы. Подобное формирует архетип незавершённости, неизменной обращённости вспять к истокам своего бытия, сопровождающей человека и напоминающей ему об ограниченности его природы, зафиксированной в неудавшейся попытке достижения универсального (божественного) состояния.

Движение по спирали выражает два фундаментальных понятия: с одной стороны, оно означает консервацию материи, с другой — поступательность, воплощающую бесконечную протяжённость Вселенной.

В другой картине Питера Брейгеля — «Падение Икара» — вновь становится актуальной обречённость мифологического героя, дерзнувшего преодолеть границы определённого ему бытия. Стремление ввысь, в сферу божественную, приводит к обращению вспять, которое уже не является возвращением к самому себе как

выражению полноты человеческого духа, а чревато падением (гибелью) героя. Никакая сила не в состоянии разорвать круг бытия человека, поэтому необходимо покориться установленному порядку вещей либо быть уничтоженным им.

Реальность становится самодостаточной благодаря тому, что возлагает надежды на будущее и, обращаясь к опыту прошлого, стремится соединить их в себе, тем самым образуя порядок и гармонию вещного мира. По сути своей эта идея не укладывается в оформившуюся доктрину Возрождения и, очевидно, не разделяет её пафос обожествления человека. Человек вновь оказывается во власти времени, нависающим над ним и грозящим неизвестностью. Однако, как бы это ни показалось странным, подчинение будущему является спасительным для человека Возрождения, ибо освобождает его от нерешённых проблем настоящего.

Подобного рода идея получила своеобразное воплощение в картине Тициана «Аллегория благоразумия». В ней Тициан с присущей ему гениальностью великого художника показал два взаимодействующих между собой круга бытия. Один — представляющий уходящего в бесконечность вращения на одном месте (уходящего в небытие настоящего), а другой — истинный, черпающий свой материал из бесконечности. Как верно заметил В. Арсланов, «в период кризиса Ренессанса, умирания его идеала, великий художник попытался воскресить его, полемически противопоставив неумолимому круговому движению времени, когда на смену рождению приходит смерть, расцвету — упадок. Он понимает, что порочный круг — не пустая выдумка, что это неумолимая судьба не только человеческого рода, а вечный круговорот вещей. На котором, как на фундаменте, все основано, в том числе и дух — “цветение материи”» [1, с. 567—568].

Элементы рационального и иррационального в их единстве и различии обнаруживают себя в романтизме. Романтики пропове-

дуют культ безотчетного, бессознательного, иррационального. Новалис противопоставляет поэзию науке. «Поэт, — говорит он, — постигает природу лучше, нежели разум ученого. “Законы воображения” Новалис также противопоставляет “законам логики”. Само поэтическое творчество мыслится романтиками как алогичный процесс. “Поэт, — заявляет Новалис, — воистину творит в беспамятстве... Художник превратился в бессознательное орудие, в бессознательную принадлежность высшей силы”» [8, с. 24—25].

Романтическое созерцание мира пронизано ощущением божественности и полноты бытия, которое стало возможным на пути становления новой мифологии, возрождающей традиции религиозных верований ушедших времён. При этом идея заложенного в искусстве цикла с позиции романтического сознания определялась взаимодействием культуры и природы. «Природа рассматривалась как предкультура, как среда, из которой заимствовались строительные камни для культуры. Важно было найти в природе мотивы, культурой заглушённые, извращённые, забытые, и вернуть их к правильному развитию. Важно было найти иные способы соотношения природы и культуры, чем господствующие» [2, с. 29].

По мере эволюции мифа хаос и космос персонифицируются в образах древнегреческих богов Аполлона и Диониса. В искусстве Аполлон как воплощение космического начала наделяется характеристиками рационального (целостного, гармоничного, целесообразного), в то время как Дионис является носителем иррационального (хтонического, динамичного, хаотичного, неоформившегося).

В XX—XXI веках антиномия «аполлоновское (рациональное) — дионисийское (иррациональное)» оказалась созвучной культурно-духовной ситуации. С особой силой она раскрывается в современном искусстве. В таких новаторских художественных течениях, как символизм, авангард, модернизм и постмодернизм, с очевидностью доминирует иррациональное начало. В своём взаимодействии дионисийское и аполлонийское начала демонстрируют своего рода

возврат к мифологическим истокам, сопровождающийся разрушением и последующей гармонизацией эстетических миров. В их новообразовавшейся семантике прослеживается параллелизм первоначальной пренатальной упорядоченности и последующей искусственно созданной художественной реальности. Все современные художественные течения неосознанно стремятся к разрушению, казалось бы, устоявшихся эстетических миров, редукции художественных форм к элементарным, зародышевым, зачаточным состояниям в стремлении создать новый, ранее невиданный эстетический мир.

Пафос деятелей искусства начала XX века по своему накалу вполне сопоставим с безудержной пассионарностью романтиков. Отсюда — перемещение акцента на возможности внутренней интроспекции в художественном творчестве, культивирование сильных переживаний и страстей, которые сами по себе тотальны (осознанны и безотчётны одновременно), захватывают целиком, а значит, воплощают некий универсальный опыт. Неизбежная при такой эстетической программе ревизия прежних устойчивых способов формообразования сопровождалась абсолютизацией своеволия художника. Август Шлегель подтверждал: «Романтическая поэзия выражает тайное тяготение к хаосу». Стремление представить художественно незавершённое, стихийное, а порой и хаотическое как ценность отразило разорванное сознание рефлектирующего человека, пытающегося найти смысл, своё место в жизни через проникновение в метафизику бытия и тем самым попытаться расширить своё сознание. Проникновение в то, что лежит за явлением, в невыразимые сущности, безусловно, не могло быть выражено в какой-то жесткой системе, художественной целостности первичного типа.

В романтизме проявляется интерес к безумию. Болезнь преодолевает разрушительную силу традиции, несовершенство общества.

Как хаос содержит потенциальный источник бытия, так и романтизм, вскрывая иррациональные стороны бытия, впоследствии запечатлевает их в гармоничном строе культуры.

Сюрреализм, следуя за романтизмом, обращается к сфере подсознания, в силу чего выдвигает на первый план формы культуры, способные существовать лишь в маргинальных иррациональных проявлениях, например в безумии, эротике, сновидении и др. Сюрреалистский тип художественного творчества ориентирован на полное снятие контроля разума, высвобождение иррациональных, бессознательных процессов и бесконтрольного глубинного видения мира, открывает принципиально новые возможности перед искусством.

В сюрреалистических стихах Андре Бретона обнаруживается «тоска по Первопричинному», стремление к конкретному осуществлению слияния противоположностей, желание упразднить историю с тем, чтобы начать её проживание заново с первоначальной силой. В этом контексте неслучайным является обращение немецких экспрессионистов к элементам первобытной культуры, традиционного искусства Океании и Африки. Увлечение формами первобытного искусства пронизывает творчество Пикассо, Матисса, Сезанна, Малевича, Кандинского, Шагала и других, что свидетельствует о разрыве с классикой в культуре, вообще с мировосприятием Нового времени [9].

Архаика современному художнику нужна для того, чтобы найти способ притупить вечно бодрствующее критическое личное сознание и таким образом дать проявиться тому, что лежит под спудом рациональности. Перформанс раздражает ориентацией на иррациональное, раздражает своим бегством от всё объясняющего слова, сопровождением звуков, кажущимися бессмысленными, — тем, что обращён к подсознанию и питается его зачастую непонятными и пугающими образами, имеющими стихийную природу.

Авангард репрезентирует сакральные знаки абсолютного начала, которые как объективно взятые не являются первоначальными. Они являются для представителей авангарда своего рода первооткрытием, как впервые данные в непосредственной интуиции. Авангарду аутентичность придает не его новизна, не протест против традиции, обнаружившей свою неустойчивость и необоснованность, а его решимость действительно вернуться на новом этапе к изначальным формам жизненной и художественной практики и таким образом остановить прогресс и возратить миру его единство и смысл.

Несмотря на то что в отдельных направлениях авангарда — кубизме, конструктивизме, «аналитическом искусстве», кинетизме и др. — доминирует сциентистская, позитивистская позиция, пренебрегающая мифологемой начала, в ряде направлений абстрактного искусства (В. Кандинский, П. Мондриан), в русском символизме XX века, в супрематизме К. Малевича, в метафизической живописи, в сюрреализме доминирует активный поиск конструктивного духовного начала, противостоящего культуроразрушающему началу материализма.

Что касается теоретиков современной эстетической концепции нон-финито, то они считали, что цельности и полного завершения произведение искусства достигает исключительно в процессе его восприятия. Многие художники XX века часто сознательно использовали в своём творчестве эффект незавершённости, разорванности, деформации художественной формы. Примеры бессознательного применения принципа незавершённости можно найти в истории искусства, особенно в искусстве древних народов. На уровень эстетической рефлексии данная концепция вышла в Западной Европе только в 1950—1960-х годах. Теоретики нон-финито стояли на позициях классической эстетики, то есть имели перед своим «внутренним взором» некий (воображаемый) идеальный образец

«завершённого» произведения искусства. Незавершённость художественной формы может быть воспринята в качестве неудавшейся попытки воспроизведения прообраза идеальной классической формы заложенного в античности. В связи с этим представляется уместным упомянуть о классицизме, который не только является одним из стилей искусства, но, как верно заметил В. Власов, реализует установку на «вечное стремление к устойчивым, традиционным основам бытия, по существу к недостижимому идеалу, но, который человек, как ему кажется, находит в своём историческом прошлом, “золотом веке” античного искусства, где всё, как хотелось бы думать, было просто, мерно, ясно, целостно и гармонично» [3, с. 14].

Закключение. В заключении следует отметить, что циклические интенции, присущие искусству, обусловлены его генетической связью с мифом. В период Античности искусство реализует идею всеобъемлющей сакральной космичности. По мере эволюции, обретая черты десакрализованной мифологичности, оно проявляется в художественных стилях и отдельных произведениях, в своих мотивах, обращённых к прошлому.

Иррациональное и рациональное начала в художественной культуре определяют своеобразное возвращение к истокам, разрушение и гармонизацию на качественно новом уровне, параллелизм первоначальной пренатальной упорядоченности и последующей, искусственно созданной художественной реальности. Суммирование диаметрально противоположных эстетико-художественных систем, содержащих элементы рационального и иррационального, приводит к наделению их метамифологическим вечным смыслом.

Циклическая динамика, присущая искусству, имеет как внутреннюю, так и внешнюю природу. В связи с этим она распространяется как на отдельно взятые художественные формы, так и на формально-стилевые приёмы, реализующиеся в процессе чередования

стилей и направлений в искусстве. Применительно к художественной форме она выражается в ускорении или замедлении ритма её элементов, достигающего принципиального равновесия рациональной и иррациональной стихии. В смене отдельных направлений и стилей искусства раскрывается инверсионный принцип, присущий циклической динамике. Он реализуется в форме маятниковых культурных изменений, детерминированных противоположными полюсами бинара «рациональное — иррациональное».

Библиографический список

1. Арсланов В. Г. «Вторичный» консерватизм — разрыв порочного круга // Циклические ритмы в истории, культуре : сб. ст. / отв. ред. Н. А. Хренов. М., 2004. С. 546—572.
2. Барковский Н. Я. Романтизм в Германии. СПб.: Азбука-классика, 2001. 512 с.
3. Власов В. Г. Стили в искусстве : архитектура, графика. Декоративно-приклад. искусство. Живопись, скульптура : словарь : в 2 т. СПб.: Кольна, 1995. Т. 1. 672 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Философия религии : в 2 т. / общ. ред. А. В. Гулыги; пер. с нем. П. П. Гайдено. М.: Мысль, 1977. Т. 2. 576 с.
5. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. 704 с.
6. Мартысюк П. Г. Циклическая парадигма культуры: пути самоопределения // Человек. Культура. Образование. 2018. № 3 (29). С. 19—26.
7. Сорокин П. Социальная и культурная динамика: исслед. изм. в больших системах искусства, истины, этики, права и обществ. отношений / П. Сорокин; пер. с англ. В. В. Сапова. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2000. 1054 с.
8. Шеллинг Ф. В. Й. Философия искусства / под общ. ред. М. Ф. Овсянникова; пер. с нем. П. С. Попова. СПб.: Алетейя: Унив. кн., 1996. 495 с.
9. Рубин Джеймс Генри. Импрессионизм : энциклопедия. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2020. 408 с.

References

1. Arslanov V. G. «*Vtorichnyy*» konservatizm — razryv porochnogo kruga [“Secondary” conservatism — breaking the vicious circle]. Moscow, 2004, pp. 546—572. (In Russ.)
2. Barkovsky N. Y. *Romantizm v Germanii* [Romanticism in Germany]. St. Petersburg, Azbuka-classic, 2001, 512 p. (In Russ.)
3. Vlasov V. G. *Stili v iskusstve : arkhitektura, grafika. Dekorativ.-priklad. iskusstvo. Zhivopis', skul'ptura* [Styles in art: architecture, graphics. Decorative-but. art. Painting, sculpture]. Dictionary in 2 volumes. St. Petersburg, Kolna, 1995, vol. 1, 672 p. (In Russ.)
4. Hegel, G.V.F. *Filosofiya religii* [Philosophy of Religion]. In 2 vol. Moscow, Mysl, 1977, vol. 2, 576 p. (In Russ.)
5. Lotman Y. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Art-SPB, 2004, 704 p. (In Russ.)
6. Martysyuk P. G. Cyclic paradigm of culture: ways of self-determination. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovaniye* [Man. Culture. Education, 2018, no. 3 (29), pp. 19—26. (In Russ.)
7. Sorokin, P. *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika: issled. izm. v bol'shikh sistemakh iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestv. otnosheniy* [Social and cultural dynamics: issled. rev. in large systems of art, truth, ethics, law and societies. Relations]. St. Petersburg, Publishing house Rus. Christian. humanitarian. Institute, 2000, 1054 p. (In Russ.)
8. Schelling F. W. J. *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of Art]. St. Petersburg, Aletheia: Univ. book., 1996, 495 p. (In Russ.)
9. Ruby James Henry. *Impressionizm. Entsiklopediya* [Impressionism. Encyclopedia]. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber, 2020. 408 p. (In Russ.)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 811. 511. 132'367'37

DOI: 10.34130/2233-1277-2021-3-44

Н. И. Гуляева

Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН,
г. Сыктывкар, Российская Федерация

Вербальная репрезентация эмоций в коммуникативном поведении коми

Статья посвящена проблеме языковой репрезентации эмоций в коммуникативном поведении коми этноса. Взаимоотношения людей являются сложным процессом, включающим в себя общество с присущими ему нормами и правилами и отдельных индивидуумов с определенными социальными ролями, выстраивающими свою линию поведения в соответствии с особенностями культуры своего народа и национально обусловленными рефлексам. Для нас представляют особый интерес языковые средства, выражающие психоэмоциональное состояние говорящего, и их передача в процессе коммуникации.

Целью нашего исследования является выявление специфики языковой репрезентации эмоций в коммуникативном поведении коми.

Теоретической основой послужили публикации, посвященные данной проблематике, отечественных и зарубежных лингвистов В. И. Шаховского, Ю. Е. Прохорова, И. А. Стернина, И. Т. Вепревой, В. Н. Телии, С. В. Коростовой, А. Н. Магомедовой, З. С. Омаровой, Х. Л. Лабазановой, М. Я. Яхьева, Е. В. Галеевой, А. Вежбицкой, А. Тромпенаарса, П. Экмана, К. Изарда и др. Источниками исследования послужили коммуникемы, полученные методом сплошной выборки из произведений коми художественной литературы. В качестве основного в работе применялся описательно-аналитический метод.

Установлено, что коммуникативное поведение коми этноса характеризуется свободной демонстрацией эмоций и естественностью, поэтому в языке можно обнаружить множество эмоционально-оценочных коммуникем, которые являются экспрессивной реакцией адресанта и выражают его впечатления от увиденного или услышанного. Данные синтаксические конструкции также служат речевым способом снижения эмоционального напряжения субъекта и воздействуют на адресата, добиваясь требуемой реакции. Анализируемые речевые единицы являются неотъемлемыми средствами эффективной коммуникации.

Ключевые слова: коми язык, коммуникант, коммуникативное поведение, эмоционально-оценочная коммуникема.

N. I. Gulyaeva

Institute of Language, Literature and History of the Komi Research Center
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, the Russian Federation

Verbal Representation of Emotions in Komi Communicative Behavior

The article is devoted to the problem of linguistic representation of emotions in communicative behavior of the Komi ethnic group. Relationships of people are a complex process that includes society, with its inherent norms and rules, and individual individuals, with certain social roles, while building their line of behavior in accordance with the characteristics of the culture of their people and nationally conditioned reflexes. Linguistic means expressing the psychoemotional state of a

speaker and their transmission in the process of communication are of particular interest to us.

The aim of our research is to identify specifics of the linguistic representation of emotions in Komi communicative behavior .

The theoretical basis was the publications devoted to this issue of domestic and foreign linguists, such as V. I. Shakhovsky, Yu. Prokhorova, I. A. Sternina, I. T. Veprevoy, V. N. Telii, S. V. Korostova, A. N. Magomedova, Z. S. Omarova, H. L. Labazanova, M. Ya. Yakhieva, E. V. Galeeva, A. Vezhbitskaya, A. Trompenaars, P. Ekman, K. Izard and others. The sources of the research were communications obtained by the method of continuous sampling from the works of Komi fiction. The descriptive-analytical method was used as the main one in the work.

It has been established that communicative behavior of the Komi ethnos is characterized by a free demonstration of emotions and naturalness, therefore, in the language, you can find many emotional and evaluative communications, which are the expressive reaction of an addressee and express his/her impressions of what he/she saw or heard. These syntactic constructions also serve as a speech way to reduce the emotional stress of the subject and affect the addressee, achieving the required response. The analyzed speech units are integral means of effective communication.

Keywords: *Komi language, communicant, communicative behavior, emotional and evaluative communication.*

Введение. Традиционно национальное коммуникативное поведение определяется как совокупность норм и традиций общения определенного народа, при этом, выступая в качестве синонима термина «речевое поведение», выделяет коммуникативный аспект общения, связанный с более широким набором фактов: правилами общения, изучением языковой способности, знаний о мире, зафиксированных в языке, и языковой компетенции носителя языка [1; 2; 3].

На наш взгляд, наиболее значительным в коммуникативном поведении является выражение эмоций, ибо они лежат в основе мотивационной деятельности коммуниканта и играют существенную роль в его жизни и практически всегда проявляются в процессе коммуникации. Все когнитивные сценарии эмоций сформированы

не универсальной человеческой биологией и психологией, а культурой конкретного этноса и его национально обусловленными рефлексами [4].

По мнению А. Вежицкой, эмоции культурно обусловлены, они «навязываются нам различными когнитивными сценариями, с которыми связано рассматриваемое слово (обозначающее эмоцию), а сами когнитивные сценарии созданы не универсальной человеческой биологией, а культурой, которая, в свою очередь, сформирована историей, религией, образом жизни» [5, с. 118].

По справедливому замечанию В. И. Шаховского, язык как дух народа так тесно переплетается с особенностями времени и говорящего на нем народа, что поневоле и естественно сохраняет и осуществляет межпоколенческую трансляцию национальных специфических культурных таксонов. Разные этносы в своем эмоциональном общении руководствуются национально-специфическими стереотипами вербального, авербального и паралингвистического поведения [6]. В одинаковых условиях жизни каждого этноса существуют качества, которые принадлежат только им, — специфичность в быту, среде, свойственная только данной культуре, и другой народ этими признаками не обладает. Они отражаются в языке в виде конструкций, присущих данному народу, с «культурным отпечатком в национальных словесных образах» [7, с. 267]. Выражение одних и тех же эмоций в различных культурах отличается, вследствие этого возникают значительные помехи в межкультурной коммуникации [8]. Закономерно манифестацию эмоций исследователи относят к одному из важнейших различий между культурами [9].

Все эмоции оценочны, поскольку любая эмоциональная реакция на ситуацию включает ее непосредственную оценку. Сознание способно пропускать мир через себя, что предопределило необходимость эмоций как реакций на этот мир, желательных или нежелательных, заслуживающих одобрения или порицания. Микрополе эмотивной оценочности представлено языковыми средствами, в

семантике которых преобладают эмотивно-оценочные коннотации. Рациональная, логическая оценка в семантической структуре эмотива определяется его прагматикой: моментом выбора того или иного актуализатора микрополя, ориентированного на составляющие эмоциогенной ситуации [10; 11; 12; 13].

Материалы и методы. В данной работе впервые комплексно проанализированы коммуникемы с эмоциональной оценкой в коми языке, установлены и описаны их семантические и прагматические особенности.

Цель исследования заключается в выявлении специфики языковой репрезентации эмоций посредством данных синтаксических единиц в коммуникативном поведении коми этноса. В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

1. Выявить и описать особенности языкового выражения положительных эмоций в коми языке.
2. Выявить и описать особенности языкового выражения отрицательных эмоций в коми языке.
3. Выявить и описать особенности языкового выражения безразличия в коми языке.

Теоретической базой для подготовки статьи послужили научные труды В. И. Шаховского [6], Ю. Е. Прохорова, И. А. Стернина [1], И. Т. Вепревой [4], В. Н. Телии [10; 13], С. В. Коростовой [11], А. Н. Магомедовой, З. С. Омаровой, Х. Л. Лабазановой, М. Я. Яхьева [14], Е. В. Галеевой [12], А. Вежбицкой [5; 8], А. Тромпенаарса [9], П. Экмана [15], Ф. Амеки [16; 17], Дж. Матисоффа [18], Д. П. Вилкинса [19], К. Изарда [20] и др.

Источниками исследования послужили синтаксические единицы из произведений коми художественной литературы, полученные методом сплошной выборки. При этом было выявлено около 250 коммуникем и более 470 реализаций их в текстах. В качестве основного в работе применялся описательно-аналитический метод.

Результаты исследования и их обсуждение. Коми коммуникативная культура характеризуется высокой степенью открытого проявления эмоций, вследствие этого в коми языке можно обнаружить большое разнообразие средств для их выражения. Для репрезентации эмоций в лингвистике находят применение единицы всех грамматических уровней. Для нас представляют интерес синтаксические единицы, в частности коммуникемы. Данные экспрессивные построения характеризуются семантической и синтаксической нерасчлененностью, интенциональной заданностью, эмоциональной окрашенностью. Основными функциями этих конструкций являются выражение коммуникативных намерений коммуниканта, его эмоциональной реакции на факты лингвистического и экстралингвистического характера, его отношения к действительности [21, с. 17]. «В разговорной речи у коми часто воспроизводятся многие выражения с эмоционально-экспрессивным характером. Эти выражения, устоявшиеся в процессе исторического развития языка, характеризуют отношение говорящих к происходящим событиям, к поступкам людей: удовольствие или неудовольствие, радость, горе, печаль, удивление и т. д. Все эти чувства выражаются весьма многообразно» [22, с. 8—9].

В коммуникемах с эмоциональной оценкой наиболее ярко проявляется и реализуется национально-культурный компонент, передаются реалии национальной жизни, история и традиции народа, сложившиеся на протяжении многих веков, его мировоззрение, национальный менталитет.

Семантика коммуникем данного вида — непосредственная экспрессивно оценивающая реакция на что-либо увиденное или услышанное, на определенную речевую ситуацию, а также и отображение эмоционального состояния адресанта. При речевой реализации данных конструкций отсутствует время для предварительного обдумывания, вследствие этого появляются «автоматически воспроизводимые структуры в виде готовых шаблонов, возникающих в

речи в условиях неоднократно повторяющихся коммуникативных ситуаций» [21; 23].

Как отмечалось выше, практически во всех эмоционально-оценочных коммуникемах проявляется национальная специфика, поэтому они трудно воспринимаемы для носителей других языков. Это связано с тем, что образное мышление различных народов часто оказывается специфичным и «дает иногда весьма неожиданные для представителей другого народа сопоставления и метафорические представления» [24, с. 148].

Коми народ, «живя на больших реках, среди дремучих, почти беспредельных лесов, не зная крепостного права, развил в себе предприимчивость, удалство, энергию» [25, с. 305]. В своем исследовании О. В. Котов, М. Б. Рогачев и Ю. П. Шабаетов справедливо отмечают, что коми — это хозяйственные, трудолюбивые, жизнерадостные, уважающие чужие вкусы, упорные и честные люди [26, с. 93]. К основным факторам, сформировавшим характерные черты коммуникативного поведения коми этноса, на наш взгляд, являются условия жизни в суровых северных условиях, охота и рыболовство как традиционные виды занятия, а также глубокая вера (православие). Вся специфика жизни коми народа нашла отражение в коммуникемах, в том числе и эмоционально-оценочных: *Сё мам!* 'Сто бед (мук)!', *Кёча мач!* 'Мяч с зайчиком (соответствует Елки-палки в русс. языке)!', *Сёка (сёкъя) тшак!* 'Трибной суп, заправленный конопляным маслом (соответствует Елки-палки в русс. языке)!', *Сё мокась!* 'Сто чертей!' — употребляются при выражении досады, негодования; *Кёч вый оз ков?!* 'Не хочешь ли заячьего масла?!' — свидетельствует о раздражении в ответ на невыполнимые требования; *Сё бласлё Кростос!* 'Сто раз благословенный Христос!' — используются при выражении радости и восторга.

В коми языке коммуникемы с эмоциональной оценкой можно разделить на три группы:

А. Коммуникемы, транслирующие положительно-эмоциональную оценку (радость, восторг, удивление и т. д.). Рассмотрим наиболее употребительные.

Радость в коми языке выражается коммуникемами *енмӧй* ‘господи’, *слабог*, *слава Богу* ‘слава тебе господи’, а *сё благслӧ Крестос* ‘о, сто раз благословенный Христос’, ак ‘ах’, о-о-о ‘о-о-о’:

– *Попвасев! Саша!*

– *Люда! Гичева! Али синмӧй пӧръясьӧ?*

– **О, енмӧй!** Кымын во ми тӧкӧд эг аддзисьлӧй? (В. Напалков). ‘Попвасев! Саша! — Люда! Гичева! Или я ошибаюсь? — О, господи! Сколько же лет мы с тобой не виделись’.

*Поп. Но, збыль?.. Слава тебе Боже... Локтӧ жӧ ветламӧй, ӧдйӧджык!.. Сідзкӧ талун огӧ на гортӧ мунӧ... Вӧлисти тай шедан пӧраыс воис, **слава Богу!**...*

Матушка. Слабог, кӧть ӧти шыр шедӧма жӧ (В. Савин). ‘Поп. Ну, правда?... Слава тебе Боже...Давайте сходим и побыстрее!...Значит домой сегодня не возвращаемся...Сезон охоты, значит, только начался, слава Богу! Матушка. Слава Богу, хоть одна водяная крыса попалась’.

– *Но и пӧттӧдз паняси. Но и аттӧ, Ӗгашӧ, чӧскыда вердін, нӧылӧдтӧдз, — ошкис монсьӧ Опонь. — А сурыд и бур добра, вӧлисти на воӧма! **Ак!*** (А. Вурдов). ‘Ну и наелся досыта. Ну, спасибо, Агафья, вкусно покормила, даже вспотел, — нахваливал сноху Афанасий. — А пиво хорошая вещь, вот только захмелел! Ах’.

При выражении восторга, восхищения употребляются конструкции *господи* ‘господи’, *аттӧ дивӧ*, *аттӧ ‘ах’*, у-у ‘у-у’, а-ак ‘а-ах’, ок ‘ох’:

Яр Опонь нюмпырысь пасясис, топыдджыка сюйис юрас шапкасӧ да выль кӧтіа кокъяснас некымынысь тапнитіс джоджӧ:

– **Ок!** Со кутшӧм мичаӧсь ми... А кутшӧм кокниӧсь да шоныдӧсь! Кӧть йӧкты усьтӧдз (А. Вурдов). ‘Натянув плотнее на голову

шапку, Яр Опонь с улыбкой оделся и несколько раз притопнул, любуясь новой парой обуви (новыми котами). — Ох! Вот какие мы красивые... А какие легкие и теплые! Хотя до упаду танцуй'.

– **О, господи!** Эстшѳм мича да шань морт! — пѳся шуѳ Наста (И. Торопов). 'О, господи! Какой красивый и хороший человек! — с чувством добавила Настя'.

– **Аттѳ, кутшѳм мича!** [21, с. 15]. 'Ах, как красиво!'.

Удивление эксплицируется конструкциями *сѳ дивѳ, сѳ чудеса-дивеса* 'букв. сто чудес', *господи* 'господи', *аттѳ дивѳ* 'ну и ну, букв. вот это диво':

– **Сѳ дивѳ!** Ог тѳд, мый и шуны (А. Вурдов). 'Чудо! Не знаю, что и сказать'.

Нывбаба шѳйѳвошѳмѳн чѳв олѳс, сумка да сетка киясыс лѳт-мунѳсны.

– **О, господи!** Веня!.. — шуис медбѳрти (П. Шахов). 'Женщина растерянно молчала, нагруженные сумками руки опустились. — Господи! Веня!.. — наконец сказала она'.

Войтыр ѳна радласны, сераласны.

– **Аттѳ дивѳ!** Вермим ѳд кутнытѳ!.. (И. Сажин). 'Народ очень веселился, смеялся. — Ну и ну! Смогли ведь удержать!..'

Данные синтаксические единицы раскрывают эмоциональное состояние адресанта в момент речи (удовлетворение собой или принятие окружающей действительности), способствуют освобождению адресанта от психологического напряжения, вызывая у него чувство облегчения, воздействуют на адресата, вызывая у него положительную эмоциональную реакцию. Вследствие этого данные синтаксические построения являются неотъемлемыми средствами эффективной коммуникации.

Б. Коммуникемы, выражающие отрицательно-эмоциональную оценку (печаль, гнев, страх, раздражение, разочарование и т. д.). Обычно отрицательная оценка сопровождается соответствующей интонацией, это может быть крик, гневный возглас, угроза, при

этом в большинстве случаев коммуникемы с отрицательной оценкой возникают в ответ на реплику собеседника, содержащего обвинение, упрек и т. д. Так же, как и коммуникемы с положительной эмоциональной оценкой, данные синтаксические единицы способствуют освобождению адресанта от нервного напряжения, вызывая у него чувство облегчения, в какой-то степени успокоения. Рассмотрим наиболее употребительные из них:

Ужас, чувство сильного страха выражаются коммуникемами *господь* ‘господи’, *господи помилуй* ‘господи помилуй’, *а сё бласлө Кристос* ‘о, сто раз благословенный Христос’, *аминь, аминь* ‘ой-ой-ой’:

Өньö. Пазöда ставсö!

Анна. **О, енмöй-господьöй!** (П. Шахов). ‘Андрей. Все разобью! Анна. О, господи!’

Катя (*босьтö*). **А, господьö!** *Коддзам да, гортö сэсся огö вермö мунны* (В. Савин). ‘Матвей (опять наливает). Что есть — не обесудь... Сейчас добычу в город увезу и привезу оттуда настоящую русскую горькую...Полведра возьму, и больше ничего! Она, наверное, вкуснее, чем эта (Отдает чашку Кате). На, возьми, Катя. Катя (берет). О господи! Захмелеем, и домой не сможем добраться’.

При выражении возмущения, гнева употребляются конструкции *сё мат* ‘просто беда’, *сё мокасьт* ‘сто чертей’, *чöрт* ‘черт’, *сöтана* ‘сатана’ и др.:

– **Сё морö тай!** *Мый öнi вöчны? — Чипан Миш шылькнитис-лэдзис кыз чуньяс костöдыс пашкыр юрсисö, паськыд ки пыдяснас тупкис сарöга, бритчöм чужöмсö* (А. Ульянов). ‘Сто чертей! Что же теперь делать? — Чипан Миш погладил толстыми пальцами свои густые волосы, закрыл широкими ладонями свое шершавое побритое лицо’.

Висьысь. Сійöн сэсся и судитисны? (Чиктылö).

Ларуков. **А, сöтана!** (*Кутö морöсöдыс*) (Г. Юшков). ‘Больной. Из-за этого и посадили? (смеется). Ларуков. А, сатана! (держит за грудки)’.

Негодование, расстройство эксплицируются конструкциями *аддй, аддй* 'ну и ну', *аттö морö* 'ну и ну':

– *Совхозысь став главнöйяссö ликвидацияөн повзёöдiс!*

– **Аддй, аддй...** *Мый нö? Висьталöй!* (П. Шахов). 'Всех главных в совхозе ликвидацией напугал! — Ну и ну... Как же? Рассказывай!'

– **Аттö морö**, *кодi нö тэнö татысь чайтас!.. Некод öд оз тöд* (И. Сажин). 'Ну и ну, кто же додумается, что ты здесь!.. Никто же не знает'.

Досада, сожаление, разочарование, раздражение вследствие неудачи, обиды чаще всего выражается коммуникемами *ок-ма* (*эх-ма*) 'эх, эхма', *аминь* 'ой-ой-ой', *ой-я да ой-я* 'ох-ох-ох' и др.:

– **Ок-ма!** *Мыйта добраыс вошö вöрын!* (И. Торопов). 'Эх! Сколько добра в лесу пропадает!'

– *Кипруш Ёгорыд тай юрнас торксьöма, — тельгис öти.*

– **Аминь...** *Мыйысь нö? — чуйман синъясөн кывзiс мöдыс* (Э. Тимушев). 'Кипруш Егор помешался (повредился в рассудке)? — пу-стословил один. — Ой-ой-ой... Отчего же? — с удивленным взглядом слушал другой'.

– **Аттö**, *едена сила! — аслыс моз шуис «гöсть» балябöжсö гыжйыштiгтырйи* (В. Савин). 'Вот так единая сила! — про себя, почесав затылок, произнес «гость»'.

«Вегетативные проявления при положительных и отрицательных эмоциях одни и те же. Однако положительные эмоции никогда не бывают длительными, быстро дезактуализируются и не способны к суммации, а вот отрицательные эмоции весьма продолжительны, склонны к суммации и чаще, чем положительные эмоции, образуют смысловой комплекс, то есть совокупность образов, связанных с ситуацией, породившей сильное эмоциональное переживание, понятное говорящим на данном языке, потому что они обобщены, потому что они действительно являются формой отражения окружающего человека мира и потому что они часть картины этого мира» [14, с. 1612].

Необходимо отметить, что в коми языке коммуникем с отрицательной эмоциональной оценкой в количественном отношении больше, чем коммуникем с положительной эмоциональной оценкой, но в речи встречаются реже, чем последние: «Негативность, превалируя в лексиконе, уступает позитивности в употреблении вследствие психологического стремления человечества к позитивности» [27, с. 33]. Данная тенденция наблюдается в языках и других этносов [6, с. 35].

Помимо этого другим сходством в вербальном выражении эмоций различными языковыми коллективами, в том числе и коми, является то, что «положительные эмоции выражаются более однообразно и диффузно, чем отрицательные, которые всегда конкретны, отчетливы и многообразны» [28, с. 83].

В. Коммуникемы нейтральной оценки, не отягченные какими-либо эмоциональными переживаниями, выражающие безразличие.

Согласно В. В. Ганиной, и в этих состояниях человек переживает свое отношение к миру и самому себе, но переживания лишены выраженной приятной или неприятной окраски [29, с. 13]. Нам удалось обнаружить лишь несколько коммуникем данной группы: *а-а* 'а-а', *но-о* 'но-о':

– *А кыдзи нӧ пач трубаас каллянтӧ уськӧдлін?*

– *А-а. Сійӧ ӧд ме кольӧм ар Вась Матренлы войладор керкаас пач тэчи* (Е. Астафьев). 'А как в печную трубу кальян уронил? — А-а. Это когда я прошлой осенью Матрене Васильевне на зимней половине дома печь складывал'.

– *Ми ськӧд Войвож пас йылын ӧтлаасим. Сійӧ воліс миянӧ, да ми кыйсьыны лэччылім.*

– *Но-о...* — *нюжӧдіс дедӧ* (И. Пыстин). 'Мы с ним в Войвоже встречались. Он к нам приезжал, и мы ходили на охоту. — Но-о... — протяжно отозвался дед'.

Заключение. Таким образом, отличительной особенностью коммуникативного поведения коми является свободная манифестация эмоций и коммуникативная естественность, вследствие

этого в языке можно обнаружить множество эмоционально-оценочных коммуникем, которые возникают в речи спонтанно и являются экспрессивной реакцией адресанта, транслирующей его впечатления от увиденного или услышанного. Они служат речевым способом снижения эмоционального напряжения субъекта, а эмоциональный компонент, экспрессивность в значении анализируемых конструкций обуславливают воздействие на адресата с целью добиться от него необходимой, требуемой реакции. Вследствие этого данные синтаксические построения являются неотъемлемыми средствами эффективной коммуникации. В коми языке коммуникемы с отрицательной эмоциональной оценкой более распространены по сравнению с конструкциями с положительной эмоциональной оценкой.

Практически во всех коммуникемах данного вида проявляется национальная специфика, вследствие чего они трудно воспринимаемы для носителей других языков.

Библиографический список

1. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2006. 238 с.
2. Стернин И. А. О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989. S. 279—282.
3. Маслова В. А. Современные направления в лингвистике : учебное пособие. М.: Академия, 2008. 272 с.
4. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург, 2002. 380 с.
5. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2001. 210 с.
6. Шаховский В. И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии. Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2009. 170 с.
7. Ощепкова В. В. Учебное пособие по страноведению. М.: Новая школа, 1995. 289 с.
8. Wierzbicka A Human Emotions: Universal or Culture-Specific? // *American Anthropologist*, New Series, 88 (3 Sep.), S. 584—594.

9. Trompenaars F. *Riding the Waves of Culture*. London: Nicholas Brealey, 1993. 275 p.
10. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
11. Коростова С. В. Микрополя эмотивности: языковые проекции в русском художественном тексте // *Russian language studies*. 2018. Т. 16. № 4. С. 412—427.
12. Галеева Е. В. Психолингвистические основы вербального обозначения эмоций // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2015. Т. 7. № 4. С. 126—129.
13. Телия В. Н. Эмотивность и стилистические функции коннотации // *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц*. М.: Наука, 1986. С. 121—132.
14. Магомедова А. Н., Лабазанова Х. Л., Омарова З. С., Яхьяев М. Я. Языковые средства выражения эмоций // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2017. Т. 39. С. 1611—1615. URL: <http://e-koncept.ru/2017/970649.html>. (дата обращения: 5.02.2021).
15. Экман П. *Психология эмоций*. СПб.: Питер, 2010. 334 с.
16. Ameka F. Interjections: The universal yet neglected part of speech // *Journal of Pragmatics*. 1992. № 18. P. 101—118.
17. Ameka F. The meaning of phatic and conative interjections // *Journal of Pragmatics*. 1992. № 18. Pp. 245—271.
18. Matisoff J. *Blessing, curses and fears. Psycho-ostensive expressions in Yiddish*. Philadelphia, PA: Institute for the Study of Human Issues, 1979. 200 p.
19. Wilkins D. P. Interjections as deictics // *Journal of Pragmatics*. 1992. № 18. Pp. 119—158.
20. Изард К. *Психология эмоций* : пер. с англ. СПб.: Питер, 1999. 464 с.
21. Гуляева Н. И. Коммуникемы в коми языке: функционально-семантический аспект // *Актуальные вопросы коми и пермского языкознания*. Сыктывкар, 2019. 228 с. (Труды Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Вып. 77). С. 14—32.
22. Плесовский Ф. В. *Коми кывтэчасъяс (Коми фразеологизмы)*. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1986. 176 с.
23. Гуляева Н. И. Коммуникемы с положительной эмоциональной оценкой в коми языке // *Культура Севера: культурно-историческая память и современность* : сборник статей. Сыктывкар, 2020. С. 60—63.

24. Копыленко М. М., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989. 141 с.
25. Жаков К. Ф. Под шум северного ветра. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. 462 с.
26. Котов О. В., Рогачев М. Б., Шабаетов Ю. П. Современные коми. Екатеринбург: УрО РАН, Сыктывкар: ИЯЛИ, 1996. 174 с.
27. Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 29—41.
28. Nöth W. Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words // Proceedings. Tübingen: Niemeyer, 1992. Pp. 72—89.
29. Ганина В. В. Эмоции человека и невербальное поведение: гендерный аспект. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. 205 с.

References

1. Prohorov Yu. E., Sternin I. A. *Russkie: kommunikativnoe povedenie* [Russians: communicative behavior]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2006. 238 p. (In Russ.)
2. Sternin I. A. About the concept of communicative behavior. *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989. pp. 279—282. (In Russ.)
3. Maslova V. A. *Sovremennye napravleniya v lingvistike: uchebnoe posobie* [Modern trends in linguistics: textbook]. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 272 p. (In Russ.)
4. Veprevva I. T. *Yazykovaya refleksiya v postsovetsskuyu epokhu* [Linguistic reflection in the post-Soviet era]. Ekaterinburg, 2002. 380 p. (In Russ.)
5. Vezhbickaya A. *Sopostavlenie kul'tur cherez posredstvo leksiki i pragmatiki* [Comparison of cultures through vocabulary and pragmatics]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2001. 210 p. (In Russ.)
6. Shahovskij V. I. *Yazyk i emocii v aspekte lingvokul'turologii* [Language and emotions in the aspect of cultural linguistics]. Volgograd, VGPU «Peremena» Publ., 2009. 170 p. (In Russ.)
7. Oshchepkova V. V. *Uchebnoe posobie po stranovedeniyu* [Study guide on regional studies]. Moscow, Novaya shkola Publ., 1995. 289 p. (In Russ.)
8. Wierzbicka A. Human Emotions: Universal or Culture-Specific? *American Anthropologist*, New Series, 88 (3 Sep.), pp. 584—594.
9. Trompenaars F. *Riding the Waves of Culture*. London, Nicholas Brealey Publ., 1993. 275 p.

10. Teliya V. N. *Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic* [The connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 143 p. (In Russ.)

11. Korostova S. V. Micro-fields of emotiveness: linguistic projections in the Russian literary text. *Russian language studies*, 2018, vol. 16, no. 4, pp. 412—427. (In Russ.)

12. Galeeva E. V. Psiholingvisticheskie osnovy verbal'nogo oboznacheniya emocij [Psycholinguistic foundations of the verbal designation of emotions]. *Istoričeskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought], 2015, vol. 7, no. 4, pp.126—129. (In Russ.)

13. Teliya V. N. Emotiveness and stylistic functions of connotation. *Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic* [Connotational aspect of the semantics of nominative units]. Moscow, Nauka Publ., 1986. pp. 121—132. (In Russ.)

14. Magomedova A. N., Labazanova H. L., Omarova Z. S., Yah'yaev M. Ya. Linguistic means of expressing emotions. *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept»* [Scientific-methodical electronic journal "Concept"], 2017, vol. 39, pp. 1611—1615. Available at: <http://e-koncept.ru/2017/970649.html>. (accessed 5.02.2021) (In Russ.)

15. Ekman P. *Psihologiya emocij* [Psychology of emotions], Saint-Petersburg, Piter Publ., 2010. 334 p. (In Russ.)

16. Ameka F. Interjections: The universal yet neglected part of speech. *Journal of Pragmatics*, 1992, no. 18, pp. 101—118.

17. Ameka F. The meaning of phatic and conative interjections. *Journal of Pragmatics*, 1992, no. 18, pp. 245—271.

18. Matisoff J. *Blessing, curses and fears. Psycho-ostensive expressions in Yiddish*. Philadelphia. PA: Institute for the Study of Human Issues, 1979. 140 p.

19. Wilkins D. P. Interjections as deictics. *Journal of Pragmatics*, 1992, no. 18, pp. 119—158.

20. Iza'd K. *Psihologiya emocij* [Psychology of emotions]. Saint-Petersburg, «Piter» Publ., 1999. 464 p. (In Russ.)

21. Plesovskij F. V. *Komi kyvtechas"yas* (Komi frazeologizmy) [Komi phraseological units]. Syktyvkar, Komi kn. izd-vo Publ., 1986. 176 p. (In Russ.)

22. Gulyaeva N. I. Communicemes in the Komi language: functional-semantic aspect. *Aktual'nye voprosy komi i permskogo yazykoznaniya. Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii Komi NTS UrO RAN. Vyp. 77* [Actual issues of Komi and Perm linguistics. Proceedings of the Institute of Language, Literature and History

of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Issue 77]. Syktyvkar, 2019. pp. 14—32. (In Russ.)

23. Gulyaeva N. I. Communiquemes with a positive emotional assessment in the Komi language. *Kul'tura Severa: kul'turno-istoricheskaya pamyat' i sovremennost'* [Culture of the North: cultural-historical memory and modernity]. Sbornik statej. Syktyvkar, 2020. pp. 60—63. (In Russ.)

24. Kopylenko M. M., Popova Z. D. *Ocherki po obshchej frazeologii* [Essays on general phraseology]. Voronezh: Voronezhski universitet Press., 1989. 141 p.

25. Zhakov K. F. *Pod shum severnogo vetra* [To the sound of the north wind]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo, 1990. 462 p. (In Russ.)

26. Kotov O. V., Rogachev M. B., Shabaev Yu. P. *Sovremennye komi* [Modern Komi]. Ekaterinburg: UrO RAN, Syktyvkar: IYALI, 1996. 174 p. (In Russ.)

27. Shahovskij V. I. Emotions as an object of research in linguistics. *Voprosy psiholingvistiki* [Psycholinguistic issues], 2009, no .9, pp. 29—41. (In Russ.)

28. Nöth W. Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words. *Proceedings*. Tübingen: Niemeier, 1992. pp. 72—89.

29. Ganina V. V. *Emocii cheloveka i neverbal'noe povedenie: gendernyj aspekt* [Human emotions and non-verbal behavior: gender aspect]. Ivanovo: Ivan. gos. Un-t Press., 2006. 205 p. (In Russ.)

Л. В. Гурленова, Е. А. Габб¹

Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Российская Федерация

Художественные техники русского поэтического концептуализма

Статья посвящена исследованию наиболее репрезентативных художественных техник, утвердившихся в поэтических текстах поэтов-концептуалистов и повлиявших на представление о концептуализме в русском искусстве¹. Данный аспект является актуальным, так как позволяет понять типические особенности поэтического эксперимента концептуалистов, который не теряет актуальности в современном литературном процессе. Вопрос имеет историю изучения, которая создавалась учеными и самими поэтами, авторами публикаций теоретического характера. Однако наблюдения над художественными особенностями поэзии концептуалистов противоречивы и не систематизированы, что учитывается в настоящей работе.

Материалом изучения являются творчество Д. Пригова, Л. Рубинштейна, Т. Кибирова и научные публикации, посвященные художественным особенностям поэзии концептуалистов. Авторы статьи исходят из признания того, что художественные техники порождены интермедийным характером поэзии концептуалистов. Этим объясняется совмещение литературоведческого и культурологического подходов к анализу художественного творчества поэтов, использование историко-литературного и структурно- семиотического методов.

© Гурленова Л. В., Габб Е. А., 2021

¹ В данной статье характеризуются такие художественные техники, как листилистика, коллаж и перформанс. Результаты исследования еще одной художественной техники — визуализации — опубликованы в статье: Гурленова Л. В., Габб Е. А. Визуализация как художественная техника поэтического концептуализма // Казанская наука. 2021. № 7. С. 7—9.

К результатам работы относятся выводы о том, что каждый крупный поэт отдавал предпочтение какой-то одной технике, но индивидуализировал ее и дополнял другими техниками, создавая инструментарий для деконструкции привычного.

Результаты исследования полезны для понимания специфики культурного процесса XX—XXI веков, характеризующихся интегральностью различных видов искусства.

Перспектива исследования связана с изучением элементов, сопутствующих основным художественным техникам, а также систематизацией терминосферы в области наименований художественных техник и их элементов.

Ключевые слова: художественная техника, концептуализм, полистилистика, коллаж, перформанс.

L. V. Gurlenova, E. A. Gabb

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, the Russian Federation

Artistic Techniques of Russian Poetic Conceptualism

The article is devoted to the study of the most representative artistic techniques that have become established in the poetic tests of conceptual poets and have influenced the idea of conceptualism in Russian art. This aspect is relevant, as it allows us to understand the typical features of the poetic experiment of conceptualists, which does not lose relevance in the modern literary process. The question has a history of study, which was created by scientists and poets themselves, authors of publications of a theoretical nature. However, the observations on the artistic features of the conceptualists' poetry are contradictory and not systematized, which is taken into account in this work.

The material of the study is the work of D. Prigov, L. Rubinstein, T. Kibirov and scientific publications devoted to the artistic features of the poetry of conceptualists. The authors of the article proceed from the recognition that artistic techniques are generated by the intermediate nature of the poetry of conceptualists. This explains the combination of literary and cultural approaches to the analysis of the artistic creativity of poets, the use of historical-literary and structural-semiotic methods.

The results of the work include the conclusions that every major poet preferred one technique, but individualized it and supplemented it with other techniques, creating tools for deconstructing the familiar.

The results of the study are useful for understanding the specifics of conceptualist poetry and the literary process of the turn of the 20th-21st centuries.

The perspective of the research is connected with the study of the elements accompanying the main artistic techniques, as well as the systematization of the terminosphere in the field of names of artistic techniques and their elements.

Keywords: *artistic technique, conceptualism, polystylistics, collage, performance.*

Введение. В статье анализируется ряд художественных техник русского поэтического концептуализма, отражающих его специфические черты как поэтического явления в истории русской литературы XX—XXI веков, остающихся актуальными и для современного литературного процесса. Эта тенденция активно обсуждается современными учеными. Заметим, что разговор о месте концептуализма в литературном процессе нередко приводит к заключению о необходимости создания новых терминологических обозначений. Одним из них является термин постконцептуализм — выдвинутый и активно продвигаемый в свое время Дмитрием Кузьминым [1] (критически воспринят в среде ученых).

Новизна работы обусловлена задачей систематизации научных наблюдений в области художественных особенностей поэтического концептуализма, подходом к анализу поэтического творчества концептуалистов как синтезирующего возможности различных видов искусства, акцентирования разнообразия приемов в контексте той или иной техники.

Для настоящего исследования важно понятие «художественная техника». Что понимается под ней? Не ставя цели анализа истории формирования данного понятия (это обширный предмет самостоятельного исследования), отметим, что введению в активный оборот термина «техника» по отношению к словесному искусству, в

том числе авангарда, способствовали формалисты (В. М. Жирмунский, Б. В. Томашевский, В. Б. Шкловский и др.), которые понимали под ней приемы оформления, набор «приемов», «делание» словесного материала (ссылка на формальную школу для нас важна, так как, по нашему мнению, концептуалисты-поэты являются во многом последователями поэтического авангарда, а концептуалисты-теоретики — последователями формальной школы).

Подобный подход к пониманию писательской, художественной техники отражается и в современных работах. Литературовед С. Чупринин предлагает следующее ее определение: это «...совокупность средств и приемов, используемых автором для решения той или иной творческой задачи, и отличающаяся от стиля, прежде всего, тем, что со стилем рождаются и живут, а технике учатся, техникой овладевают, технику применяют» [2, с. 566]. По его мнению, в рамках данного термина уместно рассматривать не результат, а сам процесс создания текста, «технологию». Таким образом, техника — это способ создания и передачи текста.

Предметом нашего исследования являются именно техники, так как для концептуализма важнее результата был сам процесс создания произведения, механизмы его создания. Кроме того, та или иная техника является визитной карточкой поэта. Например, поэзия каталога Льва Рубинштейна или стихограммы Дмитрия Пригова — это узнаваемые маркеры творчества поэтов.

Данная тема интересует исследователей на протяжении последних десятилетий, так как является ключом к пониманию концептуализма как художественного явления.

Вопрос о своеобразии художественных техник в контексте изучения общих принципов концептуализма рассматривали М. Эпштейн (в статье «Тезисы о метареализме и концептуализме» [3]), И. Е. Васильев (в монографии «Русский поэтический авангард XX века» [4]), В. Курицын (в монографии, ставшей классикой в науке о постмодернизме, «Русский литературный постмодернизм» [5]),

М. Айзенберг (в статье «Вокруг концептуализма» [6]), М. Н. Липовецкий, Н. Л. Лейдерман (в объемном учебном пособии «Современная русская литература» [7, с. 427—451]).

Опубликованы статьи, посвященные отдельным художественным техникам: «Коллаж / Монтаж» Ж.-М. Лашо [8], «Стихотворение-каталог в отечественном литературоведении: поэтика жанра» Д. А. Давыдовой и Н. А. Меркуловой [9, с. 86—90], «Поэтический перформанс: письмо и голос» С. Хэнсен [10, с. 451—469], «Голос и почерк» Я. Шекмана [11] и другие.

Ряд названных работ рассмотрены в данной статье. Несмотря на большое количество исследований, а может быть, именно поэтому имеющаяся информация не приведена в систему, представляет собой свод разрозненных материалов. Наша задача — систематизировать сведения, посвященные предмету исследования, расширить привлекаемые для анализа художественные тексты с целью создания более полного представления о поэтическом концептуализме.

Поэзия активно выходит за пределы исключительно словесной формы уже в творчестве представителей раннего авангарда, на этапе концептуализма она продолжает развиваться на стыке разных форм искусства: как правило, словесная форма соединяется с изобразительным искусством, театром, музыкой. Исследователи, ориентированные на традиции реализма, оценили эти тенденции критически, хотя верно подметили новые особенности художественной формы. А. Алексин в статье «Границы поэтического текста» пишет: *«Примерно с конца 80-х мы в очередной раз наблюдаем всплеск настойчивых — а можно сказать, что и навязчивых — поползновений безбрежно расширить границы собственно поэзии за счет разного рода театрализованных действий, визуального оформления текстов, эксплуатации некоего специфического гротескного образа автора и прочих внелитературных приемов»* [12].

В концептуалистском стихотворении важен не только текст, реализованный словесно, но и почерк, которым он написан, манера его исполнения или изображение, его сопровождающее, причем все эти элементы действуют в тексте как равноправные. В связи с этим остро стоит вопрос разработки методологических принципов исследования подобных художественных явлений. Об этом пишет С. Бирюков в статье «Любовь к трем авангардам», говоря о визуальной поэзии. По его мнению, человек, специализирующийся на анализе литературных текстов как критик или литературовед, не способен исследовать синтетическое произведение по причине отсутствия необходимого навыка: *«...некоторые авторы представляют свое творчество не в печатном варианте, а на видео или аудио, просто на публике, литературный же критик не обладает профессиональными средствами, чтобы это описать (если у него нет опыта театрального, кино- или музыкального критика)»* [13]. Об отсутствии выработанной методологии исследования синтетической природы произведения пишут М. П. Абашева и А. А. Селиванова [14, с. 126].

Юл. Малышев в статье «Проблема синтеза искусств в современной эстетике» утверждает, что подобные произведения требуют особого подхода, однако на данный момент методология исследования таких произведений разработана недостаточно [15]. В качестве приоритетного исследователь предлагает системный подход (мы назвали бы его структурно-коммуникативным): автор предлагает исходить из того, что все элементы, части художественного текста образуют единое целое, поэтому, в первую очередь, необходимо выявление отношений между этими элементами, способа их взаимодействия. Данный подход можно признать полезным для решения частных исследовательских задач, но никак не универсальным для анализа синтетических форм искусства.

Среди ключевых техник концептуализма мы выделяем в рамках данной статьи следующие: полистилистика, коллаж, перформанс. В статье представлены самые, на наш взгляд, яркие результаты использования перечисленных техник, повлиявших на представление о концептуализме в русском искусстве.

Методы исследования. В исследовании использован комплекс методов, соответствующих его предмету: историко-литературный и структурно-семиотический, литературоведческий и культурологический подходы. Привлекаемый материал обусловил достаточную степень достоверности наблюдений и выводов.

Результаты исследования и их обсуждение. Полистилистика и коллаж. Термин «полистилистика» в начале своей истории относился, пишет С. Чупринин, преимущественно к музыкальной форме, в частности к джазу, отличительным признаком которого является свободная, творческая манипуляция различными музыкальными стилями [2, с. 419–421]. Постепенно данный термин «перекочевал» и в другие сферы искусства, в том числе в литературу: для поэзии второй половины XX века данная техника стала одной из самых активно применяемых. Определение данного термина дают многие исследователи, среди них А. И. Демченко («Коллаж и полистилистика в искусстве XX века»); С. Чупринин («Жизнь по понятиям»); Н. И. Ильичева («Полистилистика как феномен художественного творчества XX в. (на примере литературы и музыки)»), М. Эпштейн («Культурный код. Поэзия и свержпоэзия»).

Большинство исследователей солидарны в трактовке термина: полистилистика представляет собой смешение в пределах одного текста (или группы текстов) разных стилей и культурных кодов, стили при этом нередко контрастируют друг с другом [16, с. 42]. Текст в таком случае воспринимается как словесная ткань, сшитая из разнородных кусков.

Дискуссионным является характер отношений между полистилистикой и коллажем. Заметим, что, если воспринимать текст, созданный с помощью техники полистилистики, как лоскутную словесную ткань, возможно говорить о коллаже как о способе связи этих элементов. А. И. Демченко предлагает считать, что коллаж является «частным случаем» полистилистики и «совершенно необходимой для нее “питательной почвой”» [16, с. 42]. М. Эпштейн, сопоставляя данные техники, делает вывод, что в основе полистилистики лежит именно коллажирование [17, с. 196]. С. Чупринин же, говоря о комбинаторном письме, включающем в себя техники смешения разных жанрово-стилистических пластов искусства, ставит эти понятия в один ряд, не детерминируя их: «В одном смысловом гнезде с визуальной, вакуумной и сонорной поэзией оказываются, таким образом, и эксперименты сегодняшних акционистов, и достаточно традиционные коллажи, и монтаж, и полистистика...» [2, с. 219].

На наш взгляд, позиция А. И. Демченко и М. Эпштейна является более обоснованной, так как техники полистилистики и коллажа, имея право на самостоятельность, достаточно близки по своей сути: в их основе лежит заметное соединение чужеродных элементов, вынужденных взаимодействовать друг с другом.

Доктор философии Жан-Марк Лашо трактует суть техники коллажа, разделяя ее на два этапа: деконструкцию какого-либо текста и последующую его реконструкцию. Он уточняет далее: расчлняя тексты, дробя, разделяя на множество разрозненных элементов, поэт «конфликтным способом» соединяет, смешивает их, изобретая новый текст [8].

Яркими представителями данной техники являются Тимур Кибиров и Лев Рубинштейн.

Тимур Кибиров известен прежде всего тотальной цитацией самых разных текстов: стихотворений поэтов золотой поры, Серебря-

ного века; материалов советских газет, высказываний представителей государства; разговорных фраз, строк из популярных песен и т. д.

Например, в стихотворении «Умом Россию не понять...» [18]:

Умом Россию не понять —
равно как Францию, Испанию,
Нигерию, Камбоджу, Данию,
Урарту, Карфаген, Британию,
Рим, Австро-Венгрию, Албанию —
у всех особенная статья.
В Россию можно только верить?
Нет, верить можно только в Бога.
Всё остальное — безнадёга.
Какой мерою ни мерить —
нам всё равно досталось много:

в России можно просто жить.
Царю с Отечеством служить.

Кибилов подвергает деконструкции стихотворение Ф. Тютчева: «Умом Россию не понять / Аршином общим не измерить / У ней особенная статья / В Россию можно только верить». Он использует стихотворение Тютчева с некоторыми изменениями, которые не разрушают общий смысл стихотворения, но вводит комментарии к каждой строке текста, вступая таким образом в дискуссию с поэтом-предшественником. Поэт реконструирует текст, добавляя к нему свои пояснения. Кроме того, строка «Царю с Отечеством служить» отсылает к стихотворению Г. Р. Державина «Философы, пьяный и трезвый»: «**Царю, отечеству служить, /** Чад, жен, родителей хранить, / Себя от плена оборонить — / Священна должность храб-

рым быть!». И стихотворение Тютчева, и стих Державина узнаваемы, Кибиров избирает коллаж основным способом создания текста, с помощью данной техники известные на протяжении многих лет произведения реализуются по-новому, обретают новые смыслы.

«Инфинитивная поэзия (по мотивам Жолковского)» [19] — текст написан под влиянием статьи А. К. Жолковского «Инфинитивная поэзия», в которой предлагаются наброски «Антологии, да и первые догадки об инфинитивной поэзии как особом типе поэтического письма», побуждающего «к поискам своей пока неведомой интертекстуальной основы», с использованием текстов поэтов разных эпох — от поэтов XVIII века, А. С. Пушкина, А. Блока, Б. Пастернака, М. Цветаевой, В. Набокова, др. поэтов классической эпохи до С. Гандлевского, Т. Кибирова и др. А. К. Жолковский видит в инфинитивной поэзии установку на философское обобщение: она «проникает, пусть мысленно, в некий виртуальный мир и пытается охватить целое инобытие, чему и служит нанизывание многочисленных инфинитивов и / или зависящих от них слов» [20]. Следовательно, интерпретация текста Т. Кибирова должна происходить в контексте этого впечатляющего ряда поэтов и их идей.

Текст Т. Кибирова построен на основе инфинитивной формы глагола, используются словесные фрагменты из различных текстов; они сводятся в тематические группы, между которыми можно обнаружить прямые и ускользающие связи, создающие некий драматургический сценарий:

Сникерснуть
Сделать паузу — скушать Твикс
Оттянуться по полной
Почувствовать разницу

Попробовать новый изысканный вкус

Быть лидером

Мочить в сортире

Не дать себе засохнуть

Убить Билла-1

Убить Билла-2

Играть в Джек-пот — жить без забот

Не париться

Пиарить

Клубиться

Позиционироваться

Зачищать

Монетизировать и растаможить

Зажигать

Бесстыдно, непробудно —

И не такой ещё, моя Россия,

бывала ты, не падая в цене!

Стихотворение построено на готовых цитатах из рекламных роликов («Сникерснуть / Сделать паузу — скушать Твикс», «Попробовать новый изысканный вкус», «Почувствовать разницу», др.), на названиях популярных фильмов («Убить Билла-1 / Убить Билла-2»), высказываниях известных людей и часто употребляемых в современном мире слов («Мочить в сортире», «Пиарить / Клубиться / Позиционировать / Зачищать»). Кроме этого текстового блока в стихотворение включены цитаты из классической поэзии (А. Блок

«Грешить бесстыдно, непробудно»), не прямые отсылки к суммарным текстам классической поэзии (М. Лермонтов «Прощай, немытая Россия...» – стихотворение, записанное со слов поэта современником; А. Прокофьев «Где моя Россия начиналась!..», стихотворения С. Васильева, В. Бокова, др.), отсылки к текстам поэтов концептуалистского круга Д. Пригова, С. Гандлевского, самоцитация (например, Нищая нежность) [21]).

Заметим, что фрагменты, находясь в конструкции строфы и целого текста, а также в контексте антологии А. К. Жолковского — образцов русской классической поэзии, получают возможность, в духе рецептивной эстетики, восприниматься по-разному, что создает широчайшую картину толкований. Пробуя вычленить главное в этой картине, скажем, что если в 1970–1990-е годы концептуалисты через игру с речевыми штампами и клише советского языка обнажали, с их точки зрения, навязанные человеку советской идеологией логику мышления и ценности, то в 2000-е обнажается уже идеология потребления, штампы массовой культуры, исход высокого с горизонта человеческой жизни. Обратим внимание на эмоциональные завершающие строки, в которых появляется автор, родственный контексту «Антологии инфинитивной поэзии» образ поэта-гражданина. Это меняет регистр стихотворения с иронического на драматический, с обличения на сочувствие. Кибирову недостаточно формального экспериментирования, он демонстрирует потребность возвращения к утраченному в отечественной поэзии.

Лев Рубинштейн использует в качестве материала для карточек диалоги на бытовые темы, строки из произведений, устойчивые выражения, фразы, отражающие способ мышления советского человека. Все эти разнородные, чуждые друг другу элементы смешиваются, связываются в единый текст (его можно назвать «информационной лентой»), а «швы» между ними подчеркнуто обнажаются. В рамках творчества Рубинштейна уместно говорить о

принципе каталогизации как разновидности коллажа и полистилистики. Так, например, карточки из книги «Шестикрылый Серафим» (1984) [22]:

8.
Долгие проводы — лишние слезы.
9.
Непредвиденные обстоятельства.
10.
В Москве.
11.
Вот это встреча!
12.
Перстами легкими как сон...
13.
Попытка не пытка.
14.
Да и вы не Пушкин.
15.
Опять проклятые вопросы.
16.
Тень отца Гамлета.
17.
Прощай, свободная стихия.

Высказывания, взятые из самых разных источников, помещаются на библиотечные карточки и при перебирании при чтении образуют новый текст. Перед нами и фразеологизмы («Попытка не пытка»), и пословицы («Долгие проводы — лишние слезы»), и бытовые фразы («В Москве», «Вот это встреча!», «Да и вы не Пушкин»), и строки из известных стихотворений Пушкина «Пророк» («Перстами легкими как сон...») и «К морю» («Прощай, свободная сти-

хия»). Все эти фрагменты komponуются в определенной последовательности, Рубинштейн оставляет их неизменными, источники заимствования очевидны.

Концептуалисты часто прибегают к принципу коллажа и полистилистики с целью «встряски» старых, закоряченных выражений, утративших свой истинный смысл. Связывая резко контрастные стили, поэты заставляют по-новому взглянуть на старые высказывания, увидеть привычное в новом ключе, в некомфортных для него условиях.

Поэтический перформанс. Перформанс по праву считается одной из ведущих техник концептуализма. Первыми попытками перформанса в русском искусстве стали уличные выступления футуристов. Активное развитие техника получает в 1970-е годы уже в рамках концептуального искусства [23, с. 238]. Представители данного течения стремились найти новые способы высказывания и противопоставить себя традиции и существовавшим школам, в связи с этим перформанс становится ведущей техникой авангарда, указывающей на новое настроение в искусстве и литературе [24].

При анализе техники перформанса необходимо обозначить две главные проблемы, связанные с ее изучением. Во-первых, перформанс — результат синтеза разных видов искусства, что затрудняет его изучение из-за отсутствия разработанной методологической базы [14, с. 126]. Во-вторых, перформанс — явление «невещественное», многие тексты перформанса, созданные в 1970—1990-х годах, попросту не сохранились, что вызывает определенные сложности для анализа. Данная техника рассчитана на «живое присутствие», а значит, она временно ограничена. По словам Сабины Хэнсген, «эфемерность голосового события, перформативная реализация художественного высказывания как раз указывает на временную ограниченность живого присутствия» [10].

Перформанс, как определяет его Н. Б. Маньковская, это «публичное создание артефакта по принципу синтеза искусства и не-искусства, не требующее специальных профессиональных навыков и не претендующее на долговечность» [25]. В перформансе совершается попытка выйти за пределы искусства, стереть границы между ним и жизнью, показать их взаимодействие. Перед зрителем предстает как бы «имитация» жизни, проживаемой здесь и сейчас. Кроме того, полюбившаяся концептуалистам техника перформанса помогает постичь природу текста и мышления, его порождающего, механизмы создания произведения. Перформанс способствует новому пониманию старых понятий, раскрытию потенциала слова и следующего за ним действия.

Близким перформансу понятием является акционизм. Акционизм — это «различные формы художественного активизма, основанные на идее процессуальности, предполагающей смещение акцента с результата творчества на собственно процесс создания художественного произведения» [26, с. 105]. Исследователи по-разному определяют отношения акционизма и перформанса. М. Г. Чистякова считает, что перформанс, наряду с хэппенингом и боди-артом, является составляющей акционизма как более широкого понятия [26, с. 106]. Эту позицию разделяет и В. О. Петров, называя перформанс жанром акционизма [27, с. 348—357]. С. Чупринин считает акционизм «обобщающим названием» для ряда интерактивных форм [2, с. 34]. Однако А. М. Котович высказывает другую точку зрения, называя акцию «вариантом перформанса с включением реального в сферу художественного» [23, с. 20]. Есть исследователи, считающие, что перформанс и акционизм не связаны как родо-видовые понятия. В статье «Куда исчезает перформанс?» В. Савчук утверждает, что термин «перформанс» постепенно заменяется понятием «акционизм», так как «живой язык критики, чутко реагируя, избавляется от архаизирующих коннотаций» [28]. Споры на

этот счет ведутся до сих пор, что во многом связано с активным развитием интерактивного искусства сегодня. Вопрос отношений перформанса и акционизма носит проблемный характер и требует более детального рассмотрения в отдельном исследовании.

В области литературного авангарда много внимания уделялось устному исполнению текстов. Лев Рубинштейн, комментируя в интервью время становления и развития концептуализма, говорит об актуальности такой формы реализации течения: «Никаких медийных возможностей у нас не было, поэтому мы непрерывно говорили, все уходило в устную традицию. Были домашние семинары, были застолья, все было синкретично, можно сказать, особый род театра» [29]. При анализе поэтического перформанса необходимо в первую очередь учитывать такие элементы, как жесты, мимику, позу, громкость, тембр и ритм голоса. Важнее самого текста становится сам процесс его исполнения и специфика восприятия его зрителями и слушателями.

Одним из ярких представителей техники поэтического перформанса является Лев Рубинштейн. Многие критики и исследователи творчества Рубинштейна отмечали важность устного бытования поэзии каталога. Так, В. Курицын утверждает: «Адекватное бытование текста — авторское исполнение» [5, с. 119—121]; М. Липовецкий фиксирует синтетическую природу поэзии каталога: «тексты Рубинштейна предстали — особенно в “устный” период их бытования — не вполне литературой, а чем-то иным» [30, с. 328]; М. Айзенберг задает проблемный вопрос: «Так все-таки поэзия или акция? Или другой неведомый род театрального искусства?» [6], М. И. Шапир признавал стиховую природу карточной поэзии, отмечая, что система стихосложения Льва Рубинштейна может включить в себя в качестве ритмических вариантов всё что угодно, прозу, даже диалогическую, сколько угодно абзацев, любые стихотворные тексты любой системы стихосложения [31]. Сам Рубинштейн так объяс-

няет характер карточной поэзии: «Хотелось идти в сторону визуального и перформативного, чтобы чтение было физически зримым событием» [29].

Суть поэтического перформанса Рубинштейна заключалась в завораживающем перебирании карточек, каждая из которых представляет поэтическую строку или прозаический отрывок и в зависимости от продуманной автором последовательности работает на создание единого текста. Исследователи выделяют два основополагающих элемента исполнения Льва Рубинштейна: ритм и паузу.

По мнению И. Скоропановой, Рубинштейн в своих перформансах выступает более как музыкант, нежели поэт, выстраивая из карточек партии, работая со множеством разных голосов. Сам Рубинштейн указывает на ритмическую организацию карточек, не настаивая, однако, на какой-то единственно верной их последовательности во избежание тоталитарности текста: «Сброшюрованность — это заданность, а если они не сброшюрованы, то возникает соблазн читать их в произвольном порядке. Сброшюрованность — это тоталитарность» [32].

По словам М. Айзенберга, ритм в перформансе Рубинштейна является приоритетным для анализа, так как именно в выборе ритма исполнения и паузах между озвученными высказываниями и «звучит» сам автор. Именно в специфике исполнительской манеры мы наблюдаем дирижера, управляющего разными голосами эпохи, и от того, в какой последовательности он расставит чужие высказывания, с какой интонацией, силой голоса и темпом их озвучит, зависит эффект воздействия на зрителя и слушателя [6]. М. Липовецкий отмечает, что механически создаваемый ритм подчеркивает отсутствие какой бы то ни было содержательной связи между языковыми отрезками, вырванность их из своего контекста [30, с. 333].

Пауза, не менее важный элемент поэтического перформанса Л. Рубинштейна, служит для «деавтоматизации восприятия привычного» [33], отбрасывания устоявшегося, стереотипного взгляда

на ситуацию. Пауза позволяет освободиться от навязанности текста и услышать свой голос. Пауза между воспроизведением языковых фрагментов реализует «пустотный канон». Из книги Л. Рубинштейна «Большая картотека»:

39

– Времена усердного солнца. — Когда. — Пауза.

– Времена когда зеркало скорби перестанет быть. — Когда. — Пауза.

– Три воронья. — Двенадцать вожделений. — Несколько слов. — Четверо слагаемых. — Пауза.

– Крепкое солнце. — Насильственный благодетель. — Ублюдок себялюбивой древесной мглы. — Пауза.

64

– Антракт. —

65

Антракт или ангажировка пустующего времени [34].

Концептуалисты, во избежание тотальности текста, его попытки навязать воспринимающему истину, которую тот якобы содержит, стремятся обнаружить пространство, свободное от тотальности. Так, пауза между чтением карточек и есть попытка устрани- ниться от тотальности языка.

Заключение. Развитие творческого пути, способов формирования художественных средств каждого из названных в статье поэтов происходило без видимого влияния других участников концептуализма. Уникальность художественных стратегий во многом связана с признанием поэтами-концептуалистами недопустимости воспроизведения готовых художественных объектов, схем, тактик. Одной из возможных причин также является стремление поэтов занять свою нишу в узком круге концептуалистов, желание реализовать свой особый подход в работе с языковым материалом.

У каждого поэта обнаруживается приоритетная техника, она выполняет роль его визитной карточки, но она всегда прирастает индивидуально воспринятыми элементами других техник. Так, например, Дмитрий Пригов активно развивал перформанс, но работал также в технике визуализации и применял технику коллажа в своих поэтических текстах; Лев Рубинштейн известен специфической перформативной стратегией с использованием техники коллажа.

Представители поэтического концептуализма обратились к опыту предшественников, прежде всего к искусству авангарда (важно отметить и влияние формальной школы на теоретические построения концептуалистов) и, используя актуальный материал, соответствующий эпохе, создали свой арсенал средств для способов порождения текста и изменения его функциональности. Благодаря системному подходу к изучению техник концептуализма становится понятно, что текст в современном искусстве — это результат синтеза разных видов искусства: словесной формы и изобразительного искусства, театра, музыки, их широкого спектра новаций в области художественной формы. Техники, используемые концептуалистами, подчинены главной цели — разрушению тотальности текста, освобождению от его давления.

Библиографический список

1. Кузьмин Д. Постконцептуализм // Новое литературное обозрение. 2001. № 50. URL: http://www.litkarta.ru/dossier/kuzmin-postkonts/dossier_987/ (дата обращения: 11.04.2021).
2. Чупринин С. Русская литература сегодня: жизнь по понятиям. М.: Время, 2007. 768 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=105181&p=1> (дата обращения: 20.03.2021).
3. Эпштейн М. Тезисы о метареализме и концептуализме. URL: http://www.emory.edu/INTELNET/pm_kontsep_metareal.html (дата обращения: 21.04.2021).

4. Васильев И. Е. Русский поэтический авангард XX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 320 с.
5. Курицын В. Русский литературный постмодернизм. М.: ОГИ, 2000. 288 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=1271921> (дата обращения: 01.04.2021).
6. Айзенберг М. Вокруг концептуализма // Взгляд на свободного художника. М.: Гендальф, 1997. С. 128—154. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/aizenberg/aizenberg6-6.html> (дата обращения: 10.04.2021).
7. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Московский концептуализм // Современная русская литература : в 2 т. Т. 2. 1968–1990. М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 427—451.
8. Лашо Ж.-М. Коллаж / Монтаж // Коллаж-2. М.: ИФ РАН, 1999. С. 57—63. URL: <https://iphras.ru/page51136758.htm> (дата обращения: 11.04.2021).
9. Давыдова Д. А., Меркулова Н. А. Стихотворение-каталог в отечественном литературоведении: поэтика жанра. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38256975> (дата обращения: 04.04.2021).
10. Хэнсен С. Поэтический перформанс: Письмо и голос // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940—2007) : сб. статей и материалов / под ред. Е. Добренко, М. Липовецкого, И. Кукулина, М. Май-офис. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 451—469. URL: <https://lit.wikireading.ru/47567> (дата обращения: 01.04.2021).
11. Шенкман Я. Голос и почерк // Арион. 2003. № 3. URL: <http://www.arion.ru/mcontent.php?year=2003&number=81&idx=1288> (дата обращения: 21.04.2021).
12. Алехин А. Границы поэтического текста // Арион. 1998. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/arion/1998/3/graniczy-poeticheskogo-teksta.html> (дата обращения: 09.04.2021).
13. Бирюков С. Любовь к трем авангардам // Арион. 2000. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/arion/2000/3/lyubov-k-trem-avangardam.html> (дата обращения: 10.04.2021).
14. Абашева М. П., Селиванова А. А. Поэтический перформанс в русской поэзии на рубеже XX—XXI вв. (Д. Пригов, Р. Осминкин) // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

2017. № 1. С. 125—135. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29729657> (дата обращения: 15.04.2021).

15. Малышев Ю. Проблема синтеза искусств в современной эстетике. URL: <http://hansburg.narod.ru/lizstmaly.htm> (дата обращения: 10.04.2021).

16. Демченко А. И. Коллаж и полистилистика в искусстве XX века // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. № 2 (11). С. 42—52. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9161432> (дата обращения: 10.04.2021).

17. Эпштейн М. Поэзия и сверхпоэзия: О многообразии творческих миров. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 478 с.

18. Кибиров Т. «Умом Россию не понять...» // Современная русская поэзия. URL: <http://modernpoetry.ru/main/timur-kibirov-stihotvoreniya#umom> (дата обращения: 19.03.2021).

19. Кибиров Т. Инфинитивная поэзия (по мотивам Жолковского) // Кара-Барас. 2002—2005. URL: <http://kibirov.poet-premium.ru/poetry/karabas.html#9> (дата обращения: 07.06.2021).

20. Жолковский А. К. Об инфинитивной поэзии. URL: <https://www.nlo-books.ru/upload/iblock/895/895c86b713d76929328e78923e1fa237.pdf> (дата обращения: 04.04.2021).

21. Кибиров Т. Нищая нежность // Знамя. 2010. № 10. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2000/10/nishhaya-nezhnost.html> (дата обращения: 10.06.2021).

22. Рубинштейн Л. Регулярное письмо. Стихи. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1996. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/rubinstein/1-3.html> (дата обращения: 25.03.2021).

23. Котович М. Энциклопедия русского авангарда. Минск: Экономпресс, 2003. 415 с.

24. Савчук В. Что исполняет перформанс? // Интелрос. URL: <http://www.intelros.ru/subject/figures/valeriy-savchuk/13593-что-исполняет-перформанс.html> (дата обращения: 12.04.2021).

25. Культурология XX век : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 2. 207 с. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/culturology20century2volumes1998sl.htm> (дата обращения: 11.04.2021).

26. Чистякова М. Г. Акционизм в искусстве: философско-антропологические смыслы // Вестник МГОУ. 2010. № 3. С. 105—109. URL: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/3789> (дата обращения: 02.05.2021).

27. Петров В. О. Перформанс и хэппенинг — основные жанры акционизма в искусстве XX века // Искусствоведение в контексте других наук в России и за рубежом: параллели и взаимодействия : сб. материалов Межд. науч. конф. 13—18 апреля 2015 года / ред.-сост. Г. Р. Консон. М.: Liteo, 2014. С. 348—357.

28. Савчук В. Куда исчезает перформанс? // Художественный журнал. 2017. № 103. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/64/article/1346> (дата обращения: 12.04.2021).

29. Огородникова А. Лев Рубинштейн — автор среди нас (интервью) // Континент Сибирь online. URL: <https://ksonline.ru/219767/avtor-sredi-nas/> (дата обращения: 02.05.2021).

30. Липовецкий М. Паралогии: Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920—2000-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 840 с.

31. Белоусова А. С., Полилова В. С. Ненаписанная статья М. И. Шапира «О “стихах на карточках” Л. Рубинштейна». URL: https://www.academia.edu/24055766/Ненаписанная_статья_М_И_Шапира_о_стихах_на_карточках_Л_Рубинштейна (дата обращения: 09.04.2021).

32. Серенко Д. Поэт и «карточки» (интервью) // Colta. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/14324-poet-i-kartochki> (дата обращения: 05.05.2021).

33. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература. М.: Флинта; Наука, 2001. 608 с. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/skoropanova-russ-postmodern-lit.htm> (дата обращения: 20.03.2021).

34. Рубинштейн Л. Большая картотека. М.: Array Литагент «Новое издательство», 2015. URL: <https://libking.ru/books/poetry-/poetry/636240-lev-rubinshtejn-bolshaya-kartoteka.html#book> (дата обращения: 10.06.2021).

References

1. Kuz'min D. Conceptualism. *Novoye literaturnoye obozreniye* [New literary review], 2001, no 50. (In Russ.). Available at: http://www.litkarta.ru/dossier/kuzmin-postkonts/dossier_987/ (accessed 11.04.2021).

2. Chuprinin S. *Russkaya literatura segodnya: zhizn' po ponyatiyam* [Russian literature today: life according to concepts]. Moscow, Time Publ, 2007. 768 p. (In Russ.). Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=105181&p=1> (accessed 20.03.2021).
3. Epshtejn M. *Tezisy o metarealizme i konceptualizme* [Theses on meta-realism and conceptualism.]. (In Russ.). Available at: <http://www.emory.edu/INTELNET/pm kontsep metareal.html> (accessed 21.04.2021).
4. Vasil'ev I. E. *Russkij poeticheskij avangard XX veka* [Russian poetic avantgarde of the twentieth century]. Ekaterinburg, Ural University Press, 2000. 316 p. (In Russ.).
5. Kuricyn V. *Russkij literaturnyj postmodernizm* [Russian literary post-modernism]. Moscow, United humanitarian publishing house, 2000. 288 p. (In Russ.). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=1271921> (accessed 01.04.2021).
6. Ajzenberg M. Around Conceptualism. *Vzglyad na svobodnogo hudozhnika* [A look at a free artist]. Moscow, Gendalf Publ, 1997, pp. 128—154. (In Russ.).
7. Lejderman N. L., Lipoveckij M. N. Moscow conceptualism. *Sovremennaya russkaya literatura* [Contemporary Russian literature]. In 2 vol. Of vol. 2: 1968—1990. Moscow, Publishing Center “Academy”, 2003, pp. 427—451. (In Russ.).
8. Lasho Zh.-M. *Kollazh / Montazh* [Collage / Editing]. *Kollazh-2*. [Collage-2]. Moscow, Publishing House of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 1999, pp. 57—63. (In Russ.). Available at: <https://iph-ras.ru/page51136758.htm> (accessed 21.04.2021). 11.04.2021).
9. Davydova D. A., Merkulova N. A. *Stihotvorenie-katalog v otechestvennom literaturovedenii: poetika zhanra* [Poem-catalog in Russian literary criticism: poetics of the genre.]. (In Russ.). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38256975> (accessed 04.04.2021).
10. Hensgen S. Poetic Performance: Letter and Voice. *Nekanonicheskij klassik: Dmitrij Aleksandrovich Prigov (1940-2007)* [Non-canonical classic: Dmitry Alexandrovich Prigov (1940—2007)]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ, 2010, pp. 451—469. (In Russ.). Available at: <https://lit.wikireading.ru/47567> (accessed 01.04.2021).

11. Shenkman Ya. Voice and handwriting. *Arion* [Arion], 2003, no 3. (In Russ.). Available at: <http://www.arion.ru/mcontent.php?year=2003&number=81&idx=1288> (accessed 21.04.2021).
12. Alekhin A. The boundaries of the poetic text. *Arion* [Arion], 1998. no 3. (In Russ.). Available at: <https://magazines.gorky.media/arion/1998/3/granicy-poeticheskogo-teksta.html> (accessed 09.04.2021).
13. Biryukov S. Love for the three vanguards. *Arion* [Arion], 2000, no 3. (In Russ.). Available at: <https://magazines.gorky.media/arion/2000/3/lyubov-k-trem-avangardam.html> (accessed 10.04.2021).
14. Abasheva M. P., Selivanova A. A. Poetic performance in Russian poetry at the turn of the XX—XXI centuries (D. Prigov, R. Osminkin). *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University], 2017, no 1, pp. 125—135. (In Russ.). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29729657> (accessed 15.04.2021).
15. Malyshev Yu. *Problema sinteza iskusstv v sovremennoy estetike*. [Malyshev Yu. The problem of the synthesis of arts in modern aesthetics]. (In Russ.). Available at: <http://hansburg.narod.ru/lizstmaly.htm> (accessed 10.04.2021).
16. Demchenko A. I. Collage and polystylistics in the art of the twentieth century. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University], 2005. no 2(11), pp. 42—52. (In Russ.). Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9161432> (accessed 10.04.2021).
17. Epshteyn M. *Poeziya i sverkhpoeziya: O mnogoobrazii tvorcheskikh mirov* [Poetry and Superpoetry: On the Diversity of Creative Worlds]. St. Petersburg, ABC, ABC-Atticus Publ, 2016. 478 p. (In Russ.).
18. Kibirov T. "Russia cannot be understood with the mind ...". *Sovremennaya russkaya poeziya* [Modern Russian poetry]. (In Russ.). Available at: <http://modernpoetry.ru/main/timur-kibirov-stihotvoreniya#umom> (accessed 19.03.2021).
19. Kibirov T. Infinitive poetry (based on Zholkovsky). *Kara-Baras*. [Kara-Baras], 2002—2005. (In Russ.). Available at: <http://kibirov.poet-premium.ru/poetry/karabas.html#9> (accessed 07.06.2021).

20. Zholkovskiy A.K. *Ob infinitivnoy poezii* [On infinitive poetry]. (In Russ.). Available at: <https://www.nlobooks.ru/upload/iblock/895/895c86b713d76929328e78923e1fa237.pdf> (accessed 04.04.2021).
21. Kibirov T. Beggar tenderness. *Znamya* [Banner], 2010, no 10. (In Russ.). Available at: <https://magazines.gorky.media/znamia/2000/10/nishhaya-nezhnost.html> (accessed 10.06.2021).
22. Rubinshteyn L. *Regulyarnoye pis'mo. Stikhi* [Regular writing. Poems]. St. Petersburg, Ivan Limbakh Publishing House, 1996. (In Russ.). Available at: <http://www.vavilon.ru/texts/rubinstein/1-3.html> (accessed 25.03.2021).
23. Kotovich M. *Entsiklopediya russkogo avangarda* [Encyclopedia of the Russian avant-garde]. Minsk, Econompres, 2003. 415 p. (In Russ.).
24. Savchuk V. What does the performance perform?. *Intelros* [Intelros]. (In Russ.). Available at: <http://www.intelros.ru/subject/figures/valeriy-savchuk/13593-chto-ispolnyaet-performans.html> (accessed 12.04.2021).
25. *Kul'turologiya XX vek. Entsiklopediya v 2 t, t. 2* [Culturology of the XX century. Encyclopedia. In 2 vol. Of vol. 2]. St. Petersburg, University book, 1998, 207 p. (In Russ.). Available at: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/culturology20century2volumes1998sl.htm> (accessed 11.04.2021).
26. Chistyakova M. G. Actionism in art: philosophical and anthropological meanings. *Vestnik MGOU*. [Vestnik MGOU], 2010, no 3, pp. 105—109. (In Russ.). Available at: <https://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/3789> (accessed 02.05.2021).
27. Petrov V. O. Performance and Happening — the Main Genres of Actionism in the Art of the 20th Century. *Iskusstvovedeniye v kontekste drugikh nauk v Rossii i za rubezhom: paralleli i vzaimodeystviya* [Art Studies in the Context of Other Sciences in Russia and Abroad: Parallels and Interactions]. Moscow, Liteo Publ, 2014, pp. 348—357. (In Russ.).
28. Savchuk V. Where does the performance disappear? *Khudozhestvennyy zhurnal* [Art magazine], no 103. (In Russ.). Available at: <http://moscowartmagazine.com/issue/64/article/1346> (accessed 12.04.2021).
29. Ogorodnikova A. Lev Rubinstein — the author among us (interview). *Kontinent Sibir' online* [Continent Siberia online]. (In Russ.). Available at: <https://ksonline.ru/219767/avtor-sredi-nas/> (accessed 02.05.2021).
30. Lipovetskiy M. *Paralogii: Transformatsii (post)modernistskogo diskursa v russkoy kul'ture 1920—2000-kh godov* [Paralogies: Transformations of (Post)

Modernist Discourse in Russian Culture of the 1920s — 2000s.]. Moscow, New Literary Review Publ, 2008. 840 p. (In Russ.).

31. Belousova A. S., Polilova V. S. *Nenapisannaya stat'ya M. I. Shapira «O «stikhakh na kartochkakh» L. Rubinshteyna»* [An unwritten article by M.I. Shapira "On the" poems on cards "by L. Rubinstein"]. (In Russ.). Available at: https://www.academia.edu/24055766/Ненаписанная_статья_М_И_Шапира_о_стихах_на_карточках_Л_Рубинштейна (accessed 09.04.2021).

32. Serenko D. Poet and "cards" (interview). *Colta* [Colta]. (In Russ.). Available at: <https://www.colta.ru/articles/literature/14324-poet-i-kartochki> (accessed 05.05.2021).

33. Skoropanova I. S. *Russkaya postmodernistskaya literatura* [Russian post-modern literature]. Moscow: Flint; The science Publ, 2001, 608 p. (In Russ.). Available at: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/skoropanova-russ-postmodern-lit.htm> (accessed 20.03.2021).

34. Rubinshteyn L. *Bol'shaya kartoteka* [Big card index]. Moscow, Array Litagent "New Publishing House", 2015. (In Russ.). Available at: <https://libking.ru/books/poetry-/poetry/636240-lev-rubinshtejn-bolshaya-kartoteka.html#book> (accessed 10.06.2021).

М. В. Мелихов

Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Российская Федерация

Образ казака в произведениях Смутного времени и повестях Азовского цикла: вымысел и реальность

В статье исследуются идеологические особенности цикла повестей о завоевании запорожскими казаками турецкой крепости Азов в 1637 году и об их «сидении» в осаде в 1641 году. Анализ текстов показал, что авторы произведений целенаправленно создают в них концепцию нового типа героя – казака — христианина, идеального воина, который смысл своей жизни видит в защите христианского мира. По этой причине новой была и мотивировка захвата Азова: авторы повестей утверждают, что начинает сбываться пророчество о «русом роде», освободителе от мусульман Царьграда, и этим народом они считают себя. Материалы повестей логично, на конкретных событиях захвата Азова и его осады турками выстраивают концепцию исторической миссии казачества — стать инициаторами похода христиан на Царьград. Поход казаков на Азов — первый, удачный, благословенный свыше шаг в исполнении этой миссии, и долг России — присоединиться к инициаторам похода. Повести Азовского цикла, таким образом, можно рассматривать не только как памятники исторической беллетристики, созданные на основе воспоминаний свидетелей и участников событий. Они являются и удачной попыткой кардинальной «перекодировки» образа казака, который в большей части источников первой половины XVII века («Повесть о некоей брани, лежащей на благочестивую Россию», «Иное сказание», «Сказание Авраамия Палицына» и др.) изображается только как жестокий враг России.

Ключевые слова: повести Азовского цикла, образ казака в произведениях Смутного времени, перекодировка образа казака в повестях Азовского цикла.

M. V. Melikhov

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, the Russian Federation

The Image of a Cossack in Literary Works of the Time of Troubles and Stories of the Azov Cycle: Fictions or Facts of Life

The article examines the ideological features of the cycle of stories about the conquest of the Turkish fortress Azov by the Zaporozhye Cossacks in 1637 and about their "sitting" in the siege in 1641. The analysis of the texts showed that the authors of the works purposefully create in them the concept of a new type of hero – a Christian Cossack, an ideal warrior who sees the meaning of his life in protection of the Christian world. For this reason, the motivation for the seizure of Azov was also new: the authors of the stories claim that the prophecy about the "Russian race", the liberator from the Muslims of Tsargrad, is beginning to come true, and they consider themselves to be this people. The capture of Azov is the first, successful, blessed step in the fulfillment of this mission, and it is Russia's duty to join the initiators of the campaign. The stories of the Azov cycle, therefore, can be considered not only as monuments of historical fiction, created on the basis of the memories of witnesses and participants of the events. They are also a successful attempt to radically "recode" the image of the Cossack, which in most of the sources of the first half of the 17th century ("The Story of a certain battle against pious Russia", "Another Legend", "The Legend of Avraamiy Palitsyn", etc.) is depicted only as a cruel enemy of Russia.

Keywords: *of the Story of the Azov cycle, the image of a Cossack in the works of the "time of troubles", recoding of the image of a Cossack in the stories of the Azov cycle.*

Введение. Повести о взятии турецкой крепости Азов запорожскими казаками в 1637 году и осадном сидении в крепости в 1641 году — пять самостоятельных произведений, повествующих о событиях 1637—1641 годов. Они были созданы до 70—80-х годов XVII века, при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче. Две из по-

вестей — «историческая» и «поэтическая» – отличаются достоверностью, почти документальностью. Источником сведений о самих событиях (захвате города и «осадном сидении», о главных героях и, по всей вероятности, и об авторах произведений) являются сами повести, а также немногочисленные документы (войсковые отписки) об этих событиях. Новым (в сравнении с воинскими повестями предшествующей эпохи) в этих произведениях был прежде всего образ их главного героя — казака.

Методы исследования, теоретическая база. При исследовании использованы историко-литературный и сравнительно-исторический методы, семиотический анализ текстов о событиях Смутного времени и повестей Азовского цикла. Тексты всех привлекаемых к анализу произведений изданы, исследовались в них особенности истории текста, языка, источников (фольклорные и западноевропейские произведения), фиксировались отражение реальных событий XVIII века, своеобразие образа главного героя, пересечения с другими повестями. К анализу привлечены также и памятники древнерусской публицистики. Поэтика повестей Азовского цикла достаточно подробно исследована А. С. Орловым [1; 2; 3], А. Н. Робинсоном [4; 5], М. Д. Каган [6; 7; 8; 9] и многими другими исследователями. А. С. Орлов прокомментировал степень достоверности каждой из них, их художественное своеобразие, составил своеобразный словарь формул воинского повествования с древнейших времен и до XVII века, до азовских повестей, завершающих историю этого жанра в русской литературе. Повести исследованы к настоящему времени достаточно подробно и большинством историков признаны надежными источниками информации о взятии Азова казаками и осады города турками.

Результаты исследования. Повести Азовского цикла значительно расширили галерею портретов героев произведений древнерусской литературы: идеальным воином и христианином в них

становится не князь или знатный дружинник (как это было принято в воинских повестях), а бесстатусный казак, изгой, и его войско – Войско Донское. При создании образа героя-казака авторами повестей используется традиционный арсенал художественных средств воинских повестей, включающий немногочисленные цитаты из Евангелия, чудеса, эпизоды с небесной помощью во время сражений и т. п.

Образ казака в русской литературе до появления повестей Азовского цикла не был однозначным. Упоминания о казаках (как о донских, так и запорожских) в официальных источниках до 30-х годов XVII века были в основном негативными, почти никогда и никто не считал их реальными подданными русских царей, а территорию, на которой они жили, Россией. Даже переговоры с ними Москва осуществляла через Посольский приказ. Но тем не менее через все повести Азовского как главная проходит тема единства казаков с Московским государством, они постоянно называют себя подданными именно русского царя, благородными защитниками интересов «третьего Рима» — Москвы, инициаторами похода на Стамбул и Иерусалим.

Казаки, как донские, так и запорожские, были активными участниками всех военных событий Смутного времени, но в памяти современников оставили неоднозначный, чаще – кровавый след. Их меньшая часть приняла сторону московского царя, большая — сражалась в войсках самозванцев, особенно много их было в лагере «тушинского вора». Именно казаки составляли основную часть войска Лжедмитрия I, где их было даже больше, чем поляков и наемников. Так, на Дону в 1613 году оставалось всего 1888 человек, остальные активно участвовали в военных действиях [10, с. 8]. Жестокость казаков в отношении к жителям России вызывала возмущение даже у иностранцев, союзников Лжедмитрия. Именно они составляли наиболее подготовленную к военным действиям часть

войск самых известных бунтовщиков XVII и XVIII столетий, земляков-донцов Степана Разина, Кондратия Булавина и Емельяна Пугачева.

Казаки совершали набеги не только на турецкие владения, на Азов и Крым, но и на пограничные районы России, захватывали местных жителей и продавали их в Крым в рабство. Например, в грамоте царя Михаила Федоровича на Дон от 22 октября 1625 года содержится прямое обвинение запорожцев и донцов в том, что они спровоцировали поход турецких войск на Польшу и Литву: «А про запорожских казаков вам ведомо, какия они грубости починили нашему государству: города многие поимали и людей побили, да не токмо что нашему государству зло починили, и всю землю разоряют: недавно то было, что они у Турскаго на море города повоевали и поимали, а турской Асманъ Салтанъ противъ того, пришедъ в Полшу и Литву, многие земли разорилъ и повоевалъ и толко бѣ въ то время не поспѣла зима и турской бы и всю Полшу и Литву завладѣлъ и до конца разорилъ, и въ тѣ поры побито казаков запорожскихъ боле 30 тысячъ» [11, с. 42].

Агрессивность казаков, их готовность к активному участию в любой «смуте» доказали как России, так и Турции и Крыму, что они — реальная сила, с которой нельзя не считаться. С ними, как и с правителями иностранных государств, русские цари заключали договоры, отправляли на Дон посольства. Москва отправляла на Дон порох, оружие и сукно, требуя взамен охраны и сопровождения русских и турецких посольств из Москвы в Стамбул или Крым и обратно. Но полностью подчинить казаков у Москвы получалось не всегда. Так, в 1614 году казаки были признаны военно-служилым сословием, им было прислано царское знамя, но тем не менее присягу царю они не принесли [10, с. 9].

Интересы казаков и России совпадали далеко не всегда. Например, в 1620-е годы Москва настаивала на прекращении набегов ка-

заков «за зипунами» на Персию и Турцию, но после того, как крымские татары активизировали свои набеги на юг России, запрет был снят. Неудачей закончилась попытка Москвы заставить казаков совместно с турками воевать с Польшей: они категорически отказались идти против христиан (пусть и католиков) в союзе с неверными [12, с. 22]. Царь Михаил Федорович неоднократно был вынужден оправдываться перед Стамбулом за набеги казаков на окрестности Азова, искренне (или лицемерно) признаваясь в своем бессилии контролировать их: «Донские казаки указа нашего не слушают... мы пошлем на них рать свою и велим их с Дону сбить» [12, с. 11]. Охлаждения в отношениях могли быть достаточно серьезными: в 1626 году казаки в послании в Москву прибегали к открытому шантажу и угрожали перейти «в турецкого царя землю» [13, с. 63—65]. Примеров далеко не христианских и не патриотических действий казаков в отношении к России достаточно много. В 1629 году, например, за «ратные» подвиги на пограничных территориях России они были отлучены от церкви [12, с. 21]. В 1634 году, во время похода на Крым, казаки безжалостно грабили и убивали не только местных жителей, татар и ногайцев, но и христиан, среди убитых оказался даже армянский священник. Более гуманно в этой ситуации поступили турки: в виде исключения пострадавшим от набега казаков местным жителям специальным фирманом султана был снижен подушевой налог [14, с. 137, 139]. В 1630 году, накануне Азовских событий, из-за нежелания казаков отказаться от походов на турок и татар отношения между Москвой и Доном на некоторое время вообще прекратились, что происходило неоднократно на протяжении XVII столетия: казаки всегда преследовали собственные интересы. Так, они могли добровольно переходить в Азов или Крым «на жалованье», а после службы там возвращаться на Дон, что никем не воспринималось как измена. Наказание было формальным: их заставляли брить головы и временно лишали защиты Войска Донского по войсковому праву, разрешая проживать на своей

территории. Турки тоже могли переходить в Войско Донское, принимать православие и пользоваться равными с казаками правами [15, с. 230]. Уже в 1640-е годы донские казаки самостоятельно, без консультаций с Москвой, заключали с азовцами мирные соглашения или объявляли войну, посылая «розмирные» грамоты [16, с. 179]. Казаки посещали город, торговали и обменивались информацией с турками, в частности — сообщали им содержание переписки с Посольским приказом [15, с. 232].

Особой агрессивностью в отношении к России донские казаки отличились в конце XVII — начале XVIII века, когда нападали (часто — в союзе с ногаями и турками) на российские земли: они грабили купеческие и даже посольские караваны, осаждали крепости, захватывали и продавали в рабство жителей приграничных территорий [17, с. 496—497]. В конце 1680—1690-х годов (при царевне Софье и царе Петре Алексеевиче) несколько сотен донских казаков переселились в Крым и приняли крымское подданство, перебирались на Кавказ, где добровольно становились подданными турецкого султана. В русско-турецкой войне 1710—1711 годов запорожские казаки воевали уже на стороне Турции против России и т. п. [18, с. 62]. Тот факт, что османы взяли казаков под защиту от России отмечают и турецкие историки [19, с. 42].

Приведенные выше примеры из разных произведений первых десятилетий XVII века едины в своем мнении: казаки были серьезными врагами России и даже, как об этом сообщает «Повесть о нѣкоей брани, належащей на благочестивую Россию», именно их ставленником был Лжедмитрий II: «Изъ своихъ же они, казацы, етера нарекоша царьскимъ именованием, росийскимъ царевичемъ Димитриемъ всеа Росии, умысля своимъ злохитрствомъ, хотя Росийское государство разхитити и себѣ многое богатство тлѣемое вѣка сего приобрѣсти и восхитити, небеснаго ж богатства отнюдь очюждени быша. И совокупя множество воинъ, поляковъ, и

литвы, и угрянъ, и черкасовъ запорожскихъ и прочихъ языкъ, пришедше подъ царствующий градъ Москву и сташа отъ Москвы 12 верстъ по Можайской дорогѣ, именуемо весь Тушино, понеже то мѣсто велми крѣпостно, и учиниша тамо съ таковымъ злохитрственнымъ своимъ царемъ, лживымъ царемъ Дмитриемъ свои литовские табары» [20, стб. 252].

В свете даже перечисленных выше фактов (мы не претендуем на воссоздание полной картины российско-казацких отношений) очевидно, что повести Азовского цикла — историко-беллетристические произведения, в которых на первом плане политические цели, обусловленные желанием исправить репутацию казаков в глазах царского двора и общественного мнения, на втором — литературные, направленные на сохранение не в устной, а в письменной форме описания своего реального подвига. Литературные достоинства повестей, обусловленные высоким профессионализмом авторов, несомненны, что было давно доказано в работах названных выше исследователей. Можно предположить, что для самих казаков важнее литературных были публицистические задачи произведений, в соответствии с которыми авторы не просто знакомили читателя с эпохальным подвигом Войска Донского — захватом неприступной крепости Азов, но и примером доказывали факт защиты казаками интересов и российских границ, и православного мира в целом. О героизме казаков в битвах с врагами России они докладывали не только подьячим посольского приказа (туда уходили официальные послания, расспросные речи и отписки), но и обычным россиянам в привычной сказочно-книжной форме. Высокий профессионализм авторов повестей, знание ими канонов древнерусской воинской повести и фольклора позволили создать историко-беллетристические произведения, идеализирующие нового для древнерусской литературы типа героя — казака, историческая миссия которого – освобождение Царьграда, а затем и Иерусалима.

Сравним, как эта цель миссии была сформулирована в исторической и поэтической повестях:

«Историческая» повесть	«Поэтическая» повесть
А егда богу изволшу, восхоте на них, окаянных, послати свой праведный гнев, и вложи волному казачеству, всему великому Донскому Войску, бог ревность в сердца идти под град Азов и взятии его, и всю бусурманскую веру искоренити» [21, с. 48]	А все то мы применяемся къ Еросалиму и Царюграду. Хотетца нам також взяти Царьград, то государство было христианское [22, с. 67]. (молитва казаков после штурма) Государь-свет, помощник наш, Предтеча Христов Иоанн! По твоему светову изволению разорили мы гнездо змиево, — взяли Азов град... [22, с. 76]

Концепция повестей о казаках как о народе, избранном Богом для похода на врагов православия, доказывается повествовательным материалом всех произведений цикла, взаимно дополняющих друг друга. Так, «Историческая» повесть начинается с обстоятельного «исторического» комментария, обосновавшего законное право христиан на город Азов: «Сей убо бяше град Азов, поставлен бе от истинныя православныя христианския веры от греческаго языка ...при апостоле Павле» [21, с. 47], этот «факт» уже можно было опустить в других повестях.

В повестях Азовского цикла создается образ казака, не имеющий ничего общего с героем произведений Смутного времени — идеального христианина и отважного воина, не щадящего своей жизни в борьбе с врагами веры и России. Принимая в расчет приведенные выше факты, обратимся к текстам повестей Азовского цикла. Причина выбора именно казаков «мечом Божиим» на турок

объясняется, по всей вероятности, тем, что их образ жизни и они сами как воины соответствуют модели истинного христианина, сформулированной в Нагорной проповеди. Возможно, что цитата из Евангелия от Матфея, которая с незначительными отклонениями от первоисточника воспроизведена в «Поэтической» повести (монолог казаков, рассуждающих о том, что о них не заботится московский царь и всю надежду они вынуждены возлагать только на Бога) и узаконивает специфический образ жизни и идеологию вольного, не прикрепленного к земле (не сеющего и не пахущего) воинского братства:

«Поэтическая» повесть	Мф. 6: 26
Кормит нас, молодцов на поли Господь Бог своею милостию во дни и в ночи зверми дивими, да морскою рыбою. Питаем ся мы, аки птицы небесныя: ни сеем, ни орем, ни в житни- цы збираемъ [22, с. 68]	Воззрите на птицы небесныя, яко не съютъ, ни жнут, ни соби- раютъ в житницы (Мф. 6: 26)

Наиболее важным и даже в какой-то мере революционным достижением идеологии повестей можно считать сформулированную в них концепцию сюзеренитета-вассалитета: казаки признают себя вассалами только Христа и Иоанна Предтечи, на которых и надеются, а на помощь царя и Москвы (к которым, тем не менее, постоянно взывают о помощи) не рассчитывают. Особенно часто эта тема одиночества казаков, оставленных их исторической родиной перед могучими врагами, появляется в «Поэтической» повести: «Толко себе чаем помощи от вышняго бога. Прибежим, бедные, к своему помощнику предтечеву образу, пред ним, светом, розплачемся слезами горючими...» [22, с. 75—76]. О том же самом — об отсутствии помощи и поддержки из России — указывают турки казакам в своих к ним посланиях: «... от царства вашего Московского никакой вам

помощи и выручки не будет, ни от царя, ни от человек русских» [22, с. 64]. Эта же тема — нежелания Москвы помогать осажденным — есть и в «Сказочной» повести, где турки, предлагая осажденным казакам сдать осажденный город на самых выгодных для них условиях, пишут: «И не будет вам выручки от царя Московского» [23, с. 95]. Казаки, отвечая туркам на их письма, признают себя рабами (холопами) русского царя, но в то же время акцентируют внимание на своей независимости (вольности), что в контексте фразы звучит двусмысленно: «А *холопи* мы природные государя царя христианского царства Московского, а прозвище наше вечное казачество донское *вольное* и *безстрашное*» [22, с. 66].

С большим, чем Москва, уважением к казакам относятся турки, о чем сообщают их послания в осажденный город: враги восхищаются воинскими умениями казаков, предлагают им оставить Азов и унести с собой все, что они награбили в городе, и оружие, предлагают большие деньги за «мертвые тела» погибших при штурмах воевод. Например, в «Сказочной» повести турки предлагают казакам самим назначить выкуп за погибших: («...берите вы серебра и злата сколько...надобно» [23, с. 95, 104], и за то, чтобы казаки освободили Азов на почетных условиях (они были согласны отпустить казаков со всеми трофеями и оружием). Но казаки не принимают это выгодное предложение, они не знают компромиссов и не имеют жалости к врагам. Так, они не обменивают пленных турок на пленных казаков, как предлагают турки, а безжалостно уничтожают врагов, о чем сообщает, например, «Сказочная» повесть: 500 человек «повырубили и в море пометаша» [23, с. 107].

Цитата из Евангелия от Матфея становится одним из аргументов, обосновывающих соответствие казаков образу защитников России и христианской веры. Эпизоды воинского плана доказывают, что казаки живут по христианским догматам: они бессребре-

ники, и, несмотря на необычный для крестьянской земледельческой России вольный образ жизни, исполняют воинский долг — активно, не щадя своих жизней, борются с врагами православия.

Авторитет Евангелия обеспечивал им право быть такими, какие они есть, а самое главное — не бояться ни Божьего суда, ни суда его помазанника — русского царя. Необходимо принимать во внимание ее контекст в шестой главе и в Евангелии в целом: выше находится молитва «Отче наш» (Мф. 6: 9—15), в которой формулируются основополагающие принципы жизни во Христе, христианские заповеди о добровольном и сознательном отречении от мира и отказе от мирских ценностей, о принципиальном выборе своего жизненного пути «во Христе».

Относительно искренности авторов повестей цикла, постулирующих свою преданность Москве как политическому и духовному лидеру православного мира есть и противоположное мнение: Д. В. Сень считает, что намного ближе казакам были Крым и Константинополь [24].

Сама концепция всех повестей цикла формулируется авторами профессионально и в теологическом плане безупречно. Фактический материал и цитаты из книг Священного писания, подбираемые авторами повестей, вполне соответствуют контексту Нагорной проповеди и доказывают именно тему верности в жизни главной евангельской заповеди о жизни «во Христе» и об отречении от мира с его ценностями. Казаки — честные рыцари Христовы, живущие по его заповедям, изложенным в Евангелии, бескорыстно служащие Ему. Они не имеют за душой ни имущества, ни родственников, а только братьев-единомышленников — казачество Войска Донского. Эта же мысль — спасения души — в повестях формулируется в двух вариантах: душу казаки спасают, погибая в бою с неверными или, если им довелось остаться в живых, в монастыре, куда уходят оставшиеся в живых.

Тема казаков как исполнителей исторической миссии по спасению христианского мира и освободителей захваченных мусульманами христианских городов становится рефреном во всех повестях: «А все то мы применяемся къ Еросалиму и Царюграду. Хотетца нам також взяти Царьград, то государство было христианское» [22, с. 67], она вводится иногда даже в «монологи» турок. В той же «Поэтической» повести турки восклицают о казаках: «О, люди Божии, Царя Небеснаго! Никем в пустынях водими или посылаеми!...» [22, с. 62]. Образ казака на протяжении всего повествования во всех повестях идеализируется: он — защитник России и православия, активный борец с врагами всей Русской земли и русского царя, бесребреник, который воюет не ради «зипунов», а ради обеспечения мирной жизни всей Русской земле. Но на самом деле, как об этом свидетельствует большая часть источников, казаки вовсе не желали жить по законам Русского государства и ненавязчиво, в том числе и с помощью ссылок на Евангелие, доказывали свое право на особый статус. Обоснованию темы казаков как защитников интересов России и православной веры и служат все повести Азовского цикла. Казаки благополучно устояли перед многочисленными искушениями, главное из которых — сребролюбие: не поддались на уговоры турок и не сдали им за Азов. Этот мотив неоднократно и на разном материале художественно оформляется в повестях. Так, турки, уговаривая осажденных, неоднократно соблазняют казаков «несчетным богатством», но те гордо отказываются вести переговоры с врагами христианства: «Обогатит вас, казаков, он, государь турецкой царь, многим несчетным богатством, учинит вам, казаком, у себя во Цареграде покои велики во веки, положит на вас на всех казаков плате свое златоглавое, печати подаст вам богатырские золоты с царевым клеймом своим» [22, с. 64—65].

Заключение. Активное участие казаков Войска Донского в событиях Смутного времени на стороне Лжедмитрия I и Лжедмитрия

II, их жестокость в отношении к жителям окраин России зафиксированы практически всеми произведениями Смутного времени, но ни в одном из них ничего не сообщается о них как о защитниках рубежей России. Нет сомнений, что одной из целей, возможно, и главной целью была корректировка общественного мнения. Авторы повестей Азовского цикла создавали свои произведения с важной для них целью — убедить российское общественное мнение и, безусловно, не только царя Михаила Федоровича, но и Алексея Михайловича в том, что казаки — не просто праведные христиане, живущие по евангельским заповедям, а избранники Божии, цель которых — выступить инициаторами похода христианского мира против Османской империи. Здесь же, в повестях, есть намек на причину, по которой поход не удался: это отсутствие поддержки со стороны Московского государства. Казаки Войска Донского — умелые и отважные борцы с врагами Русской земли и русского царя (что подтверждается фактом захвата неприступной крепости), бесребреники, а не грабители, как о том свидетельствуют повести Смутного времени. Тщательно отобранные из реального военного быта факты целенаправленно перерабатывались в соответствии с идеализирующими установками древнерусских воинских повестей. Эти сюжетные материалы должны были опровергнуть сложившееся в обществе мнение о казаках как о врагах России. Повести Азовского цикла целенаправленно создают собирательный образ идеального воина, избранного высшим промыслом для начала активных действий против завоевателей Царьграда и Иерусалима.

Повести Азовского цикла значительно расширили галерею портретов героев произведений древнерусской литературы: идеальным воином и христианином в них становится не князь или знатный дружинник (как это было принято в воинских повестях), а бесстатусный казак, изгой, и его войско — Войско Донское.

Библиографический список

1. Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М.: Императорское общество истории и древностей Российских при Московском университете, 1902. 50 с.
2. Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637 г. и осадное сидение в 1641 г.) : тексты. М.: Синодальная типография, 1906а. 236 с.
3. Орлов А. С. Сказочные повести об Азове. Варшава: Варшавский учебный округ, 1906б. 270 с.
4. Робинсон А. Н. Поэтическая повесть об Азове и политическая борьба донских казаков в 1642 г. // ТОДРЛ. М.; Л.: Наука, 1948. Т. 6. С. 24—59.
5. Робинсон А. Н. Жанр поэтической повести об Азове // ТОДРЛ. М.; Л.: Наука, 1949. Т. 7. С. 98—130.
6. Каган М. Д. Повесть о Азове историческая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Ч. 3. С. 63—64.
7. Каган М. Д. Повесть о Азове особая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Ч. 3. С. 64—66.
8. Каган М. Д. Повесть о Азове поэтическая // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Ч. 3. С. 66—70.
9. Каган М. Д. Повесть о Азове сказочная // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Ч. 3. С. 70—71.
10. Сизенко А. Г. Казаки и казачьи войска царской России. Ростов н/Д.: Издательский дом «Владис», 2011. 448 с.
11. Грамота царя Михаила Федоровича 1625 г. Октября 22 // Прянишников И. Материалы для истории войска Донского. Грамоты. Новочеркасск, Войсковая типография, 1864. С. 39—45.
12. Арефин С. Я. Донское казачество прежде и теперь: краткая история донских казаков. М.: Типография Сокол, 1907. 63 с.
13. Сень Д. В. Казаки-перелеты // Родина. 2010. № 3. С. 63—65.
14. Ефимов А. В. Христианское население Крыма в 1630-е годы по османским источникам // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Региональная история. Краеведение». М., 2013. № 9 (110). С. 134—143.

15. Сень Д. В. Донское казачество и османский Азов: культура пограничных отношений // Казачество в тюркском и славянском мирах : кол. монография / отв. ред. В. В. Грибовский, В. В. Трепавлов; Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ. Казань, 2018. С. 225—234.

16. Сень Д. В. Вынужденное соседство: традиции «замирения» / розмирения» Войска Донского и османского Азова // Война и воинские традиции в культурах народов Юга России (VII Токаревские чтения) : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Ростов-на-Дону, 11—12 мая 2018 г.). Ростов н/Д, 2018. С. 170—187.

17. Сень Д. В. «Крымской хан принял их ... с великою любовью»: казачество Крымского ханства (Кубани) в конце XVII—XVIII в. // Казачество в тюркском и славянском мирах : колл. монография / отв. ред. В. В. Грибовский, В. В. Трепавлов. Казань, 2018. С. 489—509.

18. Сень Д. В. «По приказу превысокова хана дан сей указ»: Крымское ханство и казачество // История: факты и символы. Рецензируемый научно-теоретический и прикладной журнал. Елец, 2015. Вып. 2 (3). С. 72—89.

19. История Османского государства, общества и цивилизации / под ред. Экмеледдина Ихсаноглу. М.: Восточная литература РАН, 2006. Т. 1. XXXII+602 с.

20. Повесть о нѣкоей брани, належащей на благочестивую Россию // Русская историческая библиотека, издаваемая императорской археографической комиссией / под ред. С. Ф. Платонова. СПб.: Типография И. Н. Скороходова. Т. 13. Стб. 148—260.

21. «Историческая» повесть об Азове / подгот. к печати А. Н. Робинсон // Воинские повести Древней Руси / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 24—59.

22. «Поэтическая» повесть об азовском осадном сидении 1642 г. / подгот. к печати А. Н. Робинсон // Воинские повести Древней Руси / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 57—82.

23. «Сказочная» повесть об азовском взятии и осадном сидении / подгот. к печати А. Н. Робинсон // Воинские повести Древней Руси / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 83—114.

24. Сень Д. В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношении с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. — начало XVIII в.). Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального ун-та, 2009. 280 с.

References

1. Orlov A. S. *Ob osobennostyakh formy russkikh voinskih povestey (konchaya HVII v.)* [On the peculiarities of the form of Russian military tales (ending the 17th century)]. Moscow: Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostey Rossijskikh pri Moskovskom universitete, 1902. 50 p. (In Russ.)
2. Orlov A. S. *Istoricheskie i poeticheskie povesti ob Azove (vzyatie 1637 g. i osadnoe sidenie v 1641 g.). Teksty* [Historical and poetic stories about Azov (capture in 1637 and siege in 1641). Texts]. Moscow: Sinodal'naya tipografiya, 1906. 236 p. (In Russ.)
3. Orlov A. S. *Skazochnye povesti ob Azove* [Fabulous stories about Azov]. Varshava: Varshavskij uchebnyj okrug, 1906. 270 p. (In Russ.)
4. Robinson A. N. Poetic tale of Azov and the political struggle of the Don Cossacks in 1642. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1948, vol. 6, pp. 24—59.
5. Robinson A. N. Genre of a poetic story about Azov. *Trudy otdela drevnerusskoj literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1949, vol. 7, pp. 98—130. (In Russ.)
6. Kagan M. D. A historical story about Azov. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi* [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Rus. XVII century]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1998. Part 3, pp. 63—64. (In Russ.)
7. Kagan M. D. The story of Azov is special. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi* [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Rus. XVII century]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1998. Part 3, pp. 64—66. (In Russ.)
8. Kagan M.D. The story of Azov poetic. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi* [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Rus. XVII century]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1998. Part 3, pp. 66—70. (In Russ.)
9. Kagan M.D. The tale of Azov is fabulous. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi* [Dictionary of scribes and bookishness of Ancient Rus. XVII century]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 1998. Part 3, pp. 70—71. (In Russ.)
10. Sizenko A. G. *Kazaki i kazach'i vojska carskoj Rossii* [Cossacks and Cossack troops of Tsarist Russia]. Rostov-na-Donu, Izdatel'skij dom «Vladis», 2011. 448 p. (In Russ.)
11. Charter of Tsar Mikhail Fedorovich 1625 October 22. *Pryanishnikov I. Materialy dlya istorii vojska Donskogo. Gramoty* [Materials for the history of the

Don army. Diplomas]. Novocherkassk, Military Printing House, 1864, pp. 39—45. (In Russ.)

12. Arefin S. Ya. *Donskoe kazachestvo prezhe i teper': kratkaya istoriya donskih kazakov* [Don Cossacks before and now: a short history of the Don Cossacks]. Moscow, tipografiya Sokol, 1907. 63 p. (In Russ.)

13. Sen' D. V. Kazaki-perelety. *Rodina* [Homeland], 2010, no. 3, pp. 63—65. (In Russ.)

14. Efimov A. V. Christian population of Crimea in the 1630s according to Ottoman sources. *Vestnik RGGU. Seriya «Istoricheskie nauki. Regional'naya istoriya. Kraevedenie»* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series "Historical Sciences. Regional history. Local history"]. Moscow, 2013, no. 9 (110), pp. 134—143. (In Russ.)

15. Sen' D. V. Don Cossacks and Ottoman Azov: the culture of border relations. *Kazachestvo v tyurkskom i slavyanskom mirah koll. monografiya* [Cossacks in the Turkic and Slavic worlds: col. monograph] / otv. ed. V. V. Gribovsky, V. V. Trepavlov / Institute of Archeology named after A. Kh. Khalikov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Kazan, 2018, pp. 225—234. (In Russ.)

16. Sen D.V. Forced neighborhood: traditions of "reconciliation / reconciliation" of the Don and Ottoman Azov troops. *Vojna i voinskie tradicii v kul'turakh narodov YUga Rossii (VII Tokarevskie chteniya): Mat-ly Vseros. nauchno-prakt. konferencii (g. Rostov-na-Donu, 11—12 maya 2018 g.)* [War and military traditions in the cultures of the peoples of the South of Russia (VII Tokarev readings): materials of the All-Russian. scientific-practical conf. (Rostov-on-Don, May 11—12, 2018)]. Rostov-on-Don, 2018, pp. 170—187. (In Russ.)

17. Sen D. V. "The Crimean Khan received them ... with great love": the Cossacks of the Crimean Khanate (Kuban) at the end of the 17th — 18th centuries. *Kazachestvo v tyurkskom i slavyanskom mirah: koll. monografiya* [Cossacks in the Turkic and Slavic worlds: coll. monograph] / otv. ed. V. V. Gribovsky, V. V. Trepavlov; Institute of Archeology. Kazan, 2018, pp. 489—509. (In Russ.)

18. Sen D.V. "By the order of Vysokov khan, this decree was given": Crimean Khanate and Cossacks. *Istoriya: fakty i simvoly. Recenziruemyj nauchno-teoreticheskij i prikladnoj zhurnal* [History: facts and symbols. Peer-reviewed scientific-theoretical and applied journal]. Yelets, 2015, issue. 2 (3), pp. 72—89. (In Russ.)

19. *Istoriya Osmanskogo gosudarstva, obshchestva i civilizatsii* [History of the Ottoman state, society and civilization], edit. Ekmeleddin Ihsanoglu. Moscow, Vostochnaya literatura RAN, 2006, vol. 1, XXXII+602 p. (In Russ.)

20. A tale of some kind of battle against pious Russia. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya imperatorskoj arheograficheskoy komissiej* [Russian Historical Library, published by the Imperial Archaeographic Commission] / ed. S. F. Platonov. St. Petersburg: Tipografiya I. N. Skorohodova, vol. 13. pp. 148—260. (In Russ.)

21. “Historical” story about Azov / prepared to print A. N. Robinson. *Voinskie povesti Drevnej Rusi* [Military stories of Ancient Russia] / ed. V. P. Adrianova-Peretz. Moscow; Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1949, pp. 24–59. (In Russ.)

22. “Poetic” story about the Azov siege seat in 1642 / prepared to print A. N. Robinson. *Voinskie povesti Drevnej Rusi* [Military stories of Ancient Russia] / ed. V. P. Adrianova-Peretz. Moscow; Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1949, pp. 57—82. (In Russ.)

23. “Fairy tale” story about the Azov capture and siege sitting / prepared to print A. N. Robinson. *Voinskie povesti Drevnej Rusi* [Military stories of Ancient Russia] / ed. V. P. Adrianova-Peretz. Moscow; Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1949, pp. 83—114. (In Russ.)

24. Sen' D. V. *Kazachestvo Dona i Severo-Zapadnogo Kavkaza v otnoshenii s musul'manskimi gosudarstvami Prichernomor'ya (vtoraya polovina XVII v. — nachalo XVIII v.)* [Cossacks of the Don and the North-Western Caucasus in relations with the Muslim states of the Black Sea region (second half of the 17th century — the beginning of the 18th century)]. Rostov-on-Don: izd-vo Yuzhnogo federal'nogo universiteta, 2009. 280 p. (In Russ.)

О. Н. Иванищева, Мэнцзе Лян

Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск,
Российская Федерация

**Мир животных сквозь призму народной мудрости:
сопоставительный анализ русских, китайских, тувинских
и саамских пословиц и поговорок о коне/лошади/олене**

*Статья посвящена сопоставительному анализу русских, китайских, тувинских и саамских пословиц и поговорок о парно- и непарнокопытных животных (**конь / лошадь / северный олень**). Новизна и цель исследования состоит в выявлении прототипической структуры пословиц и поговорок с ключевым слово **конь / лошадь / олень**, а также в исследовании изоморфизма и алломорфизма изучаемых языковых единиц. Материалом исследования явились словари пословиц и поговорок русского, тувинского и китайского языков, а также выборка из саамско-русского двуязычного словаря. Анализ материала показал наличие двух групп пословиц и поговорок исследуемых языков: близких по своему смысловому содержанию и различных по своим прототипическим смыслам. Результатом исследования явилось выделение трех прототипических сюжетов в структуре исследуемых пословиц и поговорок — Пространство, Ценности и Судьба, представленных в тематических группах «Дорога», «Труд», «Дом», «Счастье», «Традиции» и «Предсказания». Отмечено, что в анализируемых языковых единицах акцентируются не признаки животных, а опыт человека во взаимодействии с ними, а именно: особые отношения животного и человека в разных сферах его жизни (семья, дом, трудовая деятельность). Утверждается, что в прототипических представлениях о **коне / лошади / олене** в данных культурах обнаруживается менталитет сельского труженика в отличие, например, от английских пословиц и поговорок, где представлено мировидение широких социальных слоев.*

Ключевые слова: пословицы, поговорки, зоонимы, русский, китайский, тувинский, саамский языки.

O. N. Ivanishcheva, Mengjie Liang

Murmansk Arctic State University, Murmansk, the Russian Federation

**The World of Animals through the Prism of Folk Wisdom:
a Comparative Analysis of Russian, Chinese, Tuvan and Sami
Proverbs and Sayings about a Horse/Deer**

The article is devoted to the comparative analysis of Russian, Chinese, Tuvan and Sami proverbs and sayings about paired and ungulate animals (horse / reindeer). The novelty and purpose of the study is to identify the prototypical structure of proverbs and sayings with the keyword horse / deer, as well as to study the isomorphism and allomorphism of the studied language units. Russian, Tuvan and Chinese dictionaries of proverbs and sayings, as well as a sample from the Sami-Russian bilingual dictionary, were the material of the study. The analysis of the material showed the presence of two groups of proverbs and sayings of the studied languages: similar in their semantic content and different in their prototypical meanings. The result of the study was the identification of three prototypical plots in the structure of the studied proverbs and sayings — Space, Values and Destiny, presented in the thematic groups "Road", "Work", "Home", "Happiness", "Traditions" and "Predictions". It is noted that the analyzed language units emphasize not the characteristics of animals, but the experience of a person in interaction with them, namely: the special relationship of an animal and a person in different spheres of his life (family, home, work). It is argued that in the prototypical representations of a horse / deer in these cultures, the mentality of a rural worker is revealed, in contrast, for example, to English proverbs and sayings, where the worldview of broad social strata is represented.

Keywords: proverbs, sayings, zoonyms, Russian, Chinese, Tuvan, Sami languages.

Введение. Актуальность исследования обусловлена непреодолимым стремлением ученых исследовать языковую картину мира

конкретного языка как часть его культуры, тесно связанной с традициями народа и языковой компетенцией носителя языка. Выбор зоонимов в этом смысле неслучаен, так как языки традиционно используют семантическую сферу «животные» в качестве базы для метафорического осмысления окружающего мира, в первую очередь человека. Пословицы и поговорки как носители национально-культурной информации представляют собой уникальный материал для такого анализа.

Новизна исследования обусловлена несколькими факторами: подтверждено использование когнитивно-лингвокультурологического подхода для исследования прототипической структуры паремий; представлен анализ образа *коня / лошади / северного оленя* как образа животного, представляющего основу материальной и духовной культуры исследуемых этносов; впервые сопоставляются в заявленном аспекте языковые картины мира таких народов, как русский, китайский, тувинский и саамский. Новизна исследования обусловлена также недостаточной изученностью тувинских и саамских пословиц и поговорок.

Материалом исследования являются словари пословиц и поговорок русского [1], китайского [2], тувинского языков [3], двуязычный словарь кильдинского саамского языка [4]. Проанализировано 76 русских пословиц и поговорок, 32 тувинских, 38 китайских и 8 саамских пословиц и поговорок.

Цель работы — провести анализ прототипической структуры тувинских, китайских, саамских и русских пословиц и поговорок с ключевыми словами *конь / лошадь / северный олень*. Задачами работы являются анализ прототипической структуры пословиц и поговорок с позиции когнитивного и лингвокультурологического подходов и исследование изоморфизма и алломорфизма исследуемых языковых единиц.

Исследовательские вопросы, которые предполагается решить в результате исследования: какие сюжеты, представленные в глубинной структуре пословиц и поговорок о *коне / лошади и олене* в тувинских, китайских, саамских и русских пословицах и поговорках, определяют представление об этих животных в бытовом сознании носителей национальных культур и языков? Какие факторы определяют наличие алломорфизма и изоморфизма исследуемых единиц в лингвокультурологическом аспекте?

Методы исследования, теоретическая база. Теоретической базой исследования являются работы по специфике паремиологической картины мира (см. обзор в [5]), национально-культурной специфике пословиц и поговорок в разных языках [6; 7; 8; 9 и др.], специфике стереотипов восприятия животных в разных культурах [10 и др.], концептуальных признаков *лошади* в разных культурах [11; 12 и др.].

Методами исследования явились метод сплошной выборки, описательно-аналитический, культурологический, сравнительный анализы.

Результаты исследования и их обсуждение. Исходные положения исследования. Образ *коня / лошади / оленя* в разных культурах рассматривается нами с наивно-языковой точки зрения, предполагающей практическое использование животного в хозяйственной деятельности, и связанные с этим глубинные смыслы. Мифологическое образное представление не входит в задачу нашего исследования.

Основанием выбора животных для анализа (*конь / лошадь, северный олень*) является их значимость в материальной и духовной жизни человека. *Конь / лошадь* в истории человеческой цивилизации использовались человеком как средство передвижения, в военных целях и в сельском хозяйстве в качестве тягловой силы. *Конь* —

одно из самых почитаемых животных. Выбор *северного оленя* в качестве объекта исследования обусловлен культурно значимыми морфологическими связями коня и оленя. Доказано, что культ коня возник у финно-угров, в том числе саамов, из культа лося-оленя [12, с. 52], а некоторые породы азиатских лошадей обладают особенностями поведения северного оленя. Например, монгольская лошадь круглый год находится под открытым небом, сама добывает корм, выкапывая его из глубокого снега [13], как северный олень у саамов.

Выбор языков для анализа обусловлен геополитическим и культурным факторами, а именно: «буферным» положением Республики Тыва между двумя цивилизациями — российской и китайской. Как отмечает С. С. Нава, нельзя не заметить доминирования в отечественных исследованиях влияния российской культуры на Туву, несмотря на наличие многовекового процесса общения и взаимодействия Тувы и Монголии, Тувы и Китая [14, с. 3]. Кроме того, соотношение с саамскими пословицами может дать толчок к обсуждению проблем на заданном уровне по поводу отличия кочевой «конно-железной» культуры от тундровой, оленной.

Основанием для сравнения тувинской, китайской и саамской культур является общность хозяйственной деятельности. Как отмечают исследователи, у тувинских кочевников существовали три типа хозяйств: первые два относились к скотоводческим типам, а третий — к оленеводческому. Основу экстенсивного кочевого скотоводства составляли лошади и овцы [15, с. 13—15]. Оленеводческий тип основан на северном олене (см. о северном олене на территории Тувы, например: [16]).

Наиболее представительным пластом лексики в тувинском языке и его диалектах является пласт лексики коневодства, так как для кочевника-скотовода лошадь является важным животным. Для тувинцев лошадь — это важный вид скота, лучший друг и помощ-

ник [17, с. 24]. Для тувинцев-тоджинцев северный олень также является важной частью хозяйственной деятельности [16, с. 1—2], как и для саамского народа [18]. На Руси лошадь играла большую роль в сельском хозяйстве, а в Китае считалась прежде всего средством передвижения и широко использовалась на войне [19, с. 172].

Анализ материала в настоящей работе построен на идее реконструкции прототипической ситуации (глубинной структуры пословиц и поговорок), которая определяет функции данных языковых единиц (кумулятивно-резюмирующую, метакоммуникативную и футурологическую). Принципиальным представляется идея о бинарности структуры пословиц и поговорок. В настоящем исследовании за основу берется не поверхностная структура данных языковых единиц, уже достаточно разработанная в исследованиях, посвященных языковым средствам выражения контраста (например: [20]), а структура глубинная.

В настоящей статье рассмотрены три прототипических сюжета (Пространство, Ценности и Судьба), в которых определяется образ животного в разных культурах и его место в жизни человека (верховое животное и тягловая сила). Сюжеты в настоящей работе описаны в рамках предметно-образных доминант. Под предметно-образными доминантами понимаются предметные реалии (в данном случае — животные *конь, лошадь и северный олень*) в образной системе пословиц и поговорок. Эти реалии актуализируются в образной системе в разных тематических группах. Кроме того, для каждого сюжета описаны факторы изоморфизма, то есть наличие сходства в восприятии животного в данной культуре, которое способствует метафоризации его образа. Факты алломорфизма отражены в образном наполнении языковой единицы и связаны с культурными и национальными характеристиками исследуемых языков (см. об изоморфизме и алломорфизме паремий на примере русского, английского и татарского языков в [9]).

Степень изученности языкового материала. Пословицы и поговорки тувинского и китайского народов изучены не так подробно, как русские. Саамские пословицы и поговорки практически не изучены. Остановимся подробнее на менее исследованном языковом материале.

Исследование тувинского фольклора, проведенное Г. Н. Курбатским, показало, что описательного, конкретно-информативного элемента в тувинских пословицах и поговорках достаточно мало, они в основном имеют оценочный характер, постоянно перебиваются лирическими интонациями, а информативный материал дается в дидактической форме, в виде морально-нравственных суждений-оценок [21, с. 342]. Тематика пословиц и поговорок как российских, так и китайских тувинцев сосредоточена вокруг следующих вопросов: о сплоченности народа, о правилах воспитания, о роли отца в жизни ребенка, о скоротечности времени [22, с. 19—20]. Кроме того, отмечается, что характерной чертой тувинского фольклора надо считать то, что он чаще был выразителем чаяний охотников и скотоводов. Это черта выражена, в частности, в воспевании богатого скотовода [23, с. 28—29].

Исследование китайских пословиц и поговорок выявило особую значимость животных для культуры Китая и активный интерес ученых к китайским пословицам и поговоркам о животных. В древности в Китае животные являлись важным источником пищи, объектом поклонения, орудием войны и играли жизненно важную роль в жизни и производстве [10, с. 30]. По данным У. Н. Решетнёвой, образы животного мира встречаются в 26,1 % китайских пословиц и поговорок. При этом *конь / лошадь* занимает второе место по частности после *тигра*. Отмечается особая культовая роль *коня* как посредника между своим и чужим миром (особенно *коня белого цвета*): *Человеческая жизнь словно белый скакун, проскакивающий мимо щели* [24, с. 41—45, 109].

Результаты анализа языкового материала. Анализ материала показал наличие двух групп языкового материала.

Первая группа — это пословицы и поговорки исследуемых языков, близкие по своему смысловому содержанию (*Старый конь дорогу знает* (кит.), *Старый конь не собьется с пути* (тув.); *Старый конь борозды не испортит* (рус.); *Человека красит одежда, лошадь украшают седлом* (кит.), *Дорогому коню — дорогая сбруя* (рус.)). Тожественные паремиологические сферы различных языков, как отмечают исследователи, вызывают похожие стереотипные ситуации, а следовательно, эквивалентные (полные или частичные) по своей семантике (1), оценочности (2) и образности (3) единицы. См. примеры: *Конь тощой — хозяин скупой* (рус.) — *Хочет иметь хорошую лошадь, но в то же время не хочет кормить ее сеном* (кит.); (2) *Резвого жеребца и волк не берет* (рус.) — *Заяц также кусается при угрозе* (кит.); (3) *Добрался, как волк до овчарни* (рус.) — *Добрался, как муха до крови* (кит) [10, с. 7, 50, 56].

Вторая группа — это пословицы и поговорки, различные по своим прототипическим смыслам (*Худой верблюд больше лошади* (кит.), *Доброму коню найдется много хозяев, хорошему человеку — много друзей* (тув.), *Идет как изнуренный олень* (саам.), *Неказиста кляча, а бежь хороша* (рус.)). Так, по результатам исследования Ч. Цзюй, по-разному представлены в русских и китайских пословицах и поговорках с компонентом-зоонимом такие нравственные качества человека, как любопытство и эгоизм (есть только в русском языке). Для китайцев более характерно иерархическое представление об обществе, необходимость уважения и поклонения [10, с. 59, 61, 65].

Сюжет «Пространство» в исследуемом языковом материале представляется предметно-образными доминантами в тематических группах «Дорога» и «Труд»: *скачущий конь* в китайской культуре (например, *Слово сказано — не догнать четверкой лошадей; Сила коня проверяется дорогой, а сердце человека — временем;*

*Быстро скачущую лошадь не нужно подгонять плетью, в звонкий ба-
рабан не нужно колотить сильно; Добрый конь не останавливает
бег, хороший вол не останавливает плуг; Заглядевшись на горы, за-
гнать коня, то есть кажущееся близким оказывается очень далё-
ким), конь, взбирающийся на гору, в тувинской культуре (например,
Гора коня измучает, норов — человека; Коня в гору погоняй, друга
отказом не огорчай), усталый от работы конь в русской культуре
(например, Был конь, да изъездился; Быстрая лошада быстрее
устаёт; Через силу и конь не скачет), изнуренный от бега олень в са-
амской культуре (например, Идет как изнуренный олень). Живот-
ные конь / лошада / северный олень выполняют разные функции в
жизни разных народов, что отражается в содержании их культур-
ных смыслов: верховое животное (китайская, тувинская культуры)
и животное для работы (жизнеобеспечения) (русская, саамская
культуры). В этом заключается алломорфизм паремий данного сю-
жета. Изоморфизм данных языковых единиц обусловлен местом,
который занимают конь / лошада и северный олень как домашние
животные в хозяйственной деятельности человека.*

Сюжет «Ценности» представляется предметно-образными до-
минантами в тематических группах «Дом» и «Труд»: *характер ло-
шади* в китайской (например, *Хорошая лошада не ест траву, остав-
шуюся позади*, то есть целеустремленные люди не отступают) и в
тувинской культуре (например, *Ленивому коню путь далек, скупому
человеку друг далек*); *конь и олень у хорошего / бедного хозяина* в ту-
винской и саамской культурах (например, тув.: *В хорошей артели
кони сытые; Доброму коню найдется много хозяев, хорошему чело-
веку — много друзей; Мягкость кожи зависит от выделки, справ-
ность коня — от хозяина*; саам.: *Имеешь оленей — не имей лени; У
бедняка оленей всегда волки поедают; У бедняка и важенька не те-
лится*); *значимость коня / лошади в хозяйстве* в русской культуре
(например, *Дело без конца — кобыла без хвоста; Заглазно лошада не
покупают; Конь тощой — хозяин плохой*). В формировании сюжета

«Ценности» исследуемых культур выявлено сходство, определенное общностью социальной сущности человека: важностью семьи, дома, трудовой деятельности, а также гендерной спецификацией. Так, в исследуемых паремиях образ коня тесно связан с мужским началом: *Девушка любит наряд, парень — коня* (тув.); *Конь джигиту свой нравится, а жена — чужая* (рус.). В пословицах тувинского народа, отражающих идеалы маскулинности, выражается интенция «Восхваление»: *Хорошего коня с уздой пить учи, хорошего сына тяжелой работой закаляй* [7, с. 23]. Алломорфизм паремий исследуемого сюжета обусловлен антропоморфной / зооморфной моделью мышления народа, то есть перенесением акцентов или на характеристики человека (хозяин добрый или плохой), или на качества животного (конь «работящий» или ленивый).

Сюжет «Судьба» представляется предметно-образными доминантами в следующих тематических группах: «Счастье», «Традиции», «Предсказания»: *семейные традиции и понимание добра / зла* в китайской культуре (например, *Лошадь двумя седлами не сдлают*, то есть женщина не должна дважды выходить замуж; *Старик потерял лошадь, но как знать — может быть, это к счастью*, то есть нет зла без добра; *Лошадь мчится к травам, человек — в родные края*; *Когда лошадь на краю пропасти, поздно брать под уздцы*, то есть трудно исправлять ситуацию, когда дело зашло далеко); *надежда на лучшее* в тувинской культуре (например, *Тощий конь пожиреет, больной человек поправится*; *Конь падает — коновязь останется, отец умрет — сын останется*); *неизбежность происходящего* в саамской культуре (например, *Олень и волк по одной тропе не ходят*; *Если волк начал в стадо бегать, оленям пришел конец*); *непредсказуемость судьбы и принятый порядок* в русской культуре (например, *Счастье — не конь: по прямой дороге не везет (хомута не наденешь)*; *Коня с хвоста не запрягают*; *Лошадь позади телеги не ставят*; *Куда конь с копытом, туда и рак с клешней*; *Куда кривая [ко-*

была] вывезет). В данной группе национально-специфический компонент представлен наиболее ярко, хотя осознание бренности бытия является общим для всех культур. Но для русских пословиц характерно представление о жизни как о тяжелой, в чем преимущественно отразился крестьянский менталитет [25, с. 4—5]. А пути любви и дружбы у китайцев часто связаны с понятием судьбы и предзнаменования [10, с. 5]. Для саамского народа олень стадо — самое дорогое, самое ценное из его имущества. Но оленей саамы отпускают летом на волю, отдавая право заботы о них женскому божеству Луот-хозик [26, с. 60—61]. Поэтому надежда на высшие силы ставила саамский народ в положение зависимости от случая. Древнее мировоззрение тувинцев ориентировано на космическую систему, в которой человек — ее органическая часть. Это состояние гармоничного человека в гармоничном мире. Человек не ограничен условными материальными пределами своего организма. Отсюда ощущение собственной целостности и надежды на будущее [17, с. 28].

Заключение. Анализ материала показал особую функциональную значимость животных в пословицах и поговорках разных народов. Нами отмечено, что в анализируемых языковых единицах акцентируются не признаки животных, как это представлено, например, в зоонимах как в самостоятельных лексических единицах, а опыт человека во взаимодействии с животными. Так, в русском языке зооним *конь* имеет следующие коннотации — «здоровый, сильный мужчина» [27, с. 245], *конь* в представлении носителя русского языка *норовистый, загнанный [запаленный]*, а в пословицах и поговорках русского языка *конь* предстает как член семьи, рабочая сила и независимое, гордое животное. Предполагается, что представление о животном как средоточии народной мудрости связано, в том числе, с религиозными представлениями: для изучаемых языков это конфуцианство (китайцы), буддизм и шаманизм (тувинцы),

язычество (саамы) и христианство (русские), а также со стереотипами восприятия животного (белый олень для саамов [28, с. 156], конь белой масти для китайцев [24, с. 109]). Все это соотносится с утверждением, что пословицы в лаконичной форме раскрывают видение человеком животного, обнаруживают сакральные религиозные представления и продолжают фольклорные традиции. Пословицы и поговорки ассоциируют человека с животным исходя из особенностей поведения человека и характера животного. Так, в китайских, тувинских и русских пословицах и поговорках выделяются такие черты характера животных *конь / лошадь*, как быстрота, работоспособность, боязнь наказания, опытность (выработанный навык), в саамских — подчеркивается выносливость *олень*. Но если для кочевых культур *конь / лошадь* прежде всего член семьи, друг, товарищ, то для оседлых — тягловая сила, помощник в домашней работе. В пословицах и поговорках отмечается аналогия роли животного в жизни человека с отношениями в семье, приоритетом отца, важностью передачи традиций от отца к сыну. В паремиологической картине мира исследуемых языков *конь / лошадь / олень* не бывают *плохими*, они *добрые, хорошие, бегущие куда-то, служащие человеку, измученные, усталые, худые*. Можно утверждать, что в прототипических представлениях о *коне / лошади / олене* в данных культурах обнаруживается менталитет сельского труженика в отличие, например, от английских пословиц и поговорок, где представлено мировидение широких социальных слоев (см. об этом, например: [6, с. 17; 25, с. 4]).

Наличие алломорфизма и изоморфизма исследуемых единиц обнаруживается при анализе содержательного наполнения языковых моделей. Факторами, определяющими сходство и различие в представлении животного в паремиологической картине мира, являются факторы материальные, мировоззренческие, культурные, национально-специфические: принадлежность анализируемого животного к группе домашних, отношение животного и его хозяина

к природе как к одушевленному существу, нахождение человека в гармонии с природой и осмысление своего места в обществе.

Библиографический список

1. Зимин В. И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020. 736 с.
2. 陈君慧. 谚语大全. 哈尔滨市道里区经纬街26号: 北方文艺出版社, 2004. 639 с.
3. Тувинские пословицы и поговорки / сост.-пер. М. Хадаханэ, О. Саган-оол.; Тувин. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории. Кызыл: Тувин. кн. изд.-во, 1966. Вып. 2. 80 с.
4. Саамско-русский словарь / Н. Е. Афанасьева [и др.]; под ред. Р. Д. Куруч. М.: Русский язык, 1985. 568 с.
5. Гриченко Л. В. Изучение пословиц в отечественной и зарубежной лингвистике: современное состояние вопроса // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 215—218.
6. Бабитова Л. А. Английские и кабардино-черкесские пословицы и поговорки в прагмалингвокультурологическом аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2013. 26 с.
7. Егорова А. И., Кондакова А. П., Кужугет М. А. Гендерные стереотипы в тувинских пословицах и поговорках // Новые исследования Тувы. 2020. № 1. С. 19—34.
8. Чадамба Ш. С. Предложения-паремии в текстах русских художественных переводов с тувинского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Абакан, 2015. 19 с.
9. Яхин М. А. Лексико-семантические и лингвокультурологические аспекты антропоцентрических фразеологизмов (на материале разноструктурных языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2021. 29 с.
10. Цзюй Ч. Семасиологическая структура паремий с компонентом-зоонимом в русском и китайском языках : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2019. 148 с.
11. Багана Ж., Михайлова Ю. С. Фаунонимическая лексика в системе языка и ее национально-культурная специфика (на материале лексических единиц «лошадь», «конь», «свинья» в русском, английском и немецком языках) // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 24 (119). Вып. 12. С. 84—93.

12. Ильина Е. Н., Сабурова Л. В., Сидорова Т. А. Конь / лошадь в языковой картине мира севернорусского крестьянина // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 4. С. 50—64.
13. Жамбалова С. Г., Эрдэнэбат Д. Монгольская лошадь в войнах и культуре монгольского народа // Гуманитарный вектор. 2016. Т.11. № 1. С. 82—91.
14. Нава С. С. Культурные контакты тувинцев в контексте кочевой культуры (конец XVIII — первая половина XX в.) : автореф. дис. ... канд. культурологии. Улан-Удэ, 2010. 23 с.
15. Донгак С. Ч. Традиции скотоводства у тувинцев (конец XIX — середина XX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2011. 23 с.
16. Кол Н. В. Генетический полиморфизм в популяции северного оленя (*Rangifer tarandus*) Республики Тыва (Тоджинского района) : автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2006. 28 с.
17. Будегечиева Т. Б. Тувинская культура: материальное и духовное, традиции и новации : монография. Кызыл: Изд-во ТувГУ, 2018. 115 с.
18. Волков Н. Н. Российские саамы. Историко-этнографические очерки / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Каутокейно; СПб.: Саамский Институт, 1996. № 1. 106 с.
19. Михайлова Ю. Н., И Ч. Культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 4 (157). С. 168—181.
20. Бочина Т. Г. Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Казань, 2003. 52 с.
21. Курбатский Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2001. 464 с.
22. Юша Ж. М. Фольклор и обряд тувинцев Китая в начале XXI века: структура, семантика, прагматика : автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2018. 42 с.
23. Куулар Д. С. Тувинский фольклор в контексте центрально-азиатских устно-поэтических традиций : дис. в виде научного доклада ... докт. филол. наук. Улан-Удэ, 2000. 46 с.

24. Решетнёва У. Н. Этнопозитика китайских пословиц и поговорок : дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2006. 202 с.

25. Иванова Е. В. Пословичная концептуализация мира (на материале английских и русских пословиц) : автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2003. 44 с.

26. Харузин Н. Н. Русские лопари (Очерки прошлого и современного быта). М.: Высочайше утвержденное Товарищество Скоропечатни А. А. Левенсонъ, 1890. 472 с.

27. Юрков Е. Е. Метафора в аспекте лингвокультурологии : дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2012. 348 с.

28. Иванищева О. Н. Лексикология и лексикография языка коренного малочисленного народа Севера: Кильдинский саамский язык : монография. М.: РУСАЙНС, 2020. 246 с.

Сокращения

кит. — китайский

рус. — русский

саам. — саамский

тув. — тувинский

References

1. Zimin V. I. *Slovar'-tezaurus russkih poslovic, pogovorok i metkih vyrazhenij* [Dictionary-thesaurus of Russian proverbs, sayings and apt expressions]. Moscow, AST-PRESS SHKOLA, 2020, 736 p. (In Russ.)

2. 陈君慧. 谚语大全. 哈尔滨市道里区经纬街26号: 北方文艺出版社, 2004. 639 p. (In Chin.)

3. *Tuvinskie poslovice i pogovorki* [Tuvan proverbs and sayings]. Sost.-per. M. Hadahane, O. Sagan-ool, Vyp. 2, Tuvin. nauch.-issled. in-t yazyka, literatury i istorii, Kyzyl, Tuvin. kn. izd.-vo, 1966, 80 p. (In Russ.)

4. *Saamsko-russkij slovar'* [Saami-Russian dictionary]. N. E. Afanas'eva [i dr.]; pod red. R. D. Kuruch. Moscow: Russkij yazyk, 1985. 568 p. (In Russ.)

5. Grichenko L. V. Study of proverbs in domestic and foreign linguistics: the current state of the issue. *Baltiiskij gumanitarnyj zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2019, vol. 8, no 4 (29), pp. 215—218. (In Russ.)

6. Babitova L. A. *Anglijskie i kabardino-cherkesskie posloviy i pogovorki v pragmalingvokul'turologicheskom aspekte*. Avtoref. cand. diss. [English and Kabardino-Circassian proverbs and sayings in the pragmalingvoculturological aspect. Abstr. cand. diss.]. Mahachkala, 2013, 26 p. (In Russ.)
7. Egorova A. I., Kondakova A. P., Kuzhuget M. A. Gender stereotypes in Tuva proverbs and sayings. *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva], 2020, no 1, pp. 19—34. (In Russ.)
8. Chadamba S. S. *Predlozheniya-paremiy v tekstah russkih hudozhestvennyh perevodov s tuvinskogo yazyka*. Avtoref. cand. diss. [Paremia sentences in the texts of Russian literary translations from the Tuvan language. Abstr. cand. diss.]. Abakan, 2015, 19 p. (In Russ.)
9. Yahin M. A. *Leksiko-semanticheskie i lingvokul'turologicheskie aspekty antropocentricheskikh frazeologizmov (na materiale raznostrukturnykh yazykov)*. Avtoref. cand. diss. [Lexical-semantic and linguoculturological aspects of anthropocentric phraseological units (based on the material of different-structured languages). Abstr. cand. diss.]. Ufa, 2021, 29 p. (In Russ.)
10. Czyuj Ch. *Semasiologicheskaya struktura paremiy s komponentom-zoonimom v russkom i kitajskom yazykah*. Cand. diss. [Semasiological structure of paremiyas with a zoonym component in Russian and Chinese. Cand. diss.]. Chelyabinsk, 2019, 148 p. (In Russ.)
11. Bagana Zh., Mihajlova Yu. S. Faunonymic vocabulary in the language system and its national and cultural specifics (based on the lexical units "horse", "horse", "pig" in Russian, English and German). *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya Gumanitarnye nauki* [Scientific Bulletin of Belgorod State University], 2011, no 24 (119), vol. 12, pp. 84—93. (In Russ.)
12. Il'ina E. N., Saburova L. V., Sidorova T. A. Horse / horse in the linguistic picture of the world of the North Russian peasant. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 2019, no 4, pp. 50—64. (In Russ.)
13. Zhambalova S. G., Erdenebat D. Mongolian horse in wars and culture of the Mongolian people. *Gumanitarnyj vektor* [Humanitarian vector.], 2016, vol.11, no 1, pp. 82—91. (In Russ.)
14. Nava S. S. *Kul'turnye kontakty tuvincev v kontekste kochevoj kul'tury (konec XVIII — pervaya polovina XX v.)*. Avtoref. cand. diss. [Cultural contacts of

Tuvans in the context of nomadic culture (late 18th — first half of the 20th century). Abstr. cand. diss.]. Ulan-Ude, 2010, 23 p. (In Russ.)

15. Dongak S. Ch. *Tradicii skotovodstva u tuvincev (konec XIX — seredina XX v.)*. Avtoref. cand. diss. [Traditions of cattle breeding among Tuvans (late XIX — mid XX centuries). Abstr. cand. diss.]. Vladivostok, 2011, 23 p. (In Russ.)

16. Kol N. V. *Geneticheskij polimorfizm v populyacii severnogo olenya (Rangifer tarandus) Respubliki Tyva (Todzhinskogo rajona)*. Avtoref. cand. diss. [Genetic polymorphism in the population of the reindeer (*Rangifer tarandus*) of the Tyva Republic (Todzha region). Abstr. cand. diss.]. Moscow, 2006, 28 p. (In Russ.)

17. Budegechieva T. B. *Tuvinskaya kul'tura: material'noe i duhovnoe, tradicii i novacii* [Tuvinskaya culture: material and spiritual aspects, traditions and innovations], Kyzyl, Izd-vo TuvGU, 2018, 115 p. (In Russ.)

18. Volkov N. N. *Rossijskie saamy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Russian Sami. Historical and ethnographic essays], Kautokejno, St-Peterburg, Saamskij Institut, 1996, no 1, 106 p. (In Russ.)

19. Mihajlova Yu. N., I Ch. Cultural connotations of zoonyms in Russian and Chinese phraseology. *Izvestiya UrFU. Seriya 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2016, vol. 18, no 4 (157), pp. 168—181. (In Russ.)

20. Bochina T. G. *Kontrast kak lingvokognitivnyj princip russkoj poslovicey*. Avtoref. dokt. diss. [Contrast as a linguo-cognitive principle of a Russian proverb. Abstr. doct. diss.]. Kazan', 2003, 52 p. (In Russ.)

21. Kurbatskij G. N. *Tuvincy v svoem fol'klоре (istoriko-etnograficheskie aspekty tuvinskogo fol'klora)* [Tuvinians in their folklore (historical and ethnographic aspects of Tuvan folklore)], Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2001, 464 p. (In Russ.)

22. Yusha Zh. M. *Fol'klор i obryad tuvincev Kitaya v nachale XXI veka: struktura, semantika, pragmatika*. Avtoref. dokt. diss. [Folklore and ritual of Tuvans of China at the beginning of the XXI century: structure, semantics, pragmatics. Abstr. cand. diss.]. Moscow, 2018, 42 p. (In Russ.)

23. Kuular D. S. *Tuvinskij fol'klор v kontekste central'no-aziatskih ustno-poecheskih tradicij*. Avtoref. dokt. diss. [Tuvinian folklore in the context of Central Asian oral and poetic traditions. Abstr. doct. diss.]. Ulan-Ude, 2000, 46 p. (In Russ.)

24. Reshetnyova U. N. *Etnopoetika kitajskih poslovic i pogovorok*. Cand. diss. [Ethnopoetics of Chinese proverbs and sayings. Cand. diss.]. Omsk, 2006, 202 p. (In Russ.)

25. Ivanova E. V. *Poslovichnaya konceptualizaciya mira (na materiale anglijskih i russkih poslovic)*. Avtoref. dokt. diss. [Proverbial conceptualization of the world (based on English and Russian proverbs). Abstr. doct. diss.]. St-Peterburg, 2003, 44 p. (In Russ.)

26. Haruzin N. N. *Russkie lopari (Ocherki proshlago i sovremennago byta)* [Russian Lapps (Essays on the past and modern life)]. Moscow, Vysochajshe utverzhdennoe Tovarishchestvo Skoropechatni A.A. Levenson, 1890, 472 p. (In Russ.)

27. Yurkov E. E. *Metafora v aspekte lingvokul'turologii*. Dokt. diss. [Metaphor in the aspect of cultural linguistics. Doct. diss.]. St. Petersburg, 2012, 348 p. (In Russ.)

28. Ivanishcheva O. N. *Leksikologiya i leksikografiya yazyka korennogo malochislennogo naroda Severa: Kil'dinskij saamskij yazyk* [Lexicology and lexicography of the language of the indigenous small people of the North: Kildinsky Sami language]. Moscow, RUSCIENCE, 2020, 246 p. (In Russ.)

Ю. П. Шабает¹, Ю. В. Поляков², В. Э. Шаратов¹

¹ Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Российская Федерация;

² Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар, Российская Федерация

Символические пространства современного российского северного города в контексте городской антропологии

В статье анализируются городские пространства городов Европейского Севера России, их меняющиеся образы и то, как эти пространства и образы отражаются в ментальных картах, формируемых в сознании горожан. Анализируется опыт отечественной и зарубежной антропологии города и определяется, в какой мере разработана теория и методология этой субдисциплины и какие исследовательские традиции в ней преобладают. Анализируется, каким образом пространство становится важным элементом культурного ландшафта города и какова связь между городским пространством и идентичностью. Объектом исследования стали города Европейского Севера России. В статье отмечается, что арктическая и субарктическая урбанизация еще не стала предметом широкого изучения, а потому накоплен ограниченный опыт исследований и имеется весьма небольшой материал для сравнений. Основное внимание уделено анализу культурных пространств двух городов Коми — Сыктывкара и Воркуты. Выбор этих городов определяется как различиями в их истории, статусе, так и в характере формирования населения, его социально-профессиональном составе. Показано, что фрагментированное городское пространство не мешает формированию прочной городской идентичности, а укрепляет ее прочные социальные связи внутри городского сообщества. Официальный статус, и особенно статус столичности, не всегда находит отражение в городских образах и особенно в восприятии культурного пространства города самими горожанами.

Ключевые слова: город, население, идентичность, ментальная карта, образ города, городское сообщество, этничность, Европейский Север, антропология города.

Yu. P. Shabaev¹, Yu. V. Poliakov², V. E. Sharapov¹

¹Language, Literature and History Institute of the Research Center of the Russian Academy of Sciences Ural Branch, Syktyvkar, the Russian Federation;

²Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, the Russian Federation

Symbolic Spaces of a Modern Russian Northern City in the Context of Urban Anthropology

The authors of the article analyze the Russian European north cities' urban spaces, the cities' changing images and how these spaces and images are reflected in mental maps, which are formed in citizens' minds, as well as the links between urban space and identity. The article analyzes the experience of domestic and foreign urban anthropology of the city and determines to what extent the theory and methodology of this subdiscipline has been developed and what research traditions prevail in it. It also analyzes how urban space becomes an important element of the city's cultural landscape and what is the relationship between urban space and identity. The object of this study is the cities of the European north of Russia. The article notes that the arctic and subarctic urbanization has not yet become a subject of wide study, and therefore limited research experience has been accumulated and there is also very little material for comparisons. The primary authors' attention in the article is paid to the cultural spaces analysis of the two cities of Komi Republic - Syktyvkar and Vorkuta. The choice of these cities is determined both by differences in their history, status and in the nature of the formation of the population and its socio-professional composition. The article shows that fragmented urban space does not interfere with the formation of a strong urban identity, but strengthens its strong social ties within the urban community. The official status, and especially the status of the capital, is not always reflected in urban images and especially in the perception of the cultural space of the city by the citizens themselves.

Keywords: city, population, identity, mental map, urban image, urban society, ethnicity, European North, urban anthropology.

Введение. Антропология города в России за десять-пятнадцать лет превратилась из относительно новаторского направления научных исследований в активно развивающуюся субдисциплину, занимающую пограничное положение между социологией и этнологией. Однако до сих пор не сложились устоявшиеся антропологические школы, направления исследований, хотя очевидно, что именно социологи и этнологи наиболее широко и системно изучают городские пространства и городские сообщества. Между тем имеющийся опыт отечественных городских исследований все еще недостаточен для того, чтобы его можно было обобщить и представить как сформировавшееся исследовательское направление в наиболее основательных российских учебниках социологии и этнологии. При этом стоит заметить, что в классических западных учебниках социологии городу уделено значительное место. Так, в социологическом учебнике Нейла Смелзера [1] уделяется внимание не только этническому и расовому неравенству, но и есть глава «Поселенческие общности и жизнь в больших городах». Во втором издании учебника социологии Энтони Гидденса не только рассматривается взаимосвязь культуры и общества, оценивается роль расы, этнической принадлежности и иммиграции, но и представлена тема «Города и городские пространства» [2]. Только в одном добротном отечественном учебнике по социальной антропологии есть полноценная глава «Городская антропология», но в ней обобщается опыт западных исследований, а российский материал минимален [3]. Правда, стоит заметить, что на Западе дебаты по поводу теории и методологии антропологического изучения города также продолжаются [4].

Предметная неопределенность названной субдисциплины, которая имеет очевидный конструктивно-прикладной характер и вызывает интерес у широкой аудитории, позволяет весьма вольно трактовать цели и задачи антропологии города, ее функции. В нашем понимании **город и городское культурное пространство**

есть творение человека, и именно человек и городские сообщества в целом (а равно и стратиграфия этих сообществ) должны быть в центре внимания городской антропологии, ибо человек и формирует, и маркирует культурное пространство города.

Поэтому в центре нашего внимания в данном случае находится как пространственная организация северных городов, так и его восприятие населением, то есть образы городов [5], когнитивное картирование этого пространства или их ментальные карты [6, с. 300—301], его отражение в городской идентичности, формирующейся в процессе интеракции [7]. Наряду с методом когнитивного картирования использованы этнографические наблюдения, социологические опросы (и их результаты), проведенные с помощью формализованных интервью. Основными объектами нашего анализа являются культурное пространство и городские сообщества / идентичности двух самых значимых поселений Республики Коми, а именно: ее столицы и самого северного города — Воркуты, а потому очевидно, что мы использовали компаративистский метод и сравнительно-исторический.

Российская этнология и изучение городских сообществ. Несмотря на то что антропология города для отечественного обществознания является достаточно новым направлением научных поисков, традиция научного описания городов в стране глубока. Основоположником городской этнографии в России можно считать академика Иогана Георги, являющегося автором первого полного этнографического описания народов Российской империи, который в 1794 году осуществил этнографическое описание Санкт-Петербурга [8].

На рубеже XIX и XX веков в России сложилась школа исторического градоведения [9], а с начала XX столетия начинают довольно активно изучаться города Сибири. В 1920-е годы на страницах жур-

нала «Краеведение» публиковались статьи, посвященные особенностям городской жизни и городским традициям. По мнению Н. Го-ниной и А. Аксеновой, формирование и развитие советского краеведения опиралось на труды и опыт ученых конца XIX — начала XX века, в результате в Петербурге-Ленинграде сложилась оригинальная школа научного краеведения И. М. Гревса — Н. П. Анциферова — Н. К. Пиксанова, в понимании сторонников которой термины «краеведение» и «социальная история» были уравнены. «Роль данной школы заключается в применении к отечественному историко-краеведческому материалу идей урбанизма и в результате разработке теории изучения города как целостного социально-культурного объекта... Впервые в гуманитарном научном контексте было применено понятие “городская среда”. Центром внимания данного направления был город, в том числе провинциальный, и его социокультурная составляющая... Город анализировался как некая единая триада: “пространство — социум — культура”» [10].

Но в начале 1930-х годов, когда было разгромлено краеведение, запрещены всякие попытки социологического изучения советского общества, а этнология была переквалифицирована в сугубо описательную науку этнографию, о городе можно было прочесть только на страницах журнала «Архитектура СССР», где город оценивался лишь как градостроительная проблема.

В 1960-е годы, в период так называемой хрущевской оттепели, интерес к городу как объекту социологических и этнографических исследований вновь начинает возрождаться. Но этот интерес как тогда, так и во многом сейчас носил очень узкий, локально ориентированный характер. Этнографами в основном изучались отдельные этнические группы горожан и то, каким образом в их быту сохраняются культурные традиции того или иного народа (социологи недалеко ушли от этнографов). Классическим примером подобного рода работ может служить монография О. Р. Будиной и

М. Н. Шмелевой «Город и народные традиции русских» [11], название которой говорит и о ее содержании, а также более поздняя монография Н. А. Томилова, претендующая на обобщающую работу, но в реальности посвященная описанию бытовых традиций городских сибирских татар [12].

В современной отечественной этнологии сохраняется традиция изучения отдельных групп горожан и специфических локусов городского пространства (мест сосредоточения трудовых мигрантов, рынков, где процветает этническое предпринимательство, цыганских предместий). И при этом интерес к северным (а особенно арктическим) городам как объектам антропологического изучения невелик. Подобная практика характерна как для отечественных, так и для западных антропологов, ибо, как замечает профессор Венского университета Петер Швейцер, «несмотря на то, что урбанизация была признана “глобальной тенденцией” на Севере и во всем мире, для антропологии как дисциплины характерна давняя традиция проведения исследований в сельской местности, восходящая к Боасу, Богоразу и Малиновскому. В этом отношении современная антропология Севера может рассматриваться как одна из последних сфер исследований “традиционной культуры”» [13, с. 11].

Северные города и арктическая урбанизация. Конечно, на Севере условия для появления городов возникли довольно поздно, ибо последнее оледенение закончилось здесь всего 12 тыс. лет назад, а потому и формирование собственно арктических культур началось лишь несколько тысяч лет назад и, вероятно, тогда, когда уже стали возникать первые городские поселения в очагах земледельческих цивилизаций. Хотя, если верить «Истории Коми», то человек заселил и освоил европейский северо-восток 100 тыс. лет назад [14], но совершенно непонятно, как человек мог осуществлять хозяйственную деятельность в условиях обледенения или даже на границах ледника. Идею раннего заселения Арктики со

ссылкой на коми археологов охотно подхватили и другие ученые, указывая, правда, несколько более скромные даты начала «освоения». Однако более серьезные исследования показывают, что формирование арктических культур началось несколько тысяч лет назад, относя его к эпохе неолита [15]. Но арктическая урбанизация как культурное явление — это очень позднее явление, ибо массовое появление городов в Арктике и Субарктике относится к XX столетию. Между тем стоит заметить, что отдельные очаги городской культуры на Севере стали возникать еще в средневековье, но это относится только к северу Европы.

Первая церковь в норвежском городе Тромсе (70-й градус северной широты) была построена в 1272 году, что и можно считать датой основания города, получившего ныне неофициальное имя «Париж Севера». В наши дни население Тромсе составляет примерно 74 тыс. человек, то есть это весьма крупный северный город. В Швеции самый старый северный город Умео — столица провинции, основанный в 1622 году (первое упоминание — 1314 г.), здесь сегодня 89 тыс. жителей. Это 64-й градус северной широты (Архангельск расположен на полградуса севернее).

В Финляндии самый северный город — Рованиemi — столица финской Лапландии и второй город после Салехарда, который расположен почти на полярном круге, как и Салехард, поименованный первоначально Обдорском и заселенный до начала XX века преимущественно коми-зырянами. Рованиemi основан в 1453 году, современное население — 60 тыс. человек, есть аэропорт, железная дорога, университет, исследовательский центр «Арктикум». Даже в почти полностью покрытой льдами Гренландии сегодня три города, в Исландии — 30, и на обоих островах большая часть населения — горожане, как и на других арктических и субарктических территориях планеты. В российской Арктике, как показывают данные текущей статистики, более 80 % населения проживает в городах.

В Канаде обширные территории расположены в Арктике и Субарктике, но всего несколько городов, население крупнейшего из них составляет 25 тыс. человек. Разительно отличается от Канады Аляска — крупнейший по территории штат США. Здесь 148 городов, и по этому показателю Аляска схожа с российской Арктикой и Субарктикой, где тоже сегодня десятки городов и городских поселков. Не случайно, что два крупнейших северных города — это Анкоридж на Аляске и Мурманск на Кольском полуострове (примерно по 300 тыс. человек).

Самый первый российский город в Заполярье — Пустозерск — был основан в 1499 году в низовьях Печоры. Кола на Кольском полуострове — в 1565 (хоть есть предположения, что поселение здесь возникло еще в 1210 г.), Архангельск — в 1584, Обдорск, или нынешний Салехард, — в 1595, Мангазея — в 1600 г. Иными словами, города в российской Арктике стали возникать несколько столетий назад. Но по настоящему урбанизированной территорией российская Арктика стала в XX веке при советской власти, и ее активное освоение осуществлялось в основном методом штрафной колонизации, то есть за счет заключенных лагерей ГУЛАГа. Воркута, Норильск, Магадан, Апатиты, Кировск, Мончегорск и десятки других городов и городских поселков в российской Арктике созданы трудом узников ГУЛАГа, то есть людей, насильно высланных на Север. Тем не менее исследователи полагают, что северные города в гораздо большей степени можно считать городами, нежели многие городские поселения в средней полосе России. И это связано не с историей, а со спецификой социальной коммуникации. У жителей северных городов связь с сельской периферией обычно весьма ограничена, а поэтому внутренние социальные связи в самом городе приобретают большее значение и естественным образом цементируют городские социумы.

В развитии северных сообществ много общего, а арктическая урбанизация только подчеркивает эту общность, что приводит, в

свою очередь, к появлению надуманных культурологических концептов, авторы которых, опираясь на взгляды Н. Гумилева, настаивают на реальности таких понятий, как «циркумполярный суперэтнос» и «циркумполярная культура», или даже глобальная «циркумполярная идентичность» [16].

Природно-климатические особенности, безусловно, влияют на культурный облик городских сообществ и особенности конструирования городских идентичностей, но пространственная организация этих сообществ также играет значимую роль в формировании специфического культурного облика северных городов, а потому в первую очередь обратим внимание на категорию пространства, а затем на ее связь с идентичностью.

Пространственная организация северных городов. Любой город имеет собственную организацию городского пространства, хотя она во многом может быть похожей на другие города. При этом каждый город отличается специфическим социально-профессиональным, этнорасовым, половозрастным составом жителей, определяющим особенности городских социумов, а расселение социально-профессиональных и этнорасовых групп в городе нередко определяет его социальную и культурную географию. Стоит заметить при этом, что города в России более чем где-либо похожи друг на друга, ибо советская индустриализация и советская модель урбанизации строились на неких унифицированных моделях, повлиявших как на пространственное развитие городов, так и на их архитектурный облик, состав жителей.

Многие города и городские поселки, особенно на Севере, возникли именно в эпоху СССР, а их общей чертой и общей проблемой является монопромышленный профиль. Города формировались при строящихся шахтах, рудниках, нефтепромыслах, заводах, транспортных узлах и часто в непосредственной близости от производственных площадок. На Европейском Севере примеров подобного

рода поселений множество: Мончегорск и Кировск на Кольском полуострове, Беломорск в Беломорской Карелии, Северодвинск, Коржма в Архангельской области, Инта, Воркута, Усинск — в Республике Коми. Привязка городских кварталов к производственным объектам — это специфическая черта советского индустриального города. При этом даже исторические города, вступив в эпоху индустриализации, стали обрести заводскими поселками, а их пространственная среда дробиться на отдельные анклавы.

К примеру, компактный Усть-Сысольск / Сыктывкар, прижатый к реке Сыsole, являвшейся доминантой его пространственной организации, стал активно расширяться и превращаться в мозаику плохо связанных городских пространств именно в советскую эпоху, когда здесь появился лесозавод и район деревянных бараков при нем, а на другом берегу Сысолы возникли судоремонтные мастерские и затоны для судов, сплавные рейды с поселками при них, которые только много лет спустя благодаря строительству автодорожного моста были формально объединены в единое городское поселение. А возведение в 1960-е годы в 18 км от города огромного лесопромышленного комплекса сопровождалось как соединением города с Северной железной дорогой, так и постройкой промышленного поселка Эжва, где уже на начальном этапе проживали десятки тысяч человек. Эжва имела статус поселка городского типа, который в 1968 году был включен в черту г. Сыктывкара и превратился в Эжвинский район города. Но как территориально, так и ментально он оставался изолированным, ибо сплошной застройки, соединявшей его с городом, не было, а население поселка продолжало считать себя отдельным городским сообществом.

Нечто подобное имело место во многих городах Европейского Севера. К примеру, Архангельск, как губернский центр, естественным образом делился на ухоженную и парадную Немецкую слободу на правом берегу Северной Двины (которая, правда, занимала лишь

небольшую часть исторического центра), где проживали чиновники, купцы, иностранные торговцы, разночинная *интеллигенция*, и морскую слободу — Соломбалу, являвшуюся рабочей окраиной, поскольку здесь селились в основном те, кто был причастен к судостроению (на этом острове располагалось Адмиралтейство, учрежденное Петром Первым), рыбным промыслам и деревообработке. Старые архангелогородцы до сих пор, говоря «город», территориально ограничивают его пространство, ибо имеют в виду центр между Кузнечевским и Северодвинским мостами.

Соломбала расположена на острове (группе островов) и долгое время имела даже статус селения Соломбальского (официально вошло в состав города в 1863 г.), а эпопея строительства моста между островом и основной частью города длилась более ста лет. Географические и социальные границы превратили Соломбалу в «особый мир», как пишут краеведы, а у её населения сформировалась своя четко выраженная локальная идентичность.

Остатки этой локальной идентичности можно встретить до сих пор. Примером чему может служить городской фольклор, в частности широко распространенная у архангелогородцев поговорка типа «дел как у соломбалки» (то есть очень напряженный график ежедневных работ).

Преобразование Архангельска и области в эпоху советской индустриализации во «всесоюзную лесопилку» привело к тому, что здесь на окраинах и на месте бывших деревень были построены лесобиржа, Соломбальский ЦБК, около десятка лесопильных заводов, лесной порт, гидролизный завод, завод «Красная кузница» и сформировался специфический рабочий район Маймакса (официально вошел в состав города в 1924 г.).

Освоение Севера и его лесных богатств осуществлялось силами заключенных ГУЛАГа, и Архангельская область вместе с другими районами Европейского Севера была одним из основных регионов,

куда ссылали сначала раскулаченных из центральных и южных областей страны, а затем и узников сталинских лагерей. Многие из них затем стали селиться на окраинах Архангельска, включая район Маймакса, и сюда же стекались так называемые вербованные — люди, прибывшие на Север по вербовке с целью получения высоких заработков из других регионов страны, а часто по окончании службы в армии (обычно это были парни из сел, которые не хотели возвращаться в колхозы).

Для них город не являлся родиной, не имел того символического значения, какое он приобрел для местного поморского населения, а значит, для коренных жителей города промышленная Маймакса была «не совсем Архангельском», и ее жители были «не совсем» архангелогородцами, а потому маркировались как отдельное городское сообщество, которое до сих пор воспринимается именно так и маркируется как проблемный район.

На юге Архангельской области в одном из самых старых городов — бывшем уездном центре (ныне — райцентре) Вельске (основан в 1137 г.), как и в Архангельске, Сыктывкаре, многих других исторических городах, уже в первые годы советской власти были разрушены храмы, являвшиеся как символическими доминантами городской среды, так и объектами, объединяющими городские пространства. Была разрушена и значительная часть исторической застройки, а индустриализация и последующее развитие города привело к освоению территорий на другом берегу Ваги, где возник район Лесобазы-1 (а затем и Лесобазы-2), где были построены лесоперерабатывающие предприятия и возникли два рабочих поселка с деревянной малоэтажной застройкой улиц и образом жизни рабочей окраины. Даже символика улиц в исторической части и на Лесобазе была разной. В историческом центре главная улица — это по-советски маркированная улица Кирова, на Лесобазе — улица Заводская.

Индустриальная мозаичность городского пространства особенно очевидна для городов, возникших в эпоху СССР, и в частности для новых городов Коми, созданных вдоль Северной железной дороги, официально введенной в эксплуатацию в 1941 году. Город Сосногорск, являющийся важнейшим железнодорожным узлом, делится на железнодорожную часть и поселок (квартал) газовиков — работников газохимического завода, г. Печора — на железнодорожную и речную части, до сих пор не слившиеся в единое городское пространство. Но наиболее показательна, конечно, территориальная организация Воркуты, долгое время являвшейся вторым по численности населения городом республики.

Пространственная среда города окончательно сформировалась в 1950–1970-е годы, хотя поселок Рудник как исторический центр города возник в 1929 году, когда сюда из Соловецкого лагеря (СЛОН) прибыла партия специалистов для проведения геологоразведочных работ. В послевоенный период вместо первых маломощных и плохо оснащенных шахт строились новые с большими объемами добычи и высоким уровнем механизации труда, возле каждой такой шахты возникал шахтерский поселок, который располагался довольно далеко от относительно компактного городского центра, где размещались городские власти, основные культурные и образовательные учреждения. Все поселки были связаны с центром 70-километровой кольцевой дорогой и составляли вместе с городом единое поселение — Воркутинский горсовет (позднее — Воркутинский городской округ). В его состав входили поселки Северный, Цементозаводской, Юр-Шор, Промышленный, Октябрьский, Заполярный, Комсомольский, Новый, Монтажный, Горняцкий, Северный, Советский, Воргашорский и другие. Воркутинский поселок был центром жизни для жителей. И именно из этих поселков выросла современная Воркута, и именно в поселках родилась воркутинская идентичность. Поселок стал основой топографии города в его «золотой век» — 1960—1970-е годы. Но в массовом сознании воркутинцев

рефлексия городского пространства, состоящего из цепочки самостоятельных поселков при шахтах, приобрела характер символической «карты», которая у местных жителей получила название «шахты по кругу», хотя в реальности никакого «круга» не было, а поселок Халмер-Ю вообще располагался в 90 км к северу от города.

Маркирование и современное брендирование северных городов. Специфика северных городов состоит в том, что они естественным образом воспринимаются как центры цивилизации, призванные «окультуривать» обширные малонаселенные пространства, обеспечивать функционирование институтов социального сервиса, коммуникаций и производственных систем, что придавало им значение не только региональных хозяйственных центров, но и символическое значение «городов на холме» — форпостов цивилизации, культурно значимых поселений. Отсюда возникла некая символическая периферийная «столичность», когда отдельные города приобретали статус символической региональной «столицы».

Так Архангельск не только долгое время был крупнейшим городом Европейского Севера, важнейшим торговым портом и «окном в Европу», а также губернским центром, которому была подчинена территория от Норвегии и Финляндии до Полярного Урала. Одновременно он слыл и одним из самых европейских, цивилизованных городов России, что нашло отражение в фольклорной традиции и описаниях. В Архангельском фольклоре есть сюжет о соперничестве Архангельска и Петербурга и о том, как строительство Петербурга привело к падению роли Архангельска и архангельского порта. В советские годы город с 1929 по 1936 год был столицей обширного Северного края и затем стал конкурировать с Мурманском за звание столицы российской Арктики. А «столичная идентичность мурманчан основывается на том, что Мурманск — областной центр, его называют главным городом Кольского полуост-

рова (Мурманской области, столицей Заполярья. Именно “столичность” Мурманска позволяет мурманчанам противопоставлять себя жителям других регионов» [17, с. 74]). Архангельск же на рубеже XIX и XX столетий усилиями исследователей, писателей и художников превратился в символическую столицу «Русского Севера», но при этом сам термин «Русский Север» был введен в публичную сферу не кем иным, как одним из самых известных губернаторов Архангельской губернии Г. П. Энгельгардтом [18, с. 173—190]. Сегодня Русский Север воспринимается как некий фольклорный определитель территории всего Европейского Севера. В постсоветскую эпоху, когда произошла актуализация поморской идентичности, а идея Поморья была активно вовлечена в публичную сферу местными исследователями, Архангельск стали называть «столицей Поморья», хотя границы этой культурной провинции являются неопределенными.

Великий Устюг является сегодня «новогодней столицей» России, ибо здесь расположена «резиденция» Деда Мороза и именно эта идея, а не богатое историческое прошлое и культурное наследие являются основой городского брендинга.

Тотьма позиционирует себя как «столицу» российских мореходов, ибо тотемские купцы снарядили более 20 экспедиций в полярные моря и на Тихий океан, что больше, чем было организовано московскими, вологодскими и великоустюжскими купцами вместе взятыми. Отсюда родом многие видные российские мореходы и землепроходцы, поэтому не случайно, что в городе создан «Музей мореходов», а в популярном у туристов и дальнобойщиков мотеле возле города на трассе Великий Устюг — Тотьма — Чекшино — Вологда, который носит название «Арктика», висят портреты мореходов, карты морских путешествий и гравюры с изображениями судов.

Вельск претендует на роль «столицы» Важского края (архангелогородцы называют жителей юга области «ваганами»), который

должен объединить северные районы Вологодчины (Вельск до 1929 г. находился в составе Вологодской области) и южные районы Архангельской. Была даже попытка сформировать межрегиональное «Важское движение», против которого активно выступили власти АО. В последнее время город стали называть «южной столицей Архангельской области».

В Республике Коми на столичный статус претендуют два города — ее официальная столица Сыктывкар и шахтерская Воркута. Эти города долгие годы являлись культурными центрами, которые соперничали друг с другом. В Сыктывкаре два театра (музыкальный и драматический) и в Воркуте два (драматический и кукольный), причем воркутинский театр вырос из лагерного театра Воркутлага, который возглавлял режиссер Большого театра Мордвинов, а в труппе было множество талантливых и известных актеров, сидевших в воркутинских лагерях. Студия телевидения появилась в Воркуте раньше, чем в столице республики, известные актеры и певцы гастролировали в Воркуте чаще и охотнее, нежели в Сыктывкаре. Население промышленных городов Коми считало Воркуту негласной «столицей рабочего и русского» Севера, а Сыктывкар — столицей аграрного комиязычного центра и юга республики. Границей «Русского Севера» в сознании воркутинцев и жителей других северных городов на символической карте республики была Ухта. Воркутинцы говорили: «коми живут до Ухты, а дальше — русские». В чем-то эти взгляды совпадали и с ментальной картой республики, сформировавшейся в сознании сельского коми населения, особенно из районов, прилегающих к республиканской столице. В их картине мира Сыктывкар был как бы естественным региональным центром, единственным и главным городом в их воображаемом местном культурном пространстве, но при этом городом реальным, хотя и символически значимым. Другие же города республики существовали как бы условно, только как точки на карте. По мнению специ-

алистов в области коми топонимики, «существует некая пространственно-культурная ориентация, связанная с городом, которая свидетельствует о восприятии Сыктывкара как центра некоего символического пространства коми из южных и центральных районов РК. Стереотипная фраза сельских коми “Кытчö мунан? Карö” / рус. “Куда идешь? В город (в Сыктывкар)” есть своеобразный пространственно-культурный код. Отсутствие в этой фразе названия города, в нашем случае Сыктывкара, воспринимается собеседником как упоминание объекта достаточно известного в силу его главенства на данной территории, популярности. В зависимости от расположения говорящего по отношению к реке (Сыsole или Вычегде), т. е. по течению или против течения, используются разные пространственно-ориентированные формулировки: “Кая карö” / рус. “Поднимаюсь в город (Сыктывкар)”; “Лэчка карö” / рус. “Спускаюсь в город (Сыктывкар)”» [19, с. 38; 139]. Но при этом в коми фольклоре не сложилось сколько-нибудь значительного пласта повествований, в которых бы отражался образ Усть-Сысольска как «столицы Зырянского края», как его порой называли заезжие путешественники в XIX столетии [20].

Сыктывкар до 1960-х годов был небольшим городом, застроенным преимущественно деревянными домами, который не был связан с железнодорожной сетью страны, в силу чего в конце 1930-х годов даже была идея перенести столицу Коми в Ухту. Старые сыктывкарцы вспоминали, что на месте главного корпуса Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина у них были огороды, где они сажали картошку, а в районе нынешнего железнодорожного вокзала уже рос лес, где сыктывкарцы собирали грибы.

Отсюда возникла двойственность восприятия города, которая сохранилась до сих пор. С одной стороны, город воспринимался как культурный центр края, столица республики, но с другой — как небольшой уютный провинциальный город, где все друг друга знают.

Наоборот, в Воркуте категория столичности — это часть актуальной городской мифологии. На 60-летию города в 2003 году ее тогдашний мэр И. Шпектор провозгласил: «Воркута — столица мира!». Сегодня эту фразу гости города также часто слышат из уст воркутинцев. Но не Шпектор являлся автором этой фразы, ибо еще в 1980-е годы воркутинские молодежные группировки сделали его своим лозунгом, а родился он, скорее всего, в недрах первой Воркуты, когда большую часть ее населения составляли заключенные лагерей, среди которых были представители разных этнических групп и граждане многих стран мира.

У воркутинцев комплекс столичности многослойный, но эта многослойность основывается как на исторической памяти, так и на специфике городского хозяйства. Можно привести в качестве примера целый ряд местных лозунгов и культурных маркеров: «Воркута — шахтерская столица», «Воркута — столица ГУЛАГа», «Воркута — столица вечной мерзлоты», а еще Воркута долгое время представлялась как негласная столица Севера, что нашло отражение в словах известной всей стране «эзковской» песни, родившейся в позднесталинскую эпоху, которую пела вся страна и ее самые известные артисты. Так на популярной радиопередаче «В нашу гавань заходили корабли» ее исполнял известнейший клоун, киноактер и директор московского Цирка на Цветном бульваре Юрий Никулин: *«По тундре, по железной дороге / Мчится курьерский «Воркута — Ленинград». / Мы бежали с тобою, ожидая тревоги, / ожидая погони и криков солдат».*

Восприятие города зависит не только от того, как формируется городское пространство, но и от социально-профессионального состава его жителей, от характера их взаимодействия. Важно заметить, что не организация городского пространства играет решающую роль в формировании городской идентичности, а социальные коммуникации и характер социального взаимодействия.

Идентичности и ментальные карты. Воркута возникла как город-концлагерь, хотя это определение было дано скорее не городу, а исторической вехе в его развитии, имевшей место в период с 1929 по 1960 год. В 1929 году на Воркуте высадился первый десант специалистов-геологов, присланных из лагеря СЛОН, созданного в 1923 году на Соловецких островах, а в 1960 году в шахтах перестал использоваться труд заключенных и началась эпоха второй Воркуты — «золотого века» города, который еще называли «городом длинного рубля».

Начальный этап развития города и последующие периоды его развития существенно различаются в плане формирования городского сообщества, хотя на каждом из этапов город представлял собой сообщество мигрантов — вынужденных или добровольных. Процессы социальной интеграции внутри группы в социологическом плане определяются характером и интенсивностью контактов внутри группы. Интенсивный характер внутригруппового взаимодействия способствует формированию и укреплению самости социального сообщества, но на начальном периоде истории Воркуты подавляющая часть ее «жителей» в силу своего социального статуса была вынуждена ограничивать свои социальные связи внутрилагерным взаимодействием и отношениями с представителями коллективов тех объектов, на которых трудились заключенные. Очевидно, что замкнутость социальных связей в ограниченном социальном пространстве не способствовала формированию общегородской или даже локальной идентичности, ибо лагерные сообщества были разделены своими внутренними социальными границами и там была своя строгая иерархия [21]. Отсутствие активной интеракции внутри города не создавало того социального взаимодействия, которое, согласно концепции Уайта [7], и формирует идентичность. Поэтому вполне закономерно, что ни архивные, ни

музейные материалы, ни воспоминания воркутинцев не фиксируют ее наличия, то есть город-концлагерь не воспринимался как «свой» теми, кто формально являлся его жителем.

Но отсутствие укоренившейся и отчетливо осознаваемой городской идентичности не означало отсутствия сформировавшейся ментальной карты города. Такая карта в сознании «воркутинцев» эпохи первой Воркуты была, и более того, она вполне адекватно отражала специфику социального состава населения того периода и особенности организации городского пространства. В сознании заключенных и прочих жителей картировались важнейшие элементы социальной топографии города. *А главным элементом топографии первой Воркуты была Зона*, и потому ментальная карта была весьма своеобразной, и ее можно воссоздать по рисункам заключенных (см. рис. 1, 2). Для формирования ментальной карты уместно в первую очередь опереться на идеи визуальной антропологии, ибо «парадигма городской визуальной антропологии <...> диверсифицирует методологию и предметную сферу своих исследований, обращаясь к изучению произведений искусства, объектов материальной культуры, истории организаций, созданию фото- и кинообразов, цифровому моделированию, деконструкции репрезентаций в массовой культуре, анализу городских жизненных стилей в ответ на меняющиеся коммуникационные технологии...» [22, с. 7—8]

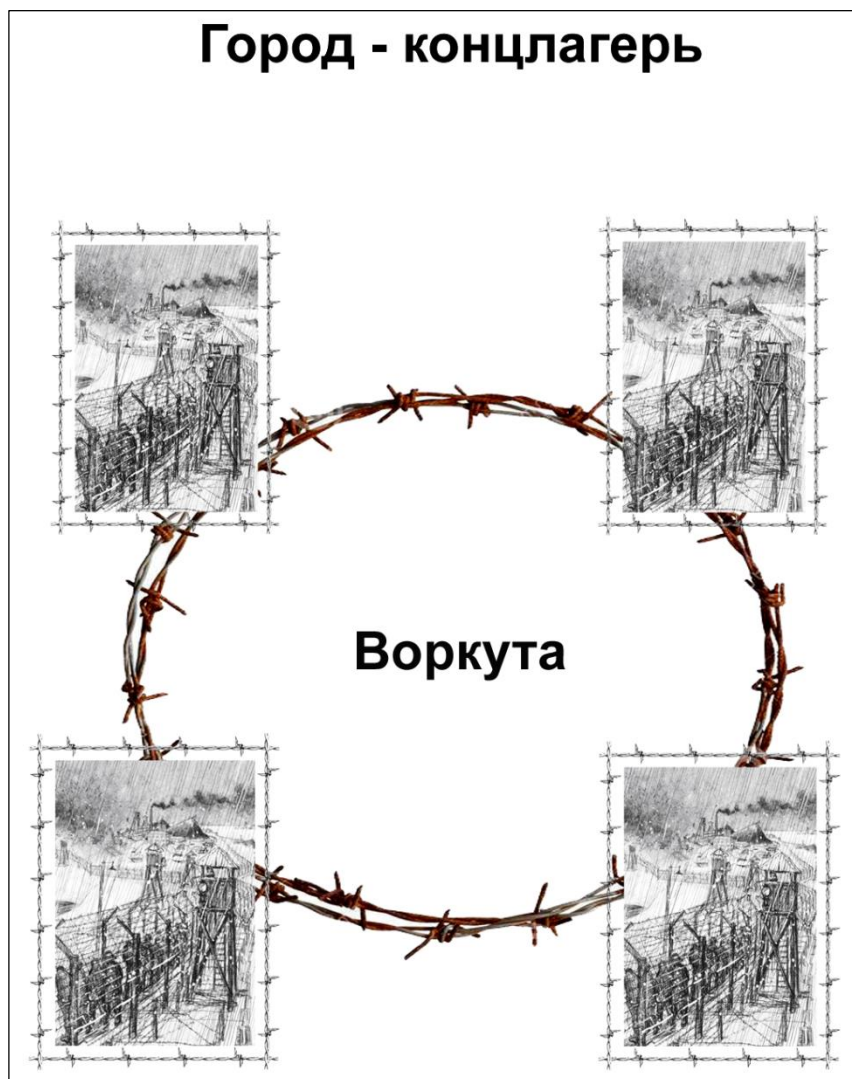

Рис. 1. Ментальная карта первой Воркуты

Рис. 2. Рисунок заключенного Воркутлага, характеризующий восприятие культурного пространства города

Конечно, и образ города, и городское пространство воспринимались каждым человеком по-разному, но в случае с Воркутой

очень четко прослеживаются общие, доминирующие способы маркирования городской среды как в эпоху первой Воркуты, так и в последующую эпоху.

Город вне Зоны и его публичное пространство для заключенных были *terra incognita*, поскольку город был неким мифом, а его ментальная карта — большим белым пятном, по краям которого и размещались конкретные зоны. Большинству заключенных он был недоступен и неведом. Для них реальными городскими объектами была Зона и Шахта (или иной промышленный объект), где они трудились, а потому не случайно на многих рисунках изображены бредущие колонной зеки, которые идут между рядами колючей проволоки к своим баракам «на зоне», а на заднем плане возвышается терриконы шахт и дымятся трубы обогатительных фабрик. А города нет. На основе этого лаконичного визуального образа формировалась ментальная карта Воркуты и сам образ города, который воспринимался (и был в реальности таковым) как одна Большая Зона.

Но если первая Воркута была городом без горожан и городской идентичности, то вторая Воркута от нее резко отличалась.

Воркутинский поселок стал центром жизни для жителей второй Воркуты, хотя как часть городского пространства он появился еще в 1931 году. Именно из шахтерских поселков выросла вторая Воркута, и можно сказать, что в поселках и родилась воркутинская идентичность. Поселок стал основой топографии города в его «золотой век», то есть до конца 1980-х годов.

В ментальной карте второй Воркуты, как сказано выше, поселки воспринимались их жителями как некий круг поселений вокруг городского ядра, а потому в городском просторечии поселковые пригороды назывались «шахты по кругу» (см. рис. 3). Эта карта, сформировавшаяся в представлениях воркутинцев, своеобразным образом цементировала городское сообщество, которое в простран-

ственным плане было весьма фрагментировано, но в символическом осознавалось как единое. При формировании воркутинской идентичности определенно просматривается идея Уайта о путешествиях личности по сетевым сферам. Она формировалась по линии *поселковый житель (член поселкового сообщества) — шахтер (член шахтерского сообщества, понимаемого весьма широко) — воркутинец (член городского сообществ воркутинцев)*.

Рис. 3. Ментальная карта второй Воркуты

Половина населения Воркуты проживала в поселках, но жители поселков не идентифицировали себя как отдельные городские сообщества и именовались воркутинцами, особенно когда они уезжали из города в другие края. Быть жителем никому не известного

шахтерского поселка было не престижно, а именоваться воркутинцем, то есть жителем известного всей стране заполярного города, было гораздо почетнее. Поэтому поселковая идентичность подавлялась общегородской. Часто в обыденных разговорах люди не пользовались официальными названиями поселков (Советский, Промышленный и т. д.), а просто говорили «у нас на поселке», отмечая тем самым вторичность и малозначимость принадлежности воркутинца к конкретному поселку. Важнее была его принадлежность к общему воркутинскому сообществу и не только потому, что это было более престижно. Общеворкутинский характер идентификации жителей городского центра и поселков определялся социальной и символической однородностью сообщества воркутинцев, а также профессиональной солидарностью и принадлежностью всех вокутинцев к общему делу. Одни добывали уголь в забоях, другие обогащали его на обогатительных фабриках, третьи — занимались транспортировкой. Геологи вели разведку новых угольных горизонтов и подготовку пластов к проходке, учителя учили детей шахтеров в школе, строители строили жилье для шахтеров, то есть все так или иначе были связаны реальными и символическими связями в некий социальный монолит — воркутинское городское сообщество, которое к тому же имело четко очерченные географические границы.

Работало на формирование общей идентичности и то, что важнейшие символические события в жизни жителей поселков происходили в городском центре. Здесь в городском парке, возле спорткомплекса «Олимп» и на центральных улицах устраивались праздничные мероприятия в День шахтера и День геолога (главные городские праздники), проходили демонстрации 1 мая и 7 ноября, сюда стекался народ на новогодние торжества. С железнодорожного вокзала и из аэропорта начинались (и заканчивались) дороги в пионерлагеря, на южные курорты и к родственникам, которые

проживали в других регионах страны. Во Дворце шахтеров устраивались концерты столичных артистов и т. д.

Если говорить о городской идентичности, то именно в «золотой век» города окончательно сформировалось прочное тождество воркутян / воркутинцев со своим городом и с его жителями, укрепилась их гражданская солидарность. Все нынешние и бывшие воркутинцы отмечают, что они жили дружно с соседями, что в городе царил атмосфера взаимопомощи, дружелюбия (если оставить за скобками отношение к коми) и взаимопомощи. Укреплению воркутинской идентичности способствовал и развитый городской текст, ибо о городе и воркутинцах было написано множество стихов и песен. Укреплению идентичности в значительной мере способствовала также общность личных судеб и интересов, о чем сказано в неофициальном «Гимне старых воркутян» (есть и официальный гимн, музыку к которому написала А. Пахмутова):

*Одна судьба, одна беда
Связала прочно нас.
Забывать не можем никогда
Той дружбы без прикрас.
Одной мы ложкой ели,
Одни мы песни пели [23, с. 9].*

Прочная городская идентичность и социальная солидарность воркутинцев стали основой для того, чтобы город в конце 1980-х годов превратился в центр рабочего движения сначала в позднем СССР, а затем и в постсоветской России.

Но рынок и рыночные отношения разрушили экономическую основу воркутинского сообщества. Многие шахты стали нерентабельными и закрылись, а вместе с ними были ликвидированы и поселки. Сегодня из 11 шахт осталось только 4, и всего 3 поселка. Население современной Воркуты (вместе с поселками), по официальным данным (которые неточны), составляет уже менее 70 тыс. человек, то есть по сравнению с 1989 годом оно сократилось втрое. В

городе тысячи пустующих квартир, и не случайно у самих нынешних воркутинцев в большинстве своем сложился единый образ — «Умирающий город».

История Сыктывкара гораздо глубже, чем история Воркуты, а статус города был пожалован селу Усть-Сысоло в 1780 году, когда оно превратилось в уездный город Усть-Сысольск, населенный преимущественно коми жителями. В том же 1780 году городу был пожалован герб, который затем был сначала забыт, а в постсоветскую эпоху и вовсе отвергнут и перестал быть его официальным символом, ибо в 1993 году решением городского совета депутатов был официально признан новый герб города, причем был предан забвению (несмотря на предложения сохранить исторический вариант) не только исторический герб, но и традиция размещать изображения на геральдическом щите. Был утвержден совершенно не отвечающий геральдическим традициям герб, который долгое время висел на здании мэрии города. В 2004 году, когда было принято положение о городской геральдике, современный герб не получил одобрения Геральдического совета при Президенте РФ, а его регистрация стала возможной только после доработки эскиза, суть которой сводилась фактически к возвращению исторического герба. Один этот факт свидетельствует, что историческая преемственность со старым Усть-Сысольском является для столицы Коми очень условной и в случае с Сыктывкаром трудно говорить о непрерывности городского текста-дискурса, хотя в последние годы и стали предприниматься попытки усилить роль исторической памяти в формировании культурного пространства города и городского текста.

Этому способствовали многие обстоятельства и в первую очередь характер развития города в советский период его истории и постсоветские реалии.

Социальные и политические перемены нередко порождают борьбу за символическое присвоение пространства города. Так, после победы большевиков старые названия городов заменялись новыми и главным способом именования было присвоение городам фамилий известных деятелей коммунистической партии и идеологов марксизма, то же самое происходило и с названиями улиц и площадей. До сих пор в большинстве городов России есть улицы Ленина, Урицкого. Кирова, Маркса, Энгельса, Розы Люксембург, Коммунистическая и Советская, а также многочисленных местных партийных деятелей, включая первых секретарей обкомов партии. В Сыктывкаре уже в первые годы советской власти были разрушены главные символы города и его архитектурные доминанты — Стефановский и Троицкий соборы, улицы советизированы, то есть им были даны новые «советские» названия, и все они сохранились до сих пор. Старые памятники, в том числе и кладбищенские, уничтожались и вместо них на городских площадях сооружались памятники революционерам. Подобная форма советизации городского пространства имела место во многих старых городах [24]. Но вместе с советизацией началась и этнизация пространства городов, ибо большевики взяли на вооружение доктрину этнического национализма, суть которой сводилась к тому, что этнические и административные границы должны совпадать, а каждая этническая группа должна иметь ту или иную форму собственной государственности, в рамках которой титульная группа обретала статус «коренной» и получала определенные преференции, а все остальное население маркировалось как «некоренное». Старое административное деление страны разрушалось, и для многих этнических сообществ создавались союзные и автономные республики, национальные округа, национальные районы, а их центры (но не все) получали новое «национальное» название. Усть-Сысольск был в числе тех городов, которому в 1930 году было присвоено новое имя Сыктывкар, что отчасти отражало сложившуюся традицию, ибо, как

утверждается, «местное коми население и ранее почти не пользовалось официальным названием “Усть-Сысольск”, предпочитая говорить “Сыктывдинкар”, “Сыктывдинпом”, “Сыктывдин” или просто “Кар” [25, с. 454], то есть в переводе с коми — «город».

Современное сыктывкарское городское сообщество не является символически интегрированным, а наоборот — разделено не только географическими границами, но также границами социальными и культурными, ибо жители Эжвинского района, который первоначально существовал как самостоятельный поселок, себя четко идентифицируют как членов сообщества Эжвы. То же самое можно сказать о жителях отрезанных рекой от города и находящихся на достаточном расстоянии от центра поселков Краснозатонский, Максакова, ибо их жители, как и жители Эжвы, «едут в город», когда садятся на рейсовые автобусы.

Более того, эжвинцы как сообщество, основой которого являлись рабочие Сыктывкарского лесопромышленного комплекса, ментально противопоставляют себя чиновничьему Сыктывкару, который маркируется как иное сообщество, причем менее культурно развитое: «у нас в Эжве — чисто, у вас в городе — грязно, у нас порядок, у вас нет порядка». Городское пространство четко делится на Эжву и Город, что создает ситуацию города в городе. Используя метод когнитивного картографирования, можно сформировать ментальную карту Сыктывкара, представляющую собой условное объединение в общем пространстве города двух самостоятельных городских сообществ (см. рис. 4).

Конечно, карта эта не является реальной, она существует в головах людей как репрезентация географического пространства города, имеющая некое символическое значение. Но, тем не менее, значимость подобного маркирования, наличие четко выраженной локальной идентичности эжвинцев стали основой для проведения в Эжве в 2000 году референдума о преобразовании Эжвинского района в самостоятельный город. На основании итогов референдума

(большинство участников поддержали идею) депутаты совета района приняли обращение к республиканскому парламенту, а тогдашний Глава РК В. Торлопов даже подписал указ о создании города Эжва, который был вскоре опротестован Конституционным судом.

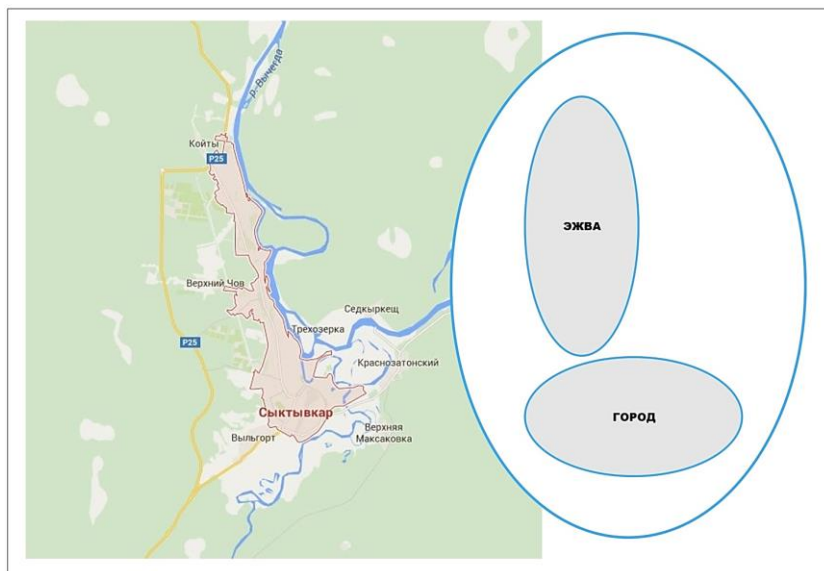

Рис. 4. Метальная карта современного Сыктывкара

Как уже сказано, Сыктывкар — это столица и самый старый город республики с долгой историей. Но, на наш взгляд, ни городской текст, ни городская идентичность здесь до сих пор не являются устойчивыми культурными явлениями. Изданий, рассказывающих о городе и его жителях, очень мало, и они не систематичны, если не принимать за таковое газету «Про Город», где основное внимание уделяется текущим событиям и хозяйственным проблемам, а история города и городское сообщество вторичны. В исторических опи-

саниях города человек и городское сообщество тоже часто отсутствуют вовсе. Городской фольклор не развит, песен и стихов о Сыктывкаре немного.

И это, наверное, не случайно, поскольку представители коми творческой элиты, которая в большинстве своем сосредоточена в столице, практически полностью своими корнями связаны с деревней. Многие сюжеты своих произведений и своих героев современные коми писатели находят на селе. Впрочем, аналогичная ситуация складывается и в других республиках с финно-угорским населением. Стоит заметить, что и в советской литературе в целом так называемая деревенская проза стала с 1960-х годов одним из ведущих литературных течений. А одной из характерных черт этого направления является ярко выраженный антиурбанизм [26].

С 1990-х годов предпринимаются попытки возродить и практику этнизации городской среды путем символического присвоения пространства Сыктывкара отдельными этническими группами, ибо на сыктывкарских городских конференциях коми народа регулярно звучат призывы «придать национальный колорит» столице республики. Как реакция на эти призывы появились не только двуязычные названия улиц и учреждений, не только коми названия объектов общепита и торговли, но и орнаменты на фонарных столбах (представляемые как коми национальный орнамент). Той же самой идее отчасти должен был служить и проект «Городские легенды» (ничего общего не имеющий с городским фольклором). В рамках проекта перед зданием, где находится офис городского отделения межрегиональной организации «Коми войтыр», появился памятник букве «Ӧ» из коми алфавита, а на перекрестке улиц Интернациональной и Бабушкина — памятник коми корове.

Но сегодняшний Сыктывкар многоязычен и многокультурен, как и другие крупные современные города, поэтому у него нет и, вероятно, не может быть какой-то одной этнической доминанты.

Сама городская идентичность жителей столицы Коми неодно-родна и характеризуется своеобразной дуалистичностью: с одной стороны, жители, как показали наши исследования, воспринимают его как некий региональный центр, имеющий важное значение в жизни республики, а с другой — считают его тихим, провинциаль-ным городским поселением, где жизнь не очень динамична (именно так воспринимают город и многие приезжие, которые де-лятся своими впечатлениями о городе в социальных сетях). В созна-нии населения нет ярко выраженного «комплекса столичности». А вот провинциальность свойственна не только самовосприятию сыктывкарцев, но и получила яркое литературное отражение. Речь идет о книге Максима Котина «И ботаники делают бизнес», издан-ной в Петербурге, где вместе с образом провинциального бизнес-мена постоянно присутствует и образ города, провинциальный по своей сути, именуемый автором «Городом с двумя "Ы"». В коммен-тариях местных журналистов по поводу выхода книги провинци-альность города была вольно или невольно также подчеркнута, причем даже в самом названии публикации [27]. Летом 2021 года возникла идея законодательно закрепить за городом столичный статус, ибо власти решили, что только так он обретет реальный сто-личный статус [28]. Между тем с социологической точки зрения очевидно, что для «прививки» городу «столичного духа» нужно не только придать столичный лоск его улицам и витринам магазинов, но и сформировать соответствующее восприятие города — город-скую идентичность, создать и обновлять городской столичный текст, который не имеет ничего общего с формальными актами о статусе городского поселения.

Формирование городских киберпространств. Сегодня, го-воря о городских пространствах и городских сообществах, нельзя обойти вниманием виртуальные пространства и интернет-сообщес-тва.

Интернет-ресурсы, которые связаны с Сыктывкаром и Воркутой, многочисленны, ибо ныне большинство государственных институтов и компаний, действующих в указанных городах, имеют свои сайты. Есть и, казалось бы, «самые городские» сайты: «Мой Сыктывкар» и «Моя Воркута». Но оба эти сайта являются официальными и содержат сухую информацию о происходящих в городах событиях и никак не отражают ни особенности городской идентичности, ни «дух города».

В этом смысле более интересно обратить внимание на молодежные сайты, ибо главная социальная проблема всей республики — массовый отъезд за ее пределы молодежи. А будущее ее городов зависит именно от молодежных настроений.

Большинство российских исследований, проводимых среди различных групп молодёжи и посвященных анализу её активности в сети «Интернет», как правило, включают в выборочную совокупность молодёжь наиболее развитых городов — Москвы, Санкт-Петербурга и других мегаполисов. Поэтому очевидно, что актуальным представляется изучение типов виртуальных коммуникаций, характерных для периферийной молодёжи. Рассмотрим основные сетевые ресурсы и их местную молодежную специфику, включенность местных молодежных сетевых сообществ в более широкие виртуальные социальные сети.

Сегодня для получения какой-либо информации или сведений о чём-либо молодёжь, в отличие от предшествующего ей поколения, в первую очередь обращается к всемирной паутине — Интернету. Однако при работе с сетевыми ресурсами есть риск наткнуться на значительное число фальсификаций и неточностей. Данный риск сопровождает практически весь спектр деятельности молодёжи в современном киберпространстве.

Город Сыктывкар является столицей Республики Коми и вместе с тем — региональным интернет-хабом (от англ. hub — «центр», «объединение») большинства молодежных организаций. Отсюда

следует более высокая концентрация региональных онлайн-сообществ и более развитое региональное направление молодёжной политики, чем в остальных городах республики. Однако и местный компонент развит на достаточном уровне. Согласно проведённому первичному анализу онлайн-сообществ молодёжных организаций г. Сыктывкара в социальной сети «ВКонтакте», молодёжное киберпространство города довольно разнообразно. В первую очередь это объясняется статусом столицы региона — Республики Коми, то есть местом сосредоточения органов государственной власти, региональных штабов общественных, волонтёрских и политических молодёжных организаций. Многочисленные школьные и студенческие объединения представляют собой первичные отделения уже существующих региональных или даже федеральных организаций. Таковыми являются, к примеру, региональные отделения Российского движения школьников, Российского союза молодёжи, Молодой Гвардии ЕДИНОЙ РОССИИ, Молодёжного Парламента при Государственном Совете Республики Коми. Интернет-сообщества в социальной сети «ВКонтакте» данного типа похожи между собой и служат своеобразным мостиком между организацией и остальным молодёжным сообществом. Функции данных сообществ весьма схожи с функциями СМИ и сводятся в основном к публикации новостей и отчётов о проводимых мероприятиях. Тематические новости (например, политические) публикуются исключительно в сообществах схожего с тематикой новости направления. Это даёт молодёжи некую свободу в плане отказа от какой-либо публикуемой новостной тематики в сообществах, что играет на руку и самим организациям, позволяя, таким образом, продемонстрировать разнообразие повестки деятельности каждого из них и привлечь в свои ряды всё больше и больше представителей молодёжи.

Без сомнения, крупнейшими организациями с наибольшей по числу уникальных пользователей аудиторией являются онлайн-сообщества волонтёрских добровольческих центров и объединений

(Молодёжка ОНФ, Ресурсный центр добровольчества и др.), а также молодёжных общественных организаций (Российский союз молодёжи).

В свою очередь, результаты анализа онлайн-сообществ г. Воркуты весьма удручают: анализ показал, что молодёжное киберпространство города неоднозначно и чрезвычайно бедно. При этом положительным моментом является то, что одними из наиболее востребованных являются документы и сведения об истории города. Возможно поэтому она является основной темой для многих воркутинских групп в социальных сетях: от библиотек до газет.

Большую часть электронных ресурсов, представляющих непосредственный интерес для молодёжи Воркуты, составляют электронные базы данных документов, материалов и изданий по истории Воркуты, которые имеют учреждения города, работающие в сфере сохранения культурного достояния, — архив, музей, библиотечная система. Несмотря на глобальную объединяющую миссию, специфика у каждого учреждения своя. Основные направления воркутинского местного краеведения достаточно широки — хроника городских событий; местонахождение, даты создания и реорганизации учреждений и предприятий; сведения о выдающихся уроженцах и жителях края; даты создания, описания и изображения памятников природы, архитектуры, истории и культуры [29].

Основной организацией молодёжного досуга и дополнительного образования города является Дворец творчества детей и молодёжи г. Воркуты. В отличие от организаций, ориентированных на детей школьного возраста (например, РДШ), Дворец творчества занимается досугом не только школьников, но и студентов. Интернет-сообщество организации в социальной сети «ВКонтакте» можно назвать главным среди прочих подобных местных сообществ с точки зрения привлечения и охвата молодёжной аудитории и формирования городской идентичности Воркуты. Стоит отме-

тить тот факт, что, по мнению самих воркутинцев, Дворец творчества является одной из самых популярных (если не самой популярной) в молодёжной среде организацией, ориентированной исключительно на данную группу населения.

Остальные онлайн-сообщества в основном принадлежат организациям, носящим государственный характер, — местное отделение РДШ, Отдел молодёжной политики администрации МО ГО «Воркута», Молодёжный консультативный совет при Совете МО ГО «Воркута», Союз молодёжи г. Воркуты. Как таковой, реальной пользы от данных сообществ не исходит, а аудиторный охват, хотя бы близко сопоставимый с охватом сыктывкарских интернет-сообществ той же сферы, не наблюдается. Кроме того, к сожалению, большинство вышеупомянутых онлайн-сообществ молодёжных организаций г. Воркуты в социальной сети «ВКонтакте» уже давно заброшены и не обновлялись несколько лет. Это тот случай, когда разнообразие организаций не коррелирует с их эффективной работой на благо молодёжи города. По внешнему облику данных сообществ судят о деятельности различных молодёжных организаций, в особенности — государственных. Можно с уверенностью сделать вывод о том, что молодёжь абсолютно не вовлечена в управление городским сообществом, её интересы учитываются лишь при исполнении регионального или федерального законодательства. Однако, с другой стороны, можно прийти и к выводу о том, что молодёжь Воркуты, в первую очередь, сама не заинтересована в участии в жизни города и развитии молодёжных организаций на его территории.

Проведённый анализ молодёжных онлайн-сообществ Сыктывкара и Воркуты показал, что большинство данных сообществ являются информационными ресурсами молодёжных (и не только) организаций. Это в основном государственные организации (например, Российское движение школьников), волонтёрские доброволь-

ческие объединения, досуговые центры. Широкое развитие получила сфера некоммерческих объединений школьников и студентов, общественных организаций, местных студенческих сообществ, за редким исключением — сообществ реально существующих молодёжных политических организаций. Данный факт показывает, на удивление, крайне низкую заинтересованность молодёжи в политической жизни своего города. Объяснить это возможно тем, что в провинциальных городах молодёжь стремится в первую очередь разнообразить собственный досуг, не интересуясь при этом участием в управлении городским сообществом, предпочитая отдавать его в руки профессионалов. Лишь небольшая часть школьников и студентов вовлечена в молодёжные политические организации. Также в ходе проведённого анализа замечена существенная разница в аудиторном охвате молодёжных сообществ г. Воркуты и г. Сыктывкара в пользу последнего. Данный факт объясняется статусом Сыктывкара как региональной столицы и, как следствие, регионального центра большинства исследуемых организаций. Немаловажную роль играет также и численность населения, и непосредственная доля молодёжи в нём: данный показатель в г. Сыктывкаре по всем параметрам превосходит показатель в г. Воркуте. *И таким образом можно сделать весьма неожиданный вывод: если оценивать социальные и символические пространства, то сегодня Сыктывкар является реальной столицей республики в первую очередь в интернет-пространстве.*

Заключение. Таким образом, мы можем сказать, что сегодня города Европейского Севера России находятся в активном поиске своей самости или самобытности. В силу многих исторических причин географические и социальные пространства этих городов мозаичны и символически разделены и в этом смысле их, согласно бытующим в социологии города терминам, можно называть фрагментированными, разделёнными или двойными [30, с. 4]. Но при этом

пространственная организация городов вовсе не является препятствием для формирования прочных городских идентичностей и образов, о чем свидетельствует пример Воркуты в ее «золотой век». Но городские образы, ментальные карты городов и городские идентичности изменчивы, и эта изменчивость определяется характером социальных изменений, происходящих в обществе. Сегодня целенаправленному формированию прочных городских идентичностей и запоминающихся городских образов мешает отсутствие понимания того, что городская среда формируется прежде всего горожанами. Образы городов и городские идентичности пытаются формировать сверху путем различных проектов, плохо связанных с культурной средой (сыктывкарские «Городские легенды»), в то время как такого рода культурные явления могут быть успешными, если они рождаются снизу, то есть в среде простых горожан, и являются плодом их совместного творчества. При этом они становятся таким явлением, только когда принимаются сообществом, а следовательно, становятся включенными в городской текст.

Библиографический список

1. Смелзер Н. Социология : пер. с англ. М.: Феникс, 1994. 688 с.
2. Гиденс Энтони. Социология : пер. с англ. / при участии К. Бердсолл. 2-е изд., полностью перераб. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2005. 632 с.
3. Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Социальная антропология. Ростов н/Д.: Феникс, 2004. 416 с. (Серия «Высшее образование»).
4. Parado Italo, Prato Giuliana B. Anthropology in the City: Methodology and theory // Urbanities, Vol. 3, no 2, November 2013. С. 80—110.
5. Lynch, Kevin. The Image of the City. Cambridge MA: MIT Press, 1990. 187 с.
6. Jacobson D. Mental maps // Encyclopedia of Human Geography / Ed.by Warf B. London: SAGE. С. 300—301.
7. White, Harrison C. Identity and Control. How Social Formations Emerge. Princeton: Princeton University Press, 2008. 456 с.

8. Георги И. Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного, с планом. [Б. м.]: Adamant Media Corporation, 2001. 567 с. — Осн. на изд.: Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного, с планом : в 3 ч. Ч. 1—3. СПб.: При Имп. Шляхетном сухопутном кадетском корпусе, 1794. Ч. 1: 1 грав. тит. л., [8], XI, [15], 272. 2 с.; Ч. 2: [2], 273—576 с.; Ч. 3: [2], 577—757 с., [1] л. план.

9. Холина М. В. Исследования истории малого советского города в отечественной и региональной историографии // Современные проблемы науки и образования. 2009. № 3—3. С. 167—175.

10. Гонина Н. В., Аксенова А. В. Генезис социокультурного подхода в отечественной урбанистике и иркутская научная школа // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. Иркутск: БГУ, 2017. С. 476—485.

11. Будина О. Р., Шмелева М. Н. Город и народные традиции русских. По материалам Центрального района РСФСР. М.: Наука, 1989. 254 с.

12. Томилов Н. А. Народная культура городского населения Сибири: очерки историографии и теории историко-этнографических исследований. Омск: Издательский дом «Наука», 2010. 164 с.

13. Швайцер П. Коренные народы и урбанизация на Аляске и на Канадском Севере // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 10—22.

14. История Коми с древнейших времен до конца XX века / под общ. ред. А. Ф. Сметанина. Сыктывкар: Коми книжн. изд-во, 2004. Т. 1. 560 с.

15. Крупник И. И. Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии / отв. ред С. А. Арутюнов. М.: Наука, 1989. 270 с.

16. Ложникова И. Ф. Феномен российского северного города: социокультурные и экологические перспективы развития : автореф. дис. ... канд. культ. наук М., 2008. 22 с.

17. Змеева О. «Старый» — «новый» Мурманск: город и его жители // Антропология города. Вып. 2: Северный город: Культурное пространство и культурные идентичности в арктических и субарктических городах / под ред. Ю. П. Шабаета, И. Л. Жеребцова, М. А. Омарова. М.: РГГУ; Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2020. С. 51—69.

18. Шабает Ю. П., Жеребцов И. Л., Журавлев П. С. «Русский Север» как культурный проект // Вестник поморского университета, 2011. № 9. С. 173—190.

19. Шабает Ю. П., Рябинкин Г. С. «Парижские тайны» столицы Коми: множественность образов и идентичностей в культурном пространстве города // Этнографическое обозрение. 2014. № 3. С. 128—147.

20. Рогачев М. Б. Столица зырянского края: очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII — начала XX века / [худож. В. Б. Осипов]. Сыктывкар: [б. и.], 2010 (Коми республиканская типография). 246 с.

21. Самойлов Л. Этнография лагеря // Советская этнография. 1990. № 1. С. 96—108.

22. Шабает Ю., Жеребцов И., Лабунова О. Антропология заполярного города: идентичность, ментальная карта и меняющиеся образы Воркуты // Антропология города. Вып. 2: Северный город: Культурное пространство и культурные идентичности в арктических и субарктических городах / под ред. Ю. П. Шабаета, И. Л. Жеребцова, М. А. Омарова. М.: РГГУ; Сыктывкар: Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2020. С. 12—50.

23. Зимица А. Гимн старых воркутян // Высокие широты. Воркута, 2007. С. 9.

24. Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Российский провинциальный город 1920-х годов: визуализация «советскости» // Визуальная антропология: городские карты памяти / под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. М.: Вариант, ЦСПГИ, 2009. С. 121—142.

25. Жеребцов И. Л. Населенные пункты Республики Коми : историко-этнографический справочник. М.: Наука, 2001. 454 с.

26. Партэ К. Русская деревенская проза: светлое прошлое. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. 204 с.

27. В бананово-лимонном Сыктывкаре // Трибуна. 2011. 27 мая.

28. Сычева Е. Сыктывкар обретет статус столицы Коми // Газета ПРОГОРОД. 2021. №29 (669). 24 июля.

29. Зайцева О. В. Интернет-история Воркуты: Из опыта работы МБУК «Централизованная библиотечная система» г. Воркуты. Воркута: МБУК «ЦБС», 2018. 36 с.

30. Gottdiener M., Budd I. Key concept in urban studies. L.: New Delhi, 2005. 188 p.

References

1. Smelzer N. *Sociologiya: per. s angl.* [Sociology: transl. from eng.] Moscow: Feniks, 1994. 688 p. (In Russ).
2. Gidens Entoni *Sociologiya* [Sociology] / *Pri uchastii K. Berdsoll: Per. s angl. Izd. 2-e, polnost'yu pererab. i dop.* Moscow: Editorial URSS, 2005. 632 p. [In Russ].
3. Yarskaya-Smirnova E. R., Romanov P. V. *Social'naya antropologiya. Seriya «Vysshee obrazovanie»* [Social anthropology. "Higher education" series]. Rostov-na-Donu: Feniks, 2004. 416 p. (In Russ).
4. Parado Italo, Prato Giuliana B. Anthropology in the City: Methodology and Theory. *Urbanities*, vol. 3, no 2, November 2013, pp. 80—110.
5. Lynch, Kevin. *The Image of The City*. Cambridge MA: MIT Press, 1990. 187 p.
6. Jacobson D. Mental maps. *Encyclopedia of Human Geography* / Ed.by Warf B. London: SAGE, pp. 300—301.
7. White, Harrison C. *Identity and Control. How Social Formations Emerge*. Princeton: Princeton University Press, 2008. 456 p.
8. Georgi, I. G. *Opisanie Rossijsko-imperatorskogo stolichnogo goroda Sankt-Peterburga i dostopamyatnostej v okrestnostyah onogo, s planom* [Description of the Russian-imperial capital city of St. Petersburg and monuments in its vicinity, with a plan] / I.G. Georgi. — [B. m.]: Adamant Media Corporation, 2001. 567 p. (In Russ) — Osn. na izd.: *Opisanie Rossijsko-imperatorskogo stolichnogo goroda Sankt-Peterburga i dostopamyatnostej v okrestnostyah onogo, s planom* [Description of the Russian-imperial capital city of St. Petersburg and monuments in its vicinity, with a plan] / I. G. Georgi. Saint-Petersburg, 1794 (In Russ).
9. Holina M. V. Studies of a small Soviet town history in Domestic and regional historiography. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education], 2009, no. 3-3, pp. 167—175 (In Russ.)
10. Gonina N. V., Aksenova A. V. The genesis of the sociocultural approach in domestic urban studies and the Irkutsk scientific school. *Irkutskij istoriko-ekonomicheskij ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]: 2017. Irkutsk: BGU, 2017, pp. 476—485.
11. Budina O. R., Shmeleva M. N. *Gorod i narodnye tradicii russkikh* [City and folk traditions of Russians]. Moscow: Nauka, 1989. 254 p. (In Russ.)

12. Tomilov N. A. *Narodnaya kul'tura gorodskogo naseleniya Sibiri: ocherki istoriografii i teorii istoriko-etnograficheskikh issledovanij* [Folk Siberian urban population culture: essays on historiography and the theory of historical and ethnographic research]. Omsk, 2010. 164 p. (In Russ.)

13. Shvajcer P. Indigenous Peoples and Urbanization in Alaska and the Canadian North. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2016, no. 1, pp. 10—22. (In Russ.)

14. *Istoriya Komi s drevnejshih vremen do konca XX veka* [History of Komi since ancient times until the end of XXth century]. *Pod obshchej redakciej A. F. Smetanina*. Vol. 1. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 2004. 560 p. (In Russ.)

15. Krupnik I. I. *Arkticheskaya etnoekologiya: Modeli tradicionnogo prirodopol'zovaniya morskikh ohotnikov i olenevodov Severnoj Evrazii* [Arctic Ethnecology: Models of Traditional Nature Use of Marine Hunters and Reindeer Herders of Northern Eurasia] / *Otv. red S. A. Arutyunov*. Moscow: Nauka, 1989. 270 p. (In Russ.)

16. Lozhnikova I. F. *Fenomen rossijskogo severnogo goroda: sociokul'turnye i ekologicheskie perspektivy razvitiya. Avtoref. cand. diss.* [The phenomenon of the Russian northern city: socio-cultural and environmental development prospects. Abstr. kand. diss.]: Moscow, 2008. 22 p. (In Russ.)

17. Zmeeva O. "Old" — "New" Murmansk: the city and its inhabitants. *Antropologiya goroda. Vypusk 2: Severnyj gorod: Kul'turnoe prostranstvo i kul'turnye identichnosti v arkticheskikh i subarkticheskikh gorodakh* [Urban anthropology. Issue 2: Northern City: Cultural Space and Cultural Identities in Arctic and Sub-Arctic Cities] / *Pod red. Yu. P. Shabaeva, I. L. Zherebcova, M. A. Omarova*. Moscow: RGGU; Syktyvkar: In-t yazyka, literatury i istorii Komi NC UrO RAN, 2020, pp. 51—69 (In Russ.)

18. Shabaev Yu. P., Zherebcov I. L., Zhuravlev P. S. "Russian North" as the cultural project. *Vestnik pomorskogo universiteta* [Pomor University Bulletin], 2011, no. 9, pp. 173—190. (In Russ.)

19. Shabaev Yu. P., Ryabinkin G. S. "Parisian Mysteries" of the Komi Capital: Multiple Images and Identities in the Cultural Space of the City. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2014, no. 3, pp. 128—147. (In Russ.)

20. Rogachev M. B. *Stolica zyryanskogo kraja: ocherki istorii Ust'-Syl'ska konca XVIII — nachala XX vekov* [The capital of the Zyryan region: essays on the history of Ust-Sysolsk at the end of the 18th — beginning of the 20th centuries]

/ М. В. Rogachev; [art. V. B. Osipov]. Syktyvkar: [w.p.], 2010 (Komi respublikanskaya tipografiya). 246 p. (In Russ.)

21. Samojlov L. Camp ethnography. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1990, no. 1, pp. 96—108 (In Russ.)

22. Shabaev Yu., Zherebcov I., Labunova O. Anthropology of the Polar City: Identity, Mental Map and Changing Images of Vorkuta. *Antropologiya goroda. Vypusk 2: Severnyj gorod: Kul'turnoe prostranstvo i kul'turnye identichnosti v arkticheskikh i subarkticheskikh gorodakh* [Anthropology of the city. Issue 2: Northern City: Cultural Space and Cultural Identities in Arctic and Sub-Arctic Cities] / Pod red. Yu. P. Shabaeva, I. L. Zherebcova, M. A. Omarova. Moscow: RGGU; Syktyvkar: In-t yazyka, literatury i istorii Komi SC UrB RAS, 2020, pp. 12—50 (In Russ.)

23. Zimina A. Old vorkutians' anthem. *Vysokie shirotы* [High latitudes]. Vorkuta, 2007, p. 9. (In Russ.)

24. Malysheva S. Yu., Sal'nikova A. A. Russian provincial town of the 1920s: visualization of "Sovietness". *Vizual'naya antropologiya: gorodskie karty pamyati* [Visual Anthropology: Urban Memory Cards] / Pod red. Pavla Romanova, Eleny Yarskoj-Smirnovoj. Moscow: Variant, CSPGI, 2009, pp. 121—142. (In Russ.)

25. Zherebcov I. L. *Naselennye punkty Respubliki Komi. Istoriko-etnograficheskij spravochnik* [Settlements of the Komi Republic. Historical and ethnographic reference book]. Moscow: Nauka, 2001. 454 p. (In Russ.)

26. Parte K. *Russkaya derevenskaya proza: svetloe proshloe* [Russian village prose: a bright past] Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2004. 204 p. (In Russ.)

27. In banana-lemon Syktyvkar. *Tribuna* [Tribune], May 27, 2011 (In Russ.)

28. Sycheva Evgeniya. Syktyvkar will acquire the status of the capital of Komi Republic. *Progorod* ["PROGOROD" newspaper], no 29(669), June 24, 2021. (In Russ.)

29. Zajceva O. V. *Internet istoriya Vorkuty* [Internet history of Vorkuta]: Iz opyta raboty MБУK «Centralizovannaya bibliotechnaya sistema» g. Vorkuty [From the experience of Municipal budgetary institution of culture "Centralized Library System" in Vorkuta]. Vorkuta: MБУK «CBS», 2018. 36 p. (In Russ.)

30. Gottdiener M., Budd I. *Key concept in urban studies*. L.: New Delhi, 2005. 188 p.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.34130/2233-1277-2021-3-167

Е. Е. Бразговская

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет;
Русская христианская гуманитарная академия, Санкт-Петербург,
Российская Федерация

Культура как неограниченный семиозис

**(рецензия на коллективную монографию: Семиозис
и культура: современные культурные практики [Электронный
ресурс]: текстовое научное электронное издание на компакт-
диске / под ред. Л. В. Гурленовой, Г. Л. Тульчинского;
Федер. гос. бюдж. образоват. учреждение высш. образования
«Сыктыв. гос. ун-т им. Питирима Сорокина»)**

Ключевые слова: семиотика культуры, полиглолизм культуры, формальные методы в гуманитарных исследованиях, искусства как моделирующие системы, вероятностные процессы в интерпретации, интегративные процессы культуры.

E. E. Brazgovskaia

Perm State Humanitarian Pedagogical University;
Russian Christian Humanitarian Academy, St. Petersburg, the Russian Federation

Culture as Unlimited Semiosis

(review of the joint monograph: Semiosis and Culture: Modern Cultural Practices [Digital Resource]: text research digital publication accommodated on a CD-ROM / ed. by L. V. Gurlenova, G. L. Tulchinsky; Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Pitirim Sorokin Syktyvkar State University")

***Keywords:** semiotics of culture, polyglottism of culture, formal methods in Humanities research, arts as modelling systems, opportunistic processes in interpretation, integrative processes of culture*

Уточню жанр данной работы. Скорее, это послесловие к монографии, нежели академическая рецензия. Любая рецензия предполагает, прежде всего, критический (аналитико-структурный) подход к объекту анализа, тогда как мне хочется продлить и сохранить ощущение свободы и широты мысли, которым всегда отмечены семиотико-культурологические дискуссии в Сыктывкарском университете¹. Эти ежегодные встречи, как неоднократно отмечал один из участников конференций — Александр Люсый, заполняют лакуну в отечественной истории идей – пустоту, индексировавшую завершение тартуской семиотической школы. Возможно, — я продолжаю воспроизводить устную реплику А. Люсого, — Сыктывкарский университет когда-то станет новым семиотическим центром России.

¹ Монография «Семиозис и культура: современные культурные практики» продолжает серию публикаций по итогам международных научных конференций, посвящённым проблемам семиотике культуры. Настоящее издание подготовлено по материалам XV международной конференции (Сыктывкар, 28—29 мая 2021 года).

Участники конференций по семиотике культуры единодушно отмечают знаковую особенность этих международных дискуссий: интеллектуальное напряжение, созданное их начинателями: Ириной Евгеньевной Фадеевой и Владимиром Александровичем Сулимовым. Даже после ухода из жизни они вдохновляли и незримо поддерживали XV конференцию.

Коллективная монография «Семиозис и культура: современные культурные практики» создавалась в рамках междисциплинарного исследовательского пространства, где трудно, а по существу, и невозможно прочертить границы между Cultural studies, семиотикой визуальности, теориями образа и репрезентации, собственно семиотикой и культурной антропологией. Непосредственным предметом анализа для авторов этой работы стали тексты культуры, созданные посредством разносемиотических систем: праздники советского и постсоветского периодов (Г. Л. Тульчинский), геокультурные локусы России (Г. М. Казакова), эволюция системы китайских иероглифов (Лю Леи), книжные издания на языках коренных народов Севера (И. Н. Соколова, В. С. Соколова), лубочные картинки, формирующие образ Бабы-яги (Т. Ю. Воробьёва), ритуал рукопожатия (М. В. Капкан, Л. С. Лихачева) и др. Общая сквозная тема книги – проблема обнаружения границ и инструментов интерпретации разносемиотических текстов как культурных практик. Явно или имплицитно эта проблема всеми авторами монографии связывается с динамикой и «неокончателностью» смысловой структуры каждого текста¹, причиной чего является ведущий механизм культуры — семиозис как неостановимый и бесконечный процесс многомерного семиотического отображения, или репрезентации, уже существующих текстовых пресуппозиций.

Особенности интерпретации такого академического жанра, как коллективная монография, связаны с тем, что исходный семиозис

¹ В частности, поэтому текст культуры есть её *практика*.

позиций и взглядов различных авторов всё же требует в ходе издания структурирования — *я-здесь-сейчас* упорядоченности, создаваемой редактором текста. Естественно, это обстоятельство во многом предопределяет читательское восприятие. Структура данной монографии актуализирует принцип дополнительности, когда в бинарной оппозиции оказываются представленными, казалось бы, противоположные, однако дополняющие друг друга научные подходы к анализу материала. Так, точка зрения «глобалиста» (Глава 1. Наука о культуре: вопросы теории) позволяет рассматривать культуру как единый «текст текстов», систематизировать процессы, ведущие к интеграции национальных культур, разносемиотических практик и, отсюда, к необходимости создания междисциплинарного пространства, в котором будет создаваться многомерная картина культуры-семиосферы (статья А.-К. И. Забулионите «Универсум культур и проблема единства науки о культуре»). При этом взгляд «глобалиста» дополняется и уточняется работами, посвящёнными *локальным* культурным практикам — уже упоминавшимся изданиям на языках коренных народов Севера, формам этикета, мифологии советской эпохи и др. (Глава 3. Современный культурный процесс). Вторая глава монографии (Эволюционные процессы в пространстве культуры) структурирует процессы становления семиосферы в историческом аспекте, показывая изменение смысловой структуры знаков от истоков к современности (статья Е. Н. Шапинской об образах прошлого в постсовременных культурных практиках, работа Н. Ю. Мочаловой о трансформации принципов художественного творчества — от статичного произведения к эксперименту и др.).

Интеллектуальной пресуппозицией всех представленных в монографии работ стала теория семиотики как наиболее адекватная для культуролога, философа, теоретика литературы, антрополога форма критики, позволяющая определить механизмы смыслопорождения применительно к конкретному локусу пространства

культуры / конкретному интерпретатору и, в этом смысле, способная освободить сознание от готовых алгоритмов и штампов интерпретации [1, р. 133], сделав акцент на прагматическом и эпистемологическом измерениях текстов культуры. И хотя собственно семиотический метод наиболее актуализирован в статье «Рукопожатия отменяются»: трансформация семиотической системы этикета в эпоху пандемии (М. В. Капкан, Л. С. Лихачева), вся коллективная монография читается *sub specie Semiotics*.

Взгляд «сверху» на мозаику представленных в монографии семиотико-культурологических «пейзажей» требует вывода, который не мог быть озвучен в рамках коллективного авторства, но возникает в ходе читательской интерпретации. В качестве такого заключения я приведу точку зрения И. Е. Фадеевой и В. А. Сулимова на необходимость уточнения самого понятия *семиозис*. Если Ч. С. Пирс определял его как неостановимый процесс интерпретации, основанный на различных формах репрезентации референта, то современная культурная антропология (и, добавлю, когнитивная семиотика) рассматривает семиозис как «подвижную связь трех базовых составляющих мира – сознания, текста и реальности» [2, С. 17]. Именно в этой формуле заложены причины, проясняющие сущность многократно воспроизводимого в работах У. Эко положения о том, что культура есть глобальный и пребывающий в неизменном движении «текст», открытый для бесконечного числа интерпретаций — текст *work-in-progress*. Именно такое понимание семиозиса культуры определило магистральное направление всей коллективной монографии.

Список литературы

1. Eco U. *Apocalypse Postponed*. Bloomington: Indiana University Press, 1999. 240 p.
2. Фадеева И. Е., Сулимов В. А. Семиозис: субъективная антропология символической реальности. СПб.: Астерион, 2013. 252 с.

References

1. Eco U. *Apocalypse Postponed*. Bloomington: Indiana University Press, 1999. 240 p.

1. Fadeeva I. E., Sulimov V. A. *Semiozis: sub"yektivnaya antropologiya simvolicheskoy real'nosti* [Semiosis: Subjective Anthropology of Symbolic Reality]. St. Petersburg, Publishing house «Asterion», 2013. 252 p.

Т. Н. Федуленкова, А. Д. Бакина

Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
г. Владимир

Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева,
г. Орел, Российская Федерация

Культурный потенциал аллюзии

**(рецензия на монографию А. М. Гарифуллиной:
Культурологическая маркированность аллюзий
в рамках художественного дискурса Д. Фаулза.
М.: ИНФРА-М, 2019, 120 с.)**

T. N. Fedulenkova, A. D. Bakina

Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, Vladimir
Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, the Russian Federation

Cultural Potential of Allusion

**(review of the monograph by A. M. Garifullina: Culturological
Marking of Allusions within the Artistic Discourse of D. Fowles,
Moscow: INFRA-M, 2019, 120 p.)**

В последнее время появляется много интересных работ, посвященных связям языка и культуры, культурному коду конкретного языка, экспликации лингвокультурологического аспекта языка сквозь призму фразеологии, праремии и различных стилистических приемов. Одной из таких работ является недавняя монография А. М. Гарифуллиной «Культурологическая маркированность аллюзий в рамках художественного дискурса Д. Фаулза».

Нам представляется любопытным, что выбор автором аллюзии как объекта лингвокультурологического исследования обусловлен особой природой данного стилистического приема [1]. Аллюзия представляет собой особый интерес для А. М. Гарифуллиной как лингвокультуролога в силу своего своеобразия. Дело в том, что автор подмечает двунаправленность культурологической маркированности аллюзии. Во-первых, аллюзия отсылает к тому или иному событию или объекту — историческому, литературному и т. д., имеющему значимость для данного лингвокультурного сообщества. И, во-вторых, аллюзия проецирует упоминание того или иного факта и делает культурную информацию неотъемлемой частью порождаемого текста. Именно эта специфика аллюзии привлекает внимание лингвокультуролога. Это не случайно, так как культурный потенциал аллюзии эффективнее всего эксплицируется в рамках лингвокультурологического исследования в силу упомянутой выше особой природы аллюзии.

Монография А. М. Гарифуллиной представляет собою попытку описать фрагмент культурного пространства английского лингвокультурного сообщества, представленного в дискурсе Д. Фаулза, с последующей дешифровкой содержащихся в нем аллюзий.

Работа интересна тем, что автор выявляет разные типы аллюзий с точки зрения их релевантности по отношению к информации текста: это прежде всего доминантные и локальные аллюзии. В свою очередь аллюзии локального действия подразделяются — на основе их структурно-композиционного положения — на исходные, резюмирующие, контактоустанавливающие и дистантно повторяющиеся. В ходе исследования автор выявляет ряд специфических черт аллюзий, к которым прибегает Д. Фаулз в художественном дискурсе. При этом обнаруживается, что, хотя все виды представленной классификации находят свое выражение в дискурсе Д. Фаулза — исходные, резюмирующие, контактоустанавливающие

и дистантно повторяющиеся, обращает на себя внимание частое употребление аллюзий локального действия.

Новаторство настоящего исследования видится и в том, что оно позволило выделить еще один тип аллюзий, свойственных для дискурса Д. Фаулза. В данном случае речь идет о «сквозных аллюзиях», которые имеют характеристики дискурсивного плана. «Сквозные аллюзии» играют особую роль при экспликации культурного пространства английского лингвокультурного сообщества в связи с их свойством возобновляться в художественном дискурсе Д. Фаулза.

Преследуя цель проведения анализа дискурса Д. Фаулза, автор берет за основу концепцию культурологической маркированности, разработанную С. В. Ивановой [2], а также обращается к понятиям сфер культуры, лингвокультурного кода, являющегося вербализованным транслятором различных культурных кодов, к классификации кодов культуры, разработанной такими ведущими специалистами Института языкознания РАН, как М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков [3] и В. В. Красных [4].

Несомненна целесообразность выбора данного подхода, которая обуславливается тем, что культура является значимой составляющей дискурса Д. Фаулза. Культурологическая компонента как информация культурно-ценностного свойства совмещается с языковым значением и локализуется в единицах языковой системы.

В ходе исследования А. М. Гарифуллина показывает, как культурологическая составляющая языковой единицы соотносится с тремя составляющими культуры: цивилизационной, социально-психологической и модусной, что позволяет отразить все своеобразие культуры. Читатель получает достоверную картину того, что все три составляющие находят свое выражение в культурологической компоненте аллюзий, причем превалирующей выступает социально-психологическая составляющая. Автор монографии убедительно показывает, что аллюзии для Д. Фаулза являются тем ин-

струментом, при помощи которого он воссоздает английскую культуру в рамках своего дискурса. Культура буквально материализуется в его дискурсе, поэтому дискурс Д. Фаулза обладает той англоцентричностью, о которой пишут эксперты.

С другой стороны, культура предстает и как совокупность различных кодов [5, с. 28]. Культурные коды — это системы знаков материального и духовного мира, являющиеся носителями культурных смыслов. Они представляют собой вторичные знаковые системы, использующие разные материальные и формальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к картине мира, к мировоззрению данного социума. В данной работе успешно используются кодовые системы, разработанные учеными Московской школы лингвокультурологического анализа фразеологии [6, с. 130].

Классификации, упомянутые выше, дополняют друг друга, так как они существуют в разных системах координат и имеют разные точки отсчета. Классификация, в рамках которой выделяются вербальный, реальный и акциональный коды культуры, принимает во внимание природу носителя культурной информации. Классификация, на базе которой выделяют пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный коды, характеризует сферы человеческой жизнедеятельности и их реализацию через знаковую форму.

Детальное рассмотрение вопроса о составляющих культуры и культурных кодах позволяет автору определить критерии соотношения обеих этих систем и выстроить определенные отношения между ними. Автор подчеркивает, что коды, разработанные Д. Б. Гудковым и М. Л. Ковшовой, коррелируют с тремя составляющими культуры, ранее выделенными С. В. Ивановой: цивилизационной, социально-психологической и модусной, или деятельностью. По мнению автора, цивилизационная составляющая культуры

соотносится с реальным кодом культуры, так как речь идет о материальных предметах. Социально-психологическая составляющая культуры вовлекает в свою орбиту вербальный код культуры — наряду с такими феноменами, как национальный характер, проявления нравственности, которые не всегда выражены вербально, так как язык есть аккумулятор культуры и менталитета лингвокультурного сообщества. Наконец, модусная, или деятельностьная, составляющая культуры эксплицирует акциональный код культуры.

Инновационный характер труда А. М. Гарифуллиной состоит в том, что автор подмечает: культурологическая компонента аллюзий, актуализирующаяся в основном в референте и в языковом знаке и преимущественно в его прагматическом слое, восходит к акциональному и реальному коду культуры, причем превалирующим выступает реальный код культуры. При этом единицы как реального, так и акционального кода культуры могут подвергаться вербализации, получать свое именование, то есть уже опосредованные языковой формой они становятся составляющими вербального кода. Аллюзии, в свою очередь, представляют собой вербализованные культурные знаки, соответственно, при анализе аллюзии вербальный код культуры в любом случае получает свое выражение и наслаивается на реальный или акциональный коды.

Обработка эмпирического материала дает возможность автору увидеть, что аллюзии прежде всего являются средством раскрытия реального кода в дискурсе Д. Фаулза, так как удельный вес аллюзий, восходящих к данному культурному коду, наиболее высок. Заслуживает одобрения наблюдение автора о том, что в рамках реального кода культуры обращает на себя внимание духовный код культуры. Причину этого автор видит в самой природе аллюзии, которая является средством расширенного переноса свойств и качеств мифологических, библейских, литературных, исторических и др.

персонажей и событий на те, о которых идет речь в конкретном высказывании.

Исследование приводит автора к заключению, что случаи наложения кодов культуры в рамках реального кода культуры малотипичны для дискурса Д. Фаулза, хотя и вполне возможны. Автор обращает внимание читателя на реализацию духовного кода, который наслаивается на временной и является наиболее частой комбинацией в случае наслаивания культурных кодов.

Важность рецензируемого издания состоит в том, что его автор убедительно доказывает, как язык становится тем ключом, который помогает дешифровать культурно-ценностную информацию за счет экспликации культурологической составляющей. Данное исследование однозначно показывает, что культурная информация поддается вербализации и бесконечно вербализуется в ходе коммуникации. Языковая ткань текста многослойна, так как, помимо сюжета, скрывает информацию о ценностях, особенностях культуры того или иного лингвокультурного сообщества. Так, ценности английского лингвокультурного сообщества, такие как, например, два идеальных типа англичанина — джентельмен и моряк, получают прямое выражение в языке, в частности в аллюзиях.

Тонкое аналитическое проникновение в проблему культурологической маркированности аллюзий дает возможность автору выявить культурный потенциал аллюзии и увидеть, что художественный текст выполняет особую функцию, связанную с передачей содержательной стороны явлений и процессов национальной истории и культуры.

Данная работа не оставляет сомнений в том, что лингвокультурологический подход к исследованию текста в целом [7], а также к изучению задействованных в нем языковых единиц открывает большие перспективы дальнейшего более глубокого анализа взаимодействия языка и культуры.

Библиографический список

1. Федулénkova Т. Н. Инновационная концепция стилeвого. Рецензия на книгу: Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. М.: Флнта, Наука, 2016, 240 с. (Стилистическое наследие) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. №5(92). С. 255—261. DOI 10.23859/1994-0637-2019-5-92-21.
2. Иванова С. В. Об основных понятиях и категориях лингвокультурологии // Когнитивные и семантические аспекты единиц языка и речи. Уфа: РИЦ БашГУ, 2007. С. 40—46.
3. Федулénkova Т. Н. Новаторский словарь — ответ на требование времени. Рецензия на книгу: Словарь лингвокультурологических терминов / авт.-сост. М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков / отв. ред. М. Л. Ковшова. М.: Гнозис, 2017. 192 с. // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 3 (90). С. 188—193. DOI 10.23859/1994-0637-2019-3-90-20.
4. Красных В. В. Когнитивная база vs культурное пространство в аспекте изучения языковой личности (к вопросу о русской концептосфере) // Язык, сознание, коммуникация. М.: Филология, 1997. Вып. 1. С. 128—144.
5. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры. М.: Гнозис, 2007. 288 с.
6. Маслова В. А. Современные направления в лингвистике. М.: Академия, 2008. 272 с.
7. Федулénkova Т. Н., Басова Т. А. Лингвистика текста и его категории в концепции И. Р. Гальперина. Рецензия на книгу: И. Р. Гальперин. Текст как объект лингвистического исследования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «Лингвистика и педагогика». 2020. Т. 10. № 4. С. 177—183.

References

1. Fedulenkova T. N. Innovative concept of style. Book review: Skrebnev Yu. M. Essay on the theory of stylistics. Moscow: FLINT, Nauka, 2016, 240 p. (Stylistic heritage). *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 2019, no 5 (92), pp. 255—261. DOI 10.23859/1994-0637-2019-5-92-21. (In Russ.)

2. Ivanova S. V. On the basic concepts and categories of cultural linguistics. *Kognitivnye i semanticheskie aspekty edinic yazyka i rechi* [Cognitive and semantic aspects of language and speech units.]. Ufa: RIC BashGU, 2007, pp. 40—46. (In Russ.)
3. Fedulenkova T. N. An innovative dictionary — the answer to the demand of the time. Book review: Dictionary of linguoculturological terms / author-comp. M. L. Kovshova, D. B. Gudkov / otv. ed. M. L. Kovshova. Moscow: Gnozis, 2017. 192 p. *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 2019, no 3 (90), pp. 188—193. DOI 10.23859/1994-0637-2019-3-90-20. (In Russ.)
4. Krasnyh V. V. Cognitive base vs cultural space in the aspect of studying the linguistic personality (to the question of the Russian conceptual sphere). *Yazyk, soznanie, kommunikaciya* [Language, consciousness, communication]. Vol. 1. Moscow: Filologiya, 1997, pp. 128—144. (In Russ.)
5. Gudkov D. B., Kovshova M. L. *Telesnyj kod russkoj kul'tury* [The corporal code of Russian culture]. Moscow: Gnozis, 2007. 288 p. (In Russ.)
6. Maslova V. A. *Sovremennye napravleniya v lingvistike* [Modern trends in linguistics]. Moscow: Akademiya, 2008. 272 p. (In Russ.)
7. Fedulenkova T. N., Basova T. A. Linguistics of the text and its categories in the concept of I. R. Galperin. Book review: I. R. Galperin. Text as an object of linguistic research. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Lingvistika i pedagogika»* [News of the South-West State University. Series "Linguistics and Pedagogy"], 2020, vol. 10, no 4, pp. 177—183. (In Russ.)

Сведения об авторах

Бакина Анна Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орел, Российская Федерация

Биньковская Лариса Николаевна, старший преподаватель кафедры дизайна архитектурной среды, Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, г. Белгород, Российская Федерация, e-mail: larisa.bankovskaya@yandex.ru

Бразговская Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; Русская христианская гуманитарная академия, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: elena.brazgowska@gmail.com

Габб Екатерина Александровна, аспирант, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Российская Федерация, e-mail:

Гуляева Наталья Ивановна, кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языка, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, г. Сыктывкар, Российская Федерация, e-mail: guljaevan@rambler.ru

Гурленова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и педагогической антропологии, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Российская Федерация, e-mail: gurlenovalv@syktsu.ru

Иванищева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры филологии и медиакоммуникаций, Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск, Российская Федерация, e-mail: oivanishcheva@gmail.com

Мальцев Константин Геннадьевич, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки, Белгородский технологический университет им. В. Г. Шухова, г. Белгород, Российская Федерация, e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Мальцева Анна Викторовна, кандидат политических наук, доцент кафедры теории и методологии науки, Белгородский технологический университет им. В. Г. Шухова, г. Белгород, Российская Федерация, e-mail: pavic69@mail.ru

Мартысюк Павел Григорьевич, доктор философских наук, профессор кафедры психологии и конфликтологии, Российский государственный социальный университет филиал в г. Минске, главный редактор журнала «Гісторыя і грамадазнаўства», г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: pr_martis@yahoo.com

Мелихов Михаил Васильевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Российская Федерация, e-mail: melikhovm@mail.ru

Мэнцзе Лян, аспирант кафедры филологии и медиакоммуникаций, Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск, Российская Федерация, e-mail: 1mentsze2018@gmail.com

Поляков Юрий Васильевич, студент института истории и права, Сыктывкарский государственный университет имени Пити-рима Сорокина, Сыктывкар, Российская Федерация, e-mail: constitution1992@gmail.com

Федуленкова Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Гуманитарного института, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, член Российского Профессорского собрания, член Научного совета по филологическим наукам РПС, член-корреспондент РАН (г. Москва), г. Владимир, Российская Федерация, e-mail: fedulenkova@list.ru.

Шабаев Юрий Петрович, доктор исторических наук, с. н. с., зав. сектором этнографии, Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, г. Сыктывкар, Российская Федерация, e-mail: yupshabaev@mail.ru

Шарапов Валерий Энгельсович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора этнографии, Институт ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Российская Федерация, e-mail: sharapov.valerij@gmail.com

Our Contributors

Anna D. Bakina, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of English Philology, Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, the Russian Federation, e-mail: heart-anna@yandex.ru

Larisa N. Binkovskaya, Senior Lecturer of the Design of Architectural Environment Department of Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov, Belgorod, the Russian Federation, e-mail: larisa.bankovskaya@yandex.ru

Elena E. Brazgovskaia, Doctor of Philology, Professor, Perm State Humanitarian Pedagogical University; Russian Christian Humanitarian Academy, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: elena.brazgowska@gmail.com

Ekaterina A. Gabb, post-graduate student of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, the Russian Federation, e-mail:

Natalia I. Gulyaeva, Candidate of Philology, Research Worker of the Language Department, Institute of Language, Literature and History of the Komi Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Syktyvkar, the Russian Federation, e-mail: gulyaevan@rambler.ru

Liudmila V. Gurlenova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Cultural Science and Anthropology of Education, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, the Russian Federation, e-mail: gurlenovalv@syktsu.ru

Olga N. Ivanishcheva, Professor, Ph.D. in Philology, Murmansk Arctic State University, Murmansk, the Russian Federation, e-mail: oivanishcheva@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-8495-05302>

SPIN-код: 1082-6004, AuthorID: 329364

Konstantin G. Maltsev, Doctor of Philosophy, Professor of the Theory and Methodology of Science Department of Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, the Russian Federation, e-mail: maltsevaannav@mail.ru

Anna V. Maltseva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Theory and Methodology of Science Department of Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, Belgorod, the Russian Federation, e-mail: pavic69@mail.ru

Pavel G. Martysiuk — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Psychology and Conflictology, RSSU, Chief Editor of the "History and Society" journal, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: pr_martisi@yahoo.com

Mikhail V. Melikhov, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Russian Philology Department, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, the Russian Federation, e-mail: melikhovm@mail.ru

Mengjie Liang, Ph.D student in Linguistics and Media Communication, Murmansk Arctic State University, Murmansk, the Russian Federation, e-mail: lmentsze2018@gmail.com

Yuriy V. Poliakov, Bachelor Student of History and Law Institute of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, the Russian Federation, e-mail: constitution1992@gmail.com

Tatiana N. Fedulenkova, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Foreign Languages of Professional Communication of Humanitarian Institute, Vladimir State University named after the Stoletov Brothers, Member of the Russian Professorial Board (RPB), RPB Member of Scientific Council on Philological Sciences, Corresponding Member of RANH (Moscow), Vladimir, the Russian Federation, e-mail: fedulenkova@list.ru.

Yuriy P. Shabaev, Doctor of History, Senior Research Worker, Head of the Ethnography Department of Language, Literature and History Institute of the Research Center of the Russian Academy of Sciences Ural Branch, Syktyvkar, the Russian Federation, e-mail: yupshabaev@mail.ru

Valeriy E. Sharapov, Candidate of History, Senior Research Worker, Top Expert of the Ethnography Department of Language, Literature and History Institute of the Research Center of the Russian Academy of Sciences Ural Branch, Syktyvkar, the Russian Federation, e-mail: sharapov.valerij@gmail.com

Периодическое издание

Человек. Культура. Образование

Научно-образовательный и методический журнал

№ 3 (41) 2021

Редактор *Л. В. Гудырева*

Корректор *Е. М. Насирова*

Верстка и компьютерный макет *А. А. Ергаковой*

Выпускающий редактор *Л. Н. Руденко*

Подписано в печать 17.09.2021. Дата выхода в свет 04.10.2021.

Печать ризографическая. Гарнитура Cambria.

Бумага офсетная. Формат 60×84/16.

Усл. п. л. 10,9. Уч.-изд. л. 8,2.

Заказ № 97. Тираж 500 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в Коми республиканской типографии

167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Савина, 81